COD(EX) SUPRATTUS. ПАРАГРАФ 3

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

КОНЕЧНО, КРОВЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В престижном районе Юдайна-Сити убит известный сталелитейщик Нурсет фер вис Фиитчи. Набожная вдова покойного вышла на след убийцы, но финальное признание должен вырвать именно Ланс фер Скичира — Бледношкурый Джадуга и «специалист по решению деликатных проблем». Несвоевременно? Возможно. Но долг названной сестре отдавать всё равно придётся, и поскорей… Заложник обстоятельств и демонов прошлого, Ланс вынужден вновь бежать по лезвию бритвы — из парка утончённых развлечений в грязные подвалы комплеблоков, из шикарных особняков Тинкернальта в нищие окраины гнезда. А ведь ещё терюнаши предстоит позаботиться о щедром, но предельно опасном подарке престарелого Диктатиона…

- Андрей Фролов
  - Словарь
  - Disclaimer
  - Глава 1
  - п.3.; г.1; ч.2
  - Глава 2
  - п.3.; г.2; ч.2
  - п.3.; г.2; ч.3
  - praeteritum
  - Глава 3
  - п.3.; г.3; ч.2
  - «Ломкая горечь»
  - Глава 4
  - п.3.; г.4; ч.2
  - Глава 5
  - Глава 6
  - п.3.; г.6; ч.2
  - praeteritum
  - Глава 7
  - п.3.; г.7; ч.2
  - Глава 8
  - «Ломкая горечь»
  - Глава 9
  - п.3.; г.9; ч.2
  - Глава 10
  - п.3.; г.10; ч.2
  - praeteritum

- Глава 11
- п.3.; г.11; ч.2
- п.3.; г.11; ч.3
- «Ломкая горечь»
- Глава 12

Андрей Фролов
Конечно, кровь (Ланс Скичира 3)

Словарь

Все использованные ниже термины и определения в тексте дублируются сносками, а здесь опубликованы для удобства читателей.

Первым небольшим блоком приведены несколько терминов (в порядке появления), в третьей книге озвученных впервые, затем следует «основной», уже знакомый читателям романов **«Огню плевать»** и **«Точите ножи!»**.

ЧИБИТО. Устаревший термин, означающий «уже мертвый внутри, но еще живой».

КИУААМ-ПУДЖА. Старинный ритуал жестокого самоистязания в раскаяньях за совершенный проступок или серьёзную ошибку.

КУРАНПУ. Зажим или силок на мелких животных (устаревший диалект нихонинди).

ГАППИ. Она же «болтушка», повсеместно распространенное портативное устройство с широким набором функций.

СТРИХ. Сильнодействующий синтетический наркотик с ярко выраженным действием, быстро вызывает психологическую и физическую зависимости.

ДАЙЗУ. Также известное, как «карамель», легализованное психоактивное вещество.

ЧИНГА. Вареный тонизирующий напиток из полусинтетической смеси, вызывающий легкое привыкание.

КИЗО-ДАРИДРАТА. Буквально «благородная нищета», философское течение, образ мысли и существования, пронзающий множественные слои гнезд; предполагает уважительно-пренебрежительное отношение к материальным ценностям и образу существования.

ПАЙМА. Алкогольный напиток крепостью 40–60 градусов.

КАЗОКУ. Ячейка преступного сообщества.

БОРФ. Оскорбительный термин в отношении представителя нетрадиционной сексуальной ориентации.

МОННГО. Азартная игра с использованием специальных фишек-костей для 2–4 участников.

ФАНГА. Игловидный поражающий снаряд стрелкового оружия.

БАШЕР. Ручное стрелковое оружие, чаще всего одноствольное и компактное, но бывают и исключения.

АССОЛТЕР. Ручное индивидуальное автоматическое оружие

для ведения длительного и/или дистанционного боя.

РАКШАК. Чу-ха, обученный воинскому искусству и отдавший гражданский долг несением службы.

ГЕНДО. Двухколесное транспортное средство с маломощным электродвигателем.

ВИСТАР. Представитель высшего слоя привилегированного класса чу-ха.

МИЦЕЛИУМ. Единый информационный туман, пронизывающий все слои общества чу-ха.

СААДУ. Служитель религиозного культа Благодетельной Когане Но и прочих представителей ее пантеона.

ОПИАНИН. Полулегальный синтетический наркотик.

МАНДЖАФОКО. Операторы, инженеры-проектировщики, отладчики и разработчики новых моделей синтосексуалов.

КАСТУРА. Он же «Моллюск», легкий антропоморфный танк.

БАЙШИ. Негативное определение личности, неразборчивой в интимных связях и вступающей в них с любым желающим.

КАЗОКУ-ЙОДДА. Боец ячейки.

ТАЙЧО. Невероятно популярная игра на специальном столе с воротцами по бортам, с применением шаров-битков и специальной тычковой биты.

КУКУГА. Синтосексуал высшего уровня.

КАЗОКУ-ХЕТТО. Безусловный лидер ячейки.

ОНСЭН. Специалист по оказанию интимных услуг за деньги.

ГЛАБЕР. Он же «лысый землекоп», калибровщик устройств входа в Мицелиум, а также специалист по решению на его просторах задач (зачастую незаконных) любого уровня. Г. нередко объединяются в псевдорелигиозные ячейки и не стесняются демонстрировать принадлежность к цеху уникальных ремесленников.

ДЖИНКИНА-ТАМ. Мифологическое определение суррогатного сознания.

ЮНМУ. Информационный накопитель.

МИЦЕЛИ-ЙОДДА. Глабер-радикал, боец Мицелиума.

ГЕДЖЕКОНДУ. Трущобные районы гнезда, возникшие в результате взрывной урбанизации.

КАЗОКУ-ШИН. База криминального сообщества.

ХАТЬЯРА. Наемный убийца.

ШКУРА-КОТОКАГЕ. Костюм, оснащенный специальными средствами блокировки или обмана средств визуального, радиолокационного или инфракрасного (и других областей спектра) слежения.

Disclaimer

Считаю необходимым поместить сюда своего рода предостережение.

Как и во второй книге цикла COD(EX) SUPRATTUS, часть глав параграфа **«Конечно, кровь»** будет открыта для бесплатного ознакомления. Посему хочу предупредить всех, ещё не знакомых с предыдущими похождениями Ланса фер Скичиры — вы листаете эти «открытые» страницы на свой страх и риск, так как в них могут обитать хищные спойлеры, способные подпортить впечатление от чтения (если затем вдруг надумаете-таки начать с первой книги).

Поэтому если вам действительно интересно почитать о приключениях человека в хвостатом мире Юдайна-Сити, автор прозрачно намекает — начните с «Огню плевать», первого романа цикла.

Ну а уже знакомым с развитием событий и содержанием предыдущих параграфов: добро пожаловать, присаживайтесь, вот вам пиала паймы или чашка чинги на выбор, поехали!

Глава 1
ВЕЛИКОЛЕПНО БЕЗ ТОРГА!

Даже убелённый сединами мудрец не всегда способен предсказать, что гигантские неприятности умеют увеличиваться *вдвое*. Причём внезапно и крайне несвоевременно. Такое постигаешь исключительно на собственной шкуре, подчас не веря глазам и ушам…

Ясен хвост, в силу определённых (и весьма непреодолимых) обстоятельств, я не хотел включать устройства связи и отвечать на входящий вызов. В силу других, не менее непреодолимых — мне пришлось откликнуться.

Разумеется, ведение привычных дел в моей ситуации было… мягко скажем, оно было не совсем своевременным. Да что там? Любовный трёп с супругой по гаппи в момент наяривания кукуга славным муженьком был бы куда уместнее моего ответа на настойчивые вызовы Сапфир.

Но, как любит повторять подвыпивший сааду Пикири — судьбу не переиграешь в моннго, и слишком много непредсказуемого может случиться, когда мы отвечаем на внезапную пульсацию запястной «болтушки».

Сапфир обошла мою параноидальную блокаду старым добрым способом — прислала малыша-вестника, осторожно, но с упорством поскрёбшегося во входную дверь. Через примитивный оптический глазок убедившись, что за порогом не ожидает новая напасть, я открыл. Совсем чуть-чуть, не снимая цепи, но этого хватило, чтобы сопляк бросил в щель:

— Сапфир велит тебе включить *бучую «болтушку»!

И умчался со всех ног, осеняя себя охранными знаками.

Что поделать? Вот я и включил… Основную, разумеется, по понятным причинам вторая секретная работала в круглосуточном режиме. Пролистал десяток безответных вызовов, и всё же развернул канал.

Наверное, уже тогда меня должно было насторожить, насколько странным был тон любимой Сапфир. Или факт, что помощница воспользовалась маркировкой высшего приоритета, хотя мы уговаривались поступать так только в самых крайних случаях. Но мысли были заняты *совсем другим*, а потому я прокрался в пищевой блок, принял вызов и постарался говорить как можно тише.

— Какого беса ты отключил гаппи?!

— Что стряслось? Это срочно?

— Решишь сам! — раздражённо отрезала она.

Дочь хозяина комплеблока казалась расстроенной. Возможно, чем-то подавленной. Непривычно отстранённой. Но времени разбираться не оставалось, потому что уже через секунду она добавила:

— К тебе на приём рвётся одна особа. Высокопоставленная, если так можно сказать. Она уже битый час почему-то греет *мои* уши с несгибаемым, байши, упорством.

Я вздрогнул, но тут же успокоил себя железным аргументом, что если бы Алая Сука захотела нарушить установленные протоколы и вломиться в моё убежище, то уже давно была бы внутри.

— Логично, — почти шёпотом прокомментировал я, поглядывая в тёмную комнату. Суть разговора никак не хотела выстраиваться в стройную линию, и тому была веская причина, — ведь ты же моя помощница…

Вместо привычного игривого фырканья Сапфир осталась невозмутимой, будто играла в престарелую и умудрённую вистар:

— Ты сам это выдумал, Ланс… Но до сих пор не заплатил за секретарские услуги ни единой рупии. Сисадда?

Пожалуй, мне стоило насторожиться и сейчас. Ланс? Вместо привычного «Малыш»? Но я… я оставался глух.

— Детка, — ответил как можно мягче, и ещё сильнее понижая голос, — ты же знаешь, только попроси…

— Я бы поддержала игру, Ланс, но и так потратила кучу времени на попытки достучаться. А ещё у меня слишком… много дел.

Я нахмурился. Дремота, усталость, страх и потрясения минувшей ночи постепенно сдавались под напором необычности разговора.

— Ты назовёшь имя? — спросил я, невольно переходя на деловой тон.

И взмолился всем известным божествам, что делаю крайне редко. О, могущественная и милосердная Когане Но; о, безжалостная в своём мнимом смирении Двоепервая Стая — пусть это будет блаженная? Пусть это будет пришибленная, потерявшая связь с реальностью богачка, от чьих заказов я отказывался без зазрений совести?

Нет, уважаемая, я не умею общаться с душами умерших родственников. Нет, достопочтенная, я не умею предсказать результаты собачьих бегов. Нет, блистательная госпожа, я не могу лечить смертельные заболевания домашних питомцев. На такое я не способен даже за самые большие деньги, хотя обычно чу-ха с ветром меж ушей просят проделать подобный трюк бесплатно.

Не то, чтобы я обменивал на хрустящие купюры совершенно все свои умения, но благотворительные заказы (впрочем, всё равно оплачиваемые из карманов Нискирича) принимались только в канун Дня Благодарности и расписывались за два-три месяца до праздника…

Увы, в этом случае всё случилось точнёхонько наоборот, потому что через мгновение Сапфир назвала имя посетительницы:

— Чинанда-Кси фер вис Фиитчи.

Я нахмурился.

Знакомая фамилия. Громкая. Не то, чтобы память мгновенно откликнулась, но упоминания об этом семействе время от времени всплывали в свежих приливах мицелиумных волн…

— Мне уже искать упоминания на прокламаторских станциях?

— Можешь попробовать, — совершенно серьёзно откликнулась синешкурая хозяйка чингайны на первом этаже комплеблока, — у тебя четверть часа, а после госпожа Фиитчи предстанет у твоего порога.

У меня прихватило сердечко. Затравленно оглянувшись на комнату, я облизнул вмиг пересохшие губы и сипло попросил:

— Детка, а не могла бы ты разузнать, возможно ли перенести визит госпожи Фиитчи на более поздний сро…

— Малыш! — достаточно резко, но хотя бы с привычным обращением прервала меня Сапфир. — Напоминаю, что не состою в штате компании «Ланс Скичира и его странные тёмные делишки»…

Она виновато замялась, словно сказанула-таки лишнего, и поспешила добавить:

— А ещё, Малыш, *таким* не отказывают. Сисадда? Ну, или попробуй сделать это лично.

И Сапфир окончила разговор.

Будь у меня чуть больше времени, я бы задумался. Может, даже спустился вниз и попытался выведать у подруги причины внезапной отстранённости, но… четверть часа — это подчас катастрофически мало, особенно для праздных размышлений.

Мысли пустились вскачь.

Байши, а ведь девчонка права — таким не отказывают. Значит, придётся провести приём. Рассеянно вертя на пальце колечко Аммы, я лихорадочно размышлял. Стройности сознания не помогали ни бессонная ночь, ни приведшие к ней первопричины.

Потеряв почти минуту, я начал действовать.

Опасное сокровище было со всей возможной почтительностью

(с учётом обстоятельств) укрыто в стенном шкафу, который я горделиво величал кабинетом. Необычная капсула, доставленная криитами — замаскирована со всем тщанием, на которое я оказался способен за десять минут; вычищена от клановых печатей, с натугой сдвинута в спальную зону и отгорожена раздвижной ширмой, ещё с переезда пылящейся в углу.

Убедившись, что чёрный покатый борт всё же выпирает из укрытия, я прислонил к нему ростовое зеркало с ближайшей стены.

В голове сделалось тяжко и туманно. Я ощущал предательскую слабость. Будущее не сулило ничего доброго, вынуждая спешно подбирать веские (в меру вежливые и не оскорбительные) аргументы для переноса беседы с фер вис Фиитчи на другой день…

В «кабинете» царила тишина, и я метнулся в пищеблок.

Рассыпая душистый порошок, спешно заварил чингу, по консистенции больше похожую на жидкий чугун; отыскал в ящике забытый свёрток с «бодрячком». Недовольно поморщился, почти спрятал зелье обратно, но всё же решился и сыпанул щепотку в горячий напиток.

Разбавил холодной водой, выпил почти залпом, всё-таки обжигаясь и шипя. Но уже через ещё одну драгоценную минуту ощутил в ушах приятный гул. Сознание прочистилось, а сонливость и путаность мыслей отступили, пусть даже ненадолго.

Взвесив риски, я включил системную консоль, цепанулся к ней через гаппи и бросил в Мицелиум горсть поисковых запросов, почти сразу немало поразившись найденному.

Чинанда-Кси фер вис Фиитчи. Частая гостья благотворительных балов, один билет на которые стоил моего месячного дохода; участница многочисленных религиозных паломничеств- *ш* ***а*** *мтарров*; предполагаемый уровень благосостояния измеряется крайне сочными цифрами; патронесса нескольких домов малютки.

Поверх сухой биографии наслоилось нечто более интересное — свежайшие и донельзя противоречивые слухи о недавней кончине супруга. Причём большинство сомнительных версий на корню опровергались из «надёжных, приближённых к семейству источников»…

Я помассировал виски.

Что могло понадобиться жене… точнее, вдове одного из крупнейших сталелитейных воротил Юдайна-Сити от Бесхвостого Джадуга, живущего в скромном комплеблоке ещё более скромного района? Ладно, допустим, известно что… но до чего же не вовремя!

Впрочем, подобные госпоже Фиитчи клиенты всегда приносили хорошие деньги. А они, несмотря на щекотливость ситуации, мне сейчас были ой как нужны. Обстоятельства заставили практически обнулить запасы, и что-то подсказывало, что вскоре (особенно после ночных откровений) мне понадобится пачка-другая рупий крупного номинала…

Выключив консоль, я лишь сейчас удосужился взглянуть на себя в ближайшее настенное зеркало. Увиденное не впечатляло. Скажу больше — оно пугало и вызывало отторжение: Чинанда-Кси вряд ли будет рада излагать суть дела растрёпанному мутанту с чёрными кругами вокруг глаз, к тому же основательно обросшему щетиной.

Нет, вообще-то в обычное время я брился, причём часто. Казалось бы, чем больше шерсти на бледной морде, тем больше я стану походить на хвостатых, хотя бы отчасти, но… Лицо обрастало значительно хуже, чем голова или подмышки, неравномерно и вкось. И в какой-то прекрасный момент отчим лично вручил мне бритву. На которую (по понятным, опять же, причинам) сейчас было откровенно наплевать…

Я торопливо застегнул рубаху, оправил; помассировал виски, прочистил уголки глаз. И едва покончил с остатками тёплой бодрочинги, как в дверь постучали, на этот раз уверенно и по-хозяйски.

Разумеется, Сапфир не обманула — на моём пороге стояла именно она, благородная госпожа фер вис Фиитчи. Со шкурой рыжеватого отлива, вся в коричнево-сером, пошитом из нарочито-грубых с виду тканей, одетая скромно, если не сказать — скучно. Но всё равно одним видом своим транслирующая окружающим и происхождение, и высокий социальный статус.

За спиной хозяйки, хищно осматривая опустевший коридор подъезда, возвышался шкурохранитель-сероспинка, крепкий и широкоплечий.

Дверь я открыл без лишних вопросов и прелюдий. Замер на входе в прихожую, искренне благодаря напиток за необходимый прилив сил:

— Чинанда-Кси фер вис Фиитчи, полагаю? — И чуть заметно поклонился.

— Полагаю, господин Скичира?

Она вошла, осматривая бесхвостого мутанта с любопытством и лёгкой брезгливостью, присущей богачам. Принюхалась, задержала взгляд на бледно-жёлтой подживающей скуле, припухшем ухе, сбитых костяшках.

Я протянул руку в вежливом приглашающем жесте. И тоже рассмотрел потенциальную клиентку: её однотонный костюм из

блузы и юбки, сконструированных так, словно от хвоста до подрагивающих ушей Чинанда-Кси была закутана в домотканный балахон чу-ха-хойя.

Гаппи моей гостьи тоже оказался стилизованным, напоминая простенький каменный браслет; из украшений она носила лишь символ Двоеперовой Стаи — керамическую фигурку-подвеску на скромном кожаном ремешке.

Когти, хвост и зубы госпожи Фиитчи пребывали в безупречном состоянии. А вот глаза выглядели воспалёнными, будто всю прошлую неделю та вместе со мной бегала от могущественных казоку-хетто, штурмовала стеклянные шпили, изобличала двуличных слибу и участвовала в изматывающих словесных дуэлях с отчимом…

— К вашим услугам, — чуть отступив в сторону, произнёс я, — прошу, проходите.

Она чуть помедлила в пороге, элегантно придержала кончик хвоста и старательно вытерла о коврик босые лапы (вероятно, принадлежность к натуралистам тоже должна была подчёркивать подлинные благочестивость и единение с природой).

Здоровяк-шкурохранитель смерил меня тяжеленным взглядом из-под кустистых бровей, раздраженно повел носом, отвернулся к притихшему подъездному холлу (ох, и сплетен будет в «Куске угля» уже к обеду!) и потерял к происходящему малейший интерес.

«Бодрячок» в организме вступил в преступный и донельзя коварный сговор с крепкой чингой, почти заставив забыть о кабинетных тайнах и на два голоса распевая о лёгком гонораре, способном покрыть мои легкомысленные, но отнюдь не скромные расходы. Прикрыв входную дверь, я с неожиданной лёгкостью последовал за гостьей в главную комнату обиталища.

Чинанда-Кси молча и весьма грациозно присела на край дивана. Уложила хвост на коленях, осматриваясь деловито, но с воспитанным тактом; её влажный нос невольно раздувался и трепетал, выдавая недовольство запахами, но комментировать она, конечно же, не осмелилась.

Впрочем, если госпоже Фиитчи действительно довелось побывать хоть в одной шамтарре и искать кров в сборных хижинах кочевых племён, этот нос должен был познать и не такое. А ещё оставалось надеяться, что он не учует постороннего, очень опасного запаха…

Взгляд её скользнул по закрытой двери в кабинет, по раздвижной нише, отрикошетил от намеренно подвёрнутого зеркала на капсуле, и через мгновение впился прямо в меня.

— Вы ведь знаете, кто я, господин Скичира? — приятным

голосом спросила она, не пошевелившись, будто позировала на картину.

— В общих чертах, — честно сознался я.

Прошёлся по комнате, чувствуя неуместное оживление. Сделал вид, что прибираю разбросанные в беспорядке вещи.

— Вы уже слышали, что моего мужа убили? — столь же прямо поинтересовалась Чинанда-Кси, опустив ритуальные для вистар темы о погоде, самочувствии и крепости аппетита.

Я повернулся к гостье всем телом, по-прежнему испытывая будоражащий зуд. Ответил осторожно, уклончиво, постаравшись не допустить и тени лукавства:

— Мои соболезнования, госпожа Фиитчи. Слышал, но весьма поверхностно. Информация об этом трагическом событии крайне противоречива.

— К сожалению, дело обстоит именно так, как я вам об этом повествую, — мягко надавила она, всё ещё сохраняя полнейшую неподвижность, что для всей без исключения братии чу-ха равнялось подвигу. — Мой любимый и любящий Нурсет фер вис Фиитчи мёртв. Убит, если точнее. К счастью, пока нам удаётся удерживать общественность на расстоянии от этого прискорбного факта.

— У семейства имеются причины скрывать обстоятельства смерти? — ляпнул я, не успев обдумать тактичность вопроса.

Тем не менее, Чинанда-Кси повела бровью, причём почти одобрительно.

— Можно сказать и так.

И замолчала. Будто бы заставила себя замолчать. Или не нашла сил говорить дальше. Взгляд Чинанды-Кси был устремлён в одну точку.

Потеряв последние крупицы воспитанности, я обшарил её глазами. Без труда считал волнение, которое богачка пыталась погасить; раздражение от удушающего количества зеркал; жгучую скорбь, без остановки разъедающую её душу; и… страх?

Байши, да она же откровенно боялась! Но ещё сильнее не желала этого показать.

— Вас что-то смущает, госпожа Фиитчи? — осторожно поинтересовался я, едва удержавшись, чтобы не начать грызть ноготь. Вероятно, «бодрячка» в чингу можно было насыпать и поменьше… — В эту самую минуту, в этой самой норе?

— Вы действительно проницательны, господин Скичира. — Она чуть сменила позу и вновь замерла. — Признаюсь откровенно, да.

Я улыбнулся со всей теплотой и дружелюбием, на какие только был способен в состоянии, близком к нервному

перевозбуждению:

— Тогда буду ответно откровенен: пьедестал тревог, испытываемых посетителями этой комнаты, венчает несанкционированное воздействие на них моими *умениями*. Я угадал?

Благородная самка в нарочито скромной одежде промолчала, по-прежнему изучая убранство гостиной и стараясь не заглядывать в зеркала. Впрочем, всё было ясно и так.

— Для тревоги нет причин, — мягко прокомментировал я, сложив ладони в примирительном жесте, — я профессионал. Ведь вы, госпожа фер вис Фиитчи, наверняка навели необходимые справки, прежде чем приказать водителю забраться в сердцевину далеко не самого благополучного района гнезда?

Также я едва не добавил, что в таком состоянии едва ли представляю опасность для вистар и её сородичей вообще. Но вовремя прикусил язык.

— Разумеется, — с величественной выдержкой ответила Чинанда-Кси.

— Тогда прошу — оставьте опасения, — я ещё раз потряс сжатыми ладонями. — И расскажите, чем могу быть полезен.

Ещё мне очень хотелось добавить *«и побыстрее»*, но профессионализм действительно побеждал нетерпение.

Гостья, однако же, оставалась неспешной. Да что там?! В пустыне за границами Юдайна-Сити я видел вечно приморожeнных панцирных ящериц, которые выглядели куда шустрее моей необычной посетительницы.

— Мой муж… — наконец сказала она, снова взглянув мне в глаза. — Мой несчастный любимый супруг Нурсет фер вис Фиитчи. Его убили в родовой норе.

п.3.; г.1; ч.2

Я постарался не переминаться с ноги на ногу, хоть это и было непросто. Продолжения всё не следовало, а я был готов поклясться, что дальше меня ожидает рассказ, где и как случилась беда. Наверняка, в Пиркивелле или Тинкернальте, где круг подозреваемых — слуги, рабы, завистники, да грабители, в конце концов, — огромен настолько, что можно перебирать вечно.

Язык Чинанды-Кси быстро мазнул по сухой губе, и я получил ещё одну крупинку информации:

— В крыле, куда открыт доступ лишь мне, несчастному Нурсету — пусть сжалится над его душой Двоепервая Стая, — и моей сестре Аширне…

В комнате снова наступила тишина, на этот раз показавшаяся мне куда интереснее. Круг сузился, суля быстрые деньги, после получения которых я совсем скоро смогу вернуться к решению более насущных вопросов!

Легкомысленно позабыв о страшной кабинетной тайне, возможном шпионаже со стороны одного хитрожопого джинкината-там и отодвинув на задний план все прочие характеры Ланса Скичиры, мой внутренний бухгалтер пустился в пляс. Хохочущий гад подсчитывал лёгкую прибыль и радужные перспективы вот-вот рассчитаться с долгами.

— Осмелюсь предположить, что у вас уже сложилась общая картина возможных событий? — спросил я, приглушив ликующего в голове поганца. — Может быть, даже имеются подозрения?

Она вдруг вскинулась, чуть меня не напугав. Флёр религиозной кротости если и не слетел, то уж трещинами покрылся точно.

— Не подозрения, господин Скичира, — с придыханием ответила Чинанда-Кси, — а самые настоящие факты — это сделала Аширна, эта бездетная байши, гулена и подстилка, неблагодарная завистливая дрянь!

И не успел я уточнить, как она добавила:

— Знакомые с нашим семейством тетроны не спешат с расследованием… даже несмотря на, скажем так, инструменты дополнительной мотивации, как называет их мой распорядитель. Иногда мне даже кажется, что они просто не верят в её виновность!

Я снова постарался говорить мягко и вкрадчиво, будто с детёнышем:

— Тем не менее, у вас имеются прямые доказательства?

Плечи Чинанды-Кси поникли, она рассеянно прикоснулась к «каменному» браслету.

— Нет, — едва слышно сказала вдова. — Почти. Но именно за ними, господин Скичира, я к вам и пришла…

Внутренний бухгалтер, всё ещё торжествовавший на задворках сознания, заткнулся на высокой ноте. Но не успел я пояснить, что лишён возможностей, полномочий и даже желания выполнять полноценную тетронскую работу, как фер вис Фиитчи соизволила пояснить.

— Сейчас наше семейство находится в очень густой тени, господин Скичира, — без единой эмоции проговорила она, снова превращаясь в бесстрастную статую, — и тень эта рождена присущими нашему уровню общества слухами, сплетнями и наговорами. Совсем скоро, не успеем мы оглянуться, семейство фер вис Фиитчи не сумеет более отводить в сторону этот красный саван лжи и завуалированных обвинений. Именно поэтому я и нанимаю вас — вы обязаны как можно скорее допросить Аширну с помощью ваших… умений, как было сказано. И при свидетелях вырвать у мерзавки признание.

Я шумно причмокнул, не совсем своевременно спохватившись и вспомнив, в чьей компании нахожусь. Бодрочинга заставила качнуться на пятках.

Притихший было мыслительный счетовод снова подал робкий голосок. Пожалуй, предлагаемая Фиитчи работёнка и правда подходила мне по профилю, и если оплата будет соответствующей…

— Мне придётся задать ещё несколько вопросов, — произнесли мои губы, причём машинально, почти не связавшись с главным дистант-пилотом в черепной коробке. — Не сочтите их бестактными, но так уж я привык работать…

Она молча кивнула. Едва-едва, но определённо дозволяя. Покорная, разбитая сплетнями немолодая вистар, переступившая вековую генетическую гордость и самолично пришедшая в жалкую нору презренного терюнаши.

— Что говорит о случившемся ваша сестра, Аширна фер вис Фиитчи?

Чинанда-Кси осталась неподвижной, но глаза опасно сверкнули.

— Разумеется, клянётся в невиновность! — почти прошипела она. — Утверждает, что в ночь убийства находилась вне поместья. Но подтвердить этого, конечно же, не способна. Лживая сучка, отнявшая у меня самое дорогое…

Я кивнул, не спеша погружаться в новые уточнения. Приливы энергии во мне мягко переплетались с волнами усталости и

откровенной умственной перегрузки. Однако Чинанда-Кси не закончила:

— Вы должны доказать моей родне и друзьям, господин Скичира, что Аширна действительно виновата в смерти Нурсета.

Неторопливо помассировав виски, я вовремя скрыл удивление, отразившееся в многочисленных зеркалах. Спросил с предельной деликатностью, какую только мог изобразить:

— Мне казалось, вы нанимаете меня, чтобы изобличить убийцу?

— Ах, Ланс! — Госпожа Фиитчи всплеснула лапами, упустив кончик хвоста и позволив тому шлёпнуть по полу. — Вы ведь разрешите называть вас просто Ланс? Прошу, оставьте это пустое жонглирование смыслами! Желчных игр и словесных капканов мне каждый вечер хватает и в собственной гостиной…

Я поджал губы и покорно кивнул.

Вдову было сложно не понять: когда весть об убийстве известного сталелитейщика просыплется на просторы Мицелиума с официальными подтверждениями, моего появления и применения нашумевших (как оказалось, не только в узких кругах) талантов будет вполне достаточно для восстановления репутации избалованного богатством семейства. Вероятно, госпожа Фиитчи выбрала действительно выигрышную стратегию — *внемлите диковинному джадуга из бедных районов, способному докопаться до самой правдивой правды!*

Возможно, в иной ситуации я бы ещё раз всё взвесил. Сейчас же переменные казались простыми и не требующими массы времени. Найти Аширну, поговорить, использовать «низкий писк», вызнать правду. Раскланяться, пересчитать рупии, красиво удалиться. Вернуться к повседневным делам.

Если сестричка и правда грохнула зятя, свои деньги я получу ещё до следующего восхода; если она по какой-то невообразимой пока причине невиновна, то… выслеживать настоящего убийцу меня не нанимают, верно? Дело не будет трудным!

— Пожалуй, госпожа фер вис Фиитчи, — сказал я не без апломба, — я возьмусь за ваш заказ.

Она лишь вздохнула. Тяжко, но до того облегчённо, что я едва не задумался о щедрой благотворительной скидке. Вместо этого направил мысли в рабочее русло:

— Как вы можете догадаться, мне понадобятся отчёты «полосатых рубашек». Даже пока засекреченные. Полагаю, ваши «инструменты мотивации» позволили раздобыть текущие результаты официального расследования?

— Вы снова мыслите в верном направлении, — признала Чинанда-Кси всё ещё подрагивающим голосом. — Подставляйте

«болтушку».

Почиркав аккуратным когтем по «каменному» браслету собственного гаппи, она тут же пересыпала мне немалый объём информации.

По-привычке едва не сгрузив полученные данные в раздел «РАБОТА. ГЛЯНУТЬ ПОЗЖЕ. РАЗОБРАТЬ!», я вовремя остановился и всё же решил пробежаться. Недавний болезненный опыт откладывания важных фактов в долгий ящик ещё был свеж, так что…

— Госпожа фер вис Фиитчи, я хотел бы изучить часть материалов прямо сейчас.

— Можете не спешить.

— Сварить вам чинги?

— Не стоит беспокойства.

Подстёгиваемый бодрящим коктейлем и необходимостью как можно шустрее выпроводить денежную гостью, я углубился в ворох данных с камер наблюдения, опросных таблиц и рабочих версий от приставленных к делу нюхачей.

Итак, немолодого и весьма обеспеченного Нурсета фер вис Фиитчи отравили. Дома, откуда тот предпочитал управлять делами б **о** льшую часть недели. Зелье было мощнейшим, синтетическим, весьма сложным, не имевшим ни цвета, ни вкуса, ни запаха; лабораторный анализ ещё не завершили. На любимых бокалах для элитной паймы (одно название которой приводило меня в экстаз), куда и был подсыпан яд, нашли отпечатки пальцев упомянутой Аширны.

Я невольно хмыкнул, радуясь упрощению полученного дела.

Чинанда-Кси предпочла не отреагировать.

Слепки с камер наблюдения за особняком семейства подтвердили, что предполагаемая виновница преступления действительно входила в неприкосновенное крыло норы; что довольно скоро покинула. Причём относительно незадолго до ориентировочного времени смерти Нурсета.

А ещё в отчётах значились многочисленные обличающие запахи Аширны Фиитчи, обнаруженные нюхачами тетронов. И это, насколько мне было известно, являлось почти неоспоримым доказательством вины.

Фактически, решившаяся на злодеяние сестра уже была обречена на строжайшее осуждение, и обвинители обязательно станут использовать этот козырь как основной… если привычный суд, конечно же, вообще возможен над такими обеспеченными чу-ха.

Как ни крути, а у вистар всё устроено куда сложнее, чем у простых смертных хвостатых, а в тонкостях разбирательств над

богачами мог бы переломать лапы и сам Бансури…

Гостья смирно ждала, пока я закончу копаться в пересыпанных ею материалах. Она не просила ни расписки о неразглашении, ни официального подтверждения о начале дела, но мы оба знали, чем чревато нарушение негласных правил рабочей этики.

Я вернулся к изучению.

Выяснил, что смертельный глоток покойный господин Фиитчи сделал сам, без принуждения. Следов борьбы, пыток или какого-либо иного воздействия тоже обнаружено не было. Продолжая листать данные и борясь с опасным желанием воспользоваться куда более удобной системной консолью жилища, я вдруг спросил, причём словно бы невзначай:

— Госпожа фер вис Фиитчи, при всём уважении, позвольте узнать, а где в вечер смерти супруга были вы сами?

Брови обеспеченной паломницы подлетели, оставив новую трещину на броне её натужной невозмутимости; лапы сжались в кулачки. Этот вопрос за последние пару дней вдове наверняка задавали уже десятки раз, но чтобы на подобную дерзость осмелился жалкий манкс-мутант?!

Впрочем, через мгновение Чинанда-Кси совладала с собой:

— Безусловно, вопрос резонный, — спокойно ответила она, с деланным равнодушием изучая вторую «болтушку» на моей руке. — С первых сумерек и до того злосчастного рассвета я пробыла на всенощной службе в храме «Созидательного Отрицания». Если, Ланс, вы захотите убедиться в истинности наведённых тетронами справок, любой Подмастерье Стаи этого уважаемого храма подтвердит мои слова.

Усугублённый чингой «бодрячок» в моём организме вдруг решил резко сменить курс, без спроса заложив новый вираж уточнений.

— Ваш покойный супруг, господин Нурсет, — хмыкнул я, отвлекаясь от парящих над запястьем объёмных свето-струнных слепков, — он тоже был глубоко верующим чу-ха?

На этот раз Чинанда-Кси выдержала мой взгляд с понимающим спокойствием.

— Муж никогда не разделял со мной всей глубины истинной веры в священную жертву Двоеперовой Стаи, Ланс. Но если вы пытаетесь подвести к вопросу о его возможном самоубийстве, то я в этом очень сильно сомневаюсь…

Я кивнул, несколько раздосадованный врожденной лёгкостью, с которой гостья читала мои опасения. Опустил руку с гаппи и задал новый вопрос, с максимальной осторожностью подбирая слова:

— Кхм… если… пока только предположим! Но если в смерти вашего достопочтенного супруга всё же виновата Аширна фер вис Фиитчи… то каков, по-вашему, мог быть мотив?

Вероятно, в этом направлении тупомордые также прощупывали вдову, потому что ответ последовал почти незамедлительно.

— Всё очень просто, Ланс, — вздохнула та, покручивая браслет за запястье. — Она *жаждала* моего Нурсета. С самого нашего знакомства много лун назад. И невыносимо ревновала к крепкому семейному счастью.

Першение в моём горле едва не превратилось в кашель.

О, вот тут я её прекрасно понимал! И даже чуть не покосился на прикрытую дверь кабинета. За ней по-прежнему громоздилась тишина. Причём настолько плотная, что немного напугала шальным предположением, что вчера вечером я просто перебрал крепкого и ударился в видения…

Впрочем, не согласиться с Чинандой я не мог в любом случае — подчас желания, особенно низменные и самые глубинные, могут лишать разума в прямом смысле этого слова…

Невесёлая мысль заставила вновь ускориться в попытках выпроводить клиентку:

— Хорошо, госпожа фер вис Фиитчи, я обязательно поговорю с вашей сестрой. Применю, как уже упоминал раньше, все свои умения. Вы устроите встречу?

— Разумеется, — без раздумий откликнулась Чинанда-Кси, грациозно поднимаясь на нижние лапы. — Именно такой исход переговоров я и предполагала.

Из-за отворота коричневой блузы появилась узкая блестящая карточка, по которой чу-ха многозначительно побарабанила когтем.

— Это уникальный пропуск-юнму. Бриллиантовый уровень, — пояснила она, протягивая мне карту, но постаравшись не соприкоснуться пальцами. — С ним вы временно становитесь равным вистар, получая доступ в самые достойные норы и заведения. Но ваша беседа с сестрой состоится только в том случае, если мы *успеем*.

Суматошное кружение мыслей в моей голове временно утихло, бровь невольно приподнялась. Ощупывая приятную гравировку эксклюзивной карты допуска, я попытался смекнуть, что именно смог упустить.

— Прошу прощения?

— Аширна собирается смыть позор, — со вздохом пояснила Чинанда-Кси. — Встать на путь *чибито* ***[1]*** и изуродовать себя в муках *киуаам-пуджа* ***[2]*** у неё никогда не хватило бы духа… но

она совершенно точно на пороге совершения публичного самоубийства. Дрянь готовится к нему с момента обнаружения тела… и мне кажется, что совсем скоро груз вины станет невыносимым.

Я пожевал губу. Несколько неожиданно, что уж там… Самовыпиливания, особенно ритуальные, никогда не были табуированы в обществе чу-ха, но такое решение совершенно однозначно выводило подозреваемую из Стайной паствы.

— Выходит, ваша сестра всё же созналась? Причём при свидетелях? — спросил я, всё больше запутываюсь и невольно роя яму собственному финансовому благополучию. — Так зачем тратить деньги на мои услуги, причём немалые?

— Если спросить меня, — вздёрнув морду, отчеканила Чинанда-Кси, — то да, я считаю это признанием! Прямым доказательством, если угодно. Но я желаю, чтобы вы успели это подтвердить. Для всех причастных. Публично. Сегодня же вечером.

Она чуть присела, подбирая кончик хвоста, и я вновь разглядел тяжесть утраты и неизбежных бюрократических разбирательств, гранитной плитой лежащую на плечах вдовы. Признаться честно, в выдержке и внутренней силе вистар в Тиаме действительно не было равных…

Госпожа Фиитчи снова чиркнула когтем по «болтушке», пересыпая мне очередной пакет, на этот раз крохотный. Осмотрела от пяток до макушки, внимательно и цепко, заставив неловко переступить с ноги на ногу. Пробормотала несколько цифр, будто запоминая.

— Вам пересыпан мой личный профиль, Ланс. Как можно скорее сообщите на него свои мерки, я тотчас же распоряжусь пошить и доставить подобающую случаю одежду. Её изготовят уже к обеду.

У меня отвисла челюсть. Я вспомнил про запертый кабинет, про Нискирича, про изумительно-опасные словесные пляски с Песчаным Карпом, и про бурлящую за окнами жизнь, из которой меня пытались вырвать, причём властно и не приемля возражений.

Чинанда-Кси фер вис Фиитчи, впрочем, мою реакцию решилась трактовать по-своему.

— Не стоит переживать, Ланс, — она с пониманием кивнула, — костюм будет оплачен вне суммы подряда и целиком за мой счёт.

Наверное, я даже обрадовался. Во всяком случае, снова похлопал ресницами и даже прикрыл рот. А затем спохватился, что переговоры подходили к финалу, а я даже не удосужился

выставить условий. Решился начать торги…

Но и тут вдова сталелитейщика ловко перехватила инициативу.

— Вот ваш аванс, господин Скичира.

Она едва заметно улыбнулась, приобнажив огромные резцы, и легко чиркнула по «болтушке», наверняка заготовив всё заранее.

На моё основное устройство поступил сигнал о зачислении средств. Несгибаемому самообладанию Ланса Скичиры, деликатным воем не позволившему сразу изучить сумму, можно было ставить монументальный памятник.

— После решения вопроса, — добавила Чинанда-Кси, — вы получите впятеро больше. Надеюсь, вам достанет такта не торговаться.

Строительство изящного памятника в центре Бонжура мгновенно отменилось — я всё же взглянул на гаппи. Едва не издал победный стон, способный перебудить пару этажей комплеблока.

Постарался ответить сдержанно, даже чуть вальяжно:

— Не извольте сомневаться, госпожа фер вис Фиитчи.

Торг вовсе не нужен, госпожа фер вис Фиитчи. Потому что предложенной вами суммы и без того почти хватит на избавление меня от головной боли в виде долга Амме и её папочке. А может и на бутылку неплохой паймы останется…

— До встречи вечером, Ланс! — Чинанда-Кси поплыла к двери, оставляя за собой шлейф сухих инструкций: — За вами прибудут в восемь. И настойчивая просьба — больше не выключайте гаппи.

Ох, хвостатенькая, знала бы ты причины…

Но я лишь отвесил ещё один покорный, преисполненный раскаянья поклон. Искоса приняв его, госпожа Фиитчи степенным шагом вышла в прихожую и без прощаний покинула мою скромную, усыпанную зеркалами нору.

А я сам? Буквально через несколько часов после состоявшейся беседы я снова оказался на шумных, сверкающих, визжащих и опасных улицах Юдайна-Сити, а известная таинственная личность — надёжно запертой в четырех стенах.

Впрочем, чтобы объяснить всё по порядку, придётся сделать небольшой шажок назад…

[1] Чибито — устаревший термин, означающий «уже мертвый внутри, но еще живой».

[2] Киуаам-пуджа — старинный ритуал жестокого самоистязания в раскаяньях за совершенный проступок или ошибку.

Глава 2
ЦВЕТОК НА КАМНЯХ

Я обомлел… Впрочем, термин «обомлел» будет столь же применим, как если назвать удар кувалдой в колено — дружеским шлепком.

Да что там?! Я видел эпично выигравших в лотерею чу-ха менее ошалевших, чем сам в тот момент!

Проартикулировал:

— Байши… — и так же беззвучно выругался, длинно и с выдумкой.

Несколько бесконечных минут я оцепенело разглядывал её, пристёгнутую эластичными ремнями к мягким стенкам саркофага. И далеко не сразу сообразил, что издаю негромкие, но протяжные горловые звуки… как оголодавший пёс перед горой свежего мяса.

Пленница криитского контейнера оказалась не совсем обнажённой, как показалось сначала. Едва мне стоило осознать это, как по затылку хлестнуло цепкими, но во многом обрывочными воспоминаниями. Потому что девушка была от пяток до макушки затянута в почти прозрачный, едва различимый тончайший комбинезон телесного цвета… и я уже видел такие. И даже носил, лоскуток за лоскутком теряя в раскалённых песках безбрежных равнин к северу от величественного Юдайна-Сити…

Шок, сковавший шею, прошёл далеко не сразу. Но как только я снова почувствовал собственное тело, сразу подался вперёд. Едва-едва, робко и нерешительно, подрагивая от непрошенного возбуждения и страха; но всё-таки уловил мерное посапывание спящей.

Через мгновение та вздрогнула, почти заставив меня нервно вскрикнуть. Пошевелилась. Пухлые пересохшие губы под пластиковым забралом искривились, как от кошмара.

Отшатнувшись, я всё же заставил себя сохранять спокойствие и хладнокровие.

Человеческая самка в вертикальном ящике с оборванными печатями клана Хадекина фер вис Кри вздрогнула ещё раз. Ремни натянулись, не позволяя ей выпасть на пол гостиной; веки затрепетали, и она попыталась повернуться.

Конечно, я решил действовать. А что ещё оставалось?

Ощущая на ладонях жар чужой кожи, осторожно расстегнул ремни и столь же осторожно, будто разминировал бомбу, снял с её лица прозрачную полумаску. Пальцы коснулись коротких (едва

ли длиннее моих собственных) тёмных волос, чуть влажных и прихваченных капюшоном призрачного комбеза.

Лишённая опоры и поддержки, она выскользнула мне в руки — ладная, жилистая, невысокая и почти невесомая. Щёлкнули, отклеиваясь от облегающего костюма, трубки катетеров, пахнуло мочевиной и химией.

Перехватив свой странный дар, чтобы случайно не приложить головой о дверные полозья или край контейнера, я вынул девчонку и бережно отнёс на диван.

Уложил, стараясь не пялиться на острые соски и мускулистые бёдра с темнеющим меж ними треугольником, запрещая себе сравнивать небольшие крепкие груди со шлифованными камнями из Сада Покорной Учтивости.

Обитательница капсулы не была голой, но сейчас казалась мне предельно, словно бы сверх меры обнажённой. Даже сотни раз изучая себя в коллекции зеркал, я не испытывал подобного. А ещё на её теле практически не было шерсти, даже меньше, чем у меня. И разумеется — о, чудо! — не наблюдалось ни намёка на хвост!

Я судорожно втянул воздух, улавливая нотки постороннего телесного запаха.

Этого не могло происходить…

Но происходило.

Возможно, именно такую нереальность действительности испытывали все, к кому я когда-либо применял «низкий писк»… Привычный вроде бы мир в туманной оболочке полнейшей потери контроля.

Я потёр лицо, потёр глаза.

Фигура на диване никуда не делась.

Ещё раз убедившись, что входная дверь надёжно заперта, я вдруг спохватился, торопливо вырубая и основную «болтушку», и системную консоль. Не очень-то просто ежесекундно ощущать на себе невидимый взгляд всесильного мицелиумного конструкта, взгляд злобный и неотвратимый. Но куда страшнее представить, как Данав фер Шири-Кегарета отреагирует на дар «Диктата», если вдруг узнает о содержимом капсулы…

Задумчиво встряхнувшись и даже не заметив, что снова перенял дурную привычку от окружающих меня хвостатых, я уселся на край столика. Желание врезать пиалу-другую паймы боролось с желанием немедленно разбудить странное создание на моём стареньком диване.

Неожиданно спохватившись (и одновременно ужаснувшись возможной догадке), я подступил к спящей и приподнял голову. Осторожно, чтобы не согнать сон, ощупал её затылок, шею и

спину между лопатками. Даже через комбинезон девушка казалась невероятно бархатистой, завораживающе мягкой, а прикосновения вызывали внутри что-то яркое, едва ли не болезненное, почти забытое…

Через несколько секунд я облегчённо выдохнул, так и не обнаружив ни портов, ни сдвижных лючков для калибровки инструментарием манджафоко; опустил темноволосую голову обратно на подлокотник. Кем бы ни была ночная «гостья», она совершенно точно не являлась кукуга, безрадостные попытки создать которую для меня уже предпринимались…

— И кто же, байши, ты вообще такая?.. — едва слышно прошептал я, не отрывая взгляда от лица под едва различимой плёнкой.

В следующее мгновение звуки моего голоса словно запустили неотвратимый механизм пробуждения…

Она всхлипнула, вся вздрогнула, будто выныривая из речной глубины, и распахнула тёмно-карие глаза. Захрипела, закашлялась, взмахнула руками и рванулась вперёд до того бездумно, что пришлось мягко придержать за предплечья. Удержав и не позволив скатиться на пол, я осторожно уложил девушку обратно.

Та обмякла, задышала тяжело и часто, оглядывая комнату с откровенным непониманием и тревогой; из горла вырвался сиплый хрип. Через миг она прикрылась рукой от слишком яркого света, заставив меня убавить накал потолочных ламп.

Убедившись, что подношение криитов больше не пытается раскроить бровь о край столика, я фангой метнулся в пищеблок и принёс стакан воды. Когда вернулся, девчонка уже полулежала, опираясь на подлокотник.

Смотрела затравленно, будто зверёк, озиралась и всё ещё щурилась — теперь от явного переизбытка наших совместных отражений в стенах и потолке. Вот уж чего я никак не мог предсказать, украшая нору назло привычкам чу-ха, так это того, что когда-нибудь нас тут станет двое…

Присев на колени, я без лишней резкости поднёс стакан к её губам. Попросил негромко, даже не представляя, понимают ли меня:

— Осторожно и мелкими глотками.

Она покосилась на питьё, на меня, снова на стакан, определённо не улавливая сказанного, но догадываясь о его смыслах. А я вдруг вспомнил, как давным-давно в недружелюбной пустыне, вокруг захваченного в плен манкса впервые перешёптывались жуткие Стиб-Уиирта, медленно, предательски медленно позволяя добыче осознать, что той

доступна суть их обсуждений.

Я снова приблизил стакан к пухлым губам, и на этот раз их обладательница не попыталась отстраниться. Придвинувшись ближе, я бережно придержал за затылок (ещё раз невзначай ощупав шею в поисках лючка или скрытого разъёма), и на этот раз девушка сделала несколько крохотных глотков.

Спросила, безжалостно коверкая нихонинди:

— Где есть мать матери?

Отставив стакан, я вздохнул и вытер вспотевшие ладони о полы халата.

— Не очень понимаю, о чём ты, дорогая…

— Она посылать? Ты есть тот, кому послать мать моя матери?

— Тот же ответ, детка… — Я пожал плечами и печально улыбнулся.

Карие глаза распахнулись, словно девушку посетила внезапная догадка:

— Закончиться? Всё стало закончиться?

— Ох, подруга, — покривился я, надеясь, что это выглядит дружелюбно, а вовсе не саркастично, как ощущал сам, — боюсь, всё только начинается… Сисадда?

— Где это было что *корень*? — не сдавалась она, наседая с расспросами.

Акцент в её речи становился мягче, но спотыкался о странные слова, да и те давались с трудом, будто проснувшейся приходилось пробиваться через препятствия.

— О чём ты, детка? — Я развёл руками. — Не понимаю…

Да, она тоже не понимала. Озиралась, пытаясь прийти в себя, и решительно не понимала. Готов биться об заклад, это становилось одной из самых нелепейших ситуаций в моей жизни. Не знаю, как насчёт прошлой и забытой, но уж в настоящей-то точно…

— Где я? — вдруг связно спросила она.

Уселась повыше, но уже не пытаясь вскочить. Осмотрелась с ужасом и неприкрытым презрением чистокровной вистар, отчего мне даже стало обидно. Снова заметила себя в зеркалах, совершенно машинальным движением прикрывая ладонями грудь и бёдра.

Торопливо спохватившись, я избавился от домашнего балахона. Протянул, демонстративно раскрывая, и бережно передал. Она безропотно приняла одежду, неряшливо закуталась.

— Ты в моей норе, — неспешно, почти в ритме «низкого писка», пояснил я.

Признаюсь честно, без возможности отвлекаться на её формы мыслить стало чуть легче.

— В моём жилище, сисадда? Тут безопасно.

— Понятнее не стало…

Она покачала головой, всё отчётливее прощаясь с необычным акцентом. Едва заметные нашлёпки на её висках снова напомнили о суровой пустыне за границами гнезда. Знакомые кругляши… Только вот объяснимее от этого ничуть не становилось.

Взгляд, до этого бесцельно блуждавший по гостиной, вдруг застыл на предмете за моим бедром. С прищуром приглядевшись, девушка вдруг негромко выругалась. Ну, то есть, на этот раз ни слова не понял я, но интонации и вложенная во фразу экспрессия говорили сами за себя.

Покосившись на столик, понял, что она заметила лежащий на виду башер. Да, в ситуации что-то определённо было не так. Впрочем, в моём случае иначе и не случается…

В этот момент меня буквально взвинтило от неизвестного доселе чувства — видеть перед собой беззащитную даму в беде, вполне однозначно реагирующую на ручное оружие.

Почему в беде? Возможно, потому что за хрупкими стенами этой норы раскрывал объятья опасный мир подлых хвостатых, зубастых, весьма кровожадных тварей, готовых пожрать друг друга за горсть рупий? А ещё потому что рядом с этой потерянной (едва ли осознававшей себя) упомянутой дамой находился собственной персоной Ланс фер Скичира. А это само по себе никогда не сулило ничего доброго…

Тем не менее, я был воодушевлён, непривычно наэлектризован и почти задыхался от нахлынувших ощущений — новых, непонятных, бередящих душу и её же выворачивающих.

Подобрав «Молот», я без лишней суеты поставил оружие на предохранитель и спрятал в шкаф. Только сейчас осознав, до чего нелепо выгляжу — в одной набедренной повязке, мертвецки-бледный, усыпанный шрамами и неровными дырками от фанга… а ещё с непрекращающейся, как оказалось, эрекцией, причём сильной до боли.

Надеясь, что девчонка не заметила, поспешно выхватил из шкафа верное зелёное пальто, в секунду оделся и так же быстро застегнул на нижние пуговицы. Одновременно показалось, что моё тело в настенных отражениях пребывает отнюдь не в идеальной форме, хотя раньше подобные стыдливые мысли и не планировали заглядывать в гости…

Как можно непринуждённее закутавшись в пальто, я вернулся к дивану и подсел на ближайший уголок стола. Видок у меня, конечно, лучше не стал, но толику уюта всё же подарил.

— По какому из протоколов провели рециркуляцию? — вдруг

спросила она.

Дотянулась до стакана на полу и вполне уверенно отпила половину. Крепкие короткие пальцы дрожали всё меньше.

Я вздохнул, покивал, словно и правда собираясь в деталях пояснить «протоколы рециркуляции», но затем лишь повёл плечом:

— Детка, вопрос снова не по адресу… Полагаю, нас обоих ждёт немало удивительных открытий.

Она опустила стакан к ножке дивана. Ощупала предплечья, провела пальцем по прозрачной ткани комбинезона на запястье, прикоснулась к височным нашлёпкам. Её густые красивые брови сошлись, отчего на лбу прорезалась изумительная морщинка, будто нарисованный бледной тушью завиток.

— Я упускаю слова, — с неожиданной печалью произнесла девчонка. — Вот только они были тут, — она со стуком ткнула средним пальцем в затылок, — а затем исчезли… утекли… их смыслы становятся чужими…

Возбуждение во мне наконец-то пошатнулось, уступая место голосу рассудка.

— Тебе есть, что вспомнить? — я встрепенулся и неприятно похолодел. — Что-то важное?

— Да! — Её ресницы затрепетали, но уже через пару ударов сердца плечи поникли. — Но это нужно было спрашивать пять минут назад… Насколько далеко мы от?.. сука!.. снова забыла термин… как далеко от?.. нет, туман слишком густой…

— Что последнее ты помнишь?

Она ответила всего одним словом, но от него мне стало ещё холоднее. И почему-то многократно страшнее.

— Отречение, — прошептала девушка, а взгляд её стал стеклянным.

Я едва удержался, чтобы не сходить за бутылкой паймы. Подумал, что нужно подтолкнуть, направить, каким-то образом ухватить мерцающие в чужом сознании призраки слов и смыслов. Не успел.

— Бабушка, — вдруг добавила она, вскинув ладонь к губам. — Я помню бабушку. Почти помню. Перед сном… но всё это как будто не со мной.

Мой понимающий вздох оказался настолько громким, что девчонка покосилась с тенью опаски. Заставляя себя думать о чём угодно, но никак не об укрытом халатом прекрасном теле, я незаметно впился ногтями в бедро.

Невероятное, беспрекословное и чудовищное по силе желание *обладать* сводило с ума и заставляло бездарно растрачивать последние капли её утекающих воспоминаний. Это

было сродни решению сложнейшего ребуса с приставленным к виску взведённым башером…

И тут же пришло внезапное озарение. Абсолютно лишнее в эту минуту, но яркое, как свето-струнный слепок.

— *Также меня наделили полномочиями узнать, не нужно ли уважаемому Лансу фер Скичире чего ещё?* — четыре дня назад в этой самой комнате спросил Галло Ш'Икитари, больше знакомый мне, как Перстни.

А уважаемый Ланс фер Скичира ответил в привычной ему нагловатой манере, вроде как пытаясь шутить, но вроде как бы и нет. После чего стайка казоку-йодда «Диктата Колберга» без лишних слов притащила в его скромное жилище контейнер, в котором покоилась…

Я обнаружил, что уже минуту сижу с отсутствующим взглядом, нацеленным куда-то выше дивана. В глазах девчонки мелькнуло знакомое беспокойство.

Затем она подобралась, уселась на скрещённые ноги, ещё плотнее запахнулась в мой безразмерный халат, и сразу стало понятно, что деловитости данной особе не занимать.

— А ты вообще сам-то кто такой? — спросила она.

Глядела прямо, почти не моргая и с требовательным выжиданием.

Проглотив чуть не сорвавшееся с губ ругательство, я вздрогнул и заставил себя вернуться в реальность. Прокашлялся, будто на светском приёме, и улыбнулся.

— Виноват, исправляюсь. Ты права, давай-ка с самого начала: куо-куо, меня зовут Ланс, и я приветствую тебя в удивительном мире, только что ставшем куда сложнее, чем несколько часов назад.

Она молча слушала, глядя так открыто и… по-хозяйски? В общем, я почувствовал, что краснею. И делаю это тем более явно, чем больше пялюсь на её шею, скулы, лоб и примятые капюшоном волосы.

— Почему я здесь, Ланс? — спросила девушка, наклоняясь и дотягиваясь до стакана с остатками воды. — И что это за место?

— Хотел бы и я это знать…

Глуповато улыбнувшись, по выражению её лица я сообразил, что совсем не помогаю. И всё-таки не удержался, чтобы добавить:

— Не хочу расстраивать, но у меня есть подозрение, что с этого момента в окружающем нас мире всё станет сильно иначе…

Она вздохнула. Попробовала задумчиво пригладить волосы, но с недовольством наткнулась на эластичную ткань. Опустила руку, мимоходом оценив состояние ногтей. Со скучающим видом побарабанила пальцами по краю стакана.

— Если ты думаешь, Ланс, что твои многозначительные паузы и не менее многозначительные… намёки делают ситуацию понятнее, то я вынуждена тебя расстроить.

Я поднялся на ноги.

Мне было неловко. Любоваться ей; понимать, до чего быстро она осваивает нихонинди, ловко арканит инициативу и вынуждает меня теряться.

Она казалась невинной, но совершенно точно не была таковой. Она казалась беззащитной, но можно было спорить на сто тысяч рупий, что уже через пару часов перестанет вызывать такие чувства…

Кивнув, я произнёс со всей серьёзностью, на какую был способен (и старательно скрывая обуревающие чувства):

— Нам понадобится чинга. Много чинги.

п.3.; г.2; ч.2

И ушёл в пищеблок готовить пару кружек крепчайшего напитка. После чего, стараясь не смотреть на торчащее из-под халата колено (да и в карие глаза, буду честен, тоже), начал рассказывать.

Без «многозначительных пауз», туманных намёков, прибауток, попыток казаться остроумным (хотя очень хотелось), риторических вопросов и слишком сложных слов.

Я рассказал ей про Тиам, насколько его познал.

Про мёртвую пустыню и гигантские заброшенные постройки, про суровые немногословные племена и их загадочные ритуалы. Про Юдайна-Сити, его бурлящие кварталы и районы, их необычное обустройство и социальные лабиринты, многочисленные опасности и щедрые дары (первых оказалось значительно больше). Про бесконечно далёкие отсюда Ченчу-Гар и Аркидополис, о которых и сам знал едва ли больше названий.

Про Двоепервую Стаю и Когане-Но, про малопонятных служителей ещё более малопонятных культов и священных уличных коров. Про искусство и превосходную кухню, про потрясающие достижения инженеров и скоростные фаэтоны, про ракшак и тетронов.

Про моннго, тайчо, покорных чужой воле синтосексуалов-кукуга, Мицелиум и «карамель». Про разнокалиберные казоку, «Детей заполночи», «Бритых хвостов», «Трудноживущих», «Обет молчания», «Жёлтых котелков», «Уроборос-гуми» и других. Про Смиренных Прислужников и сословие заносчивых вистар. Про гаппи, системные консоли, юнму и глаберов.

Про ветростаты и переполненный натуральными отбросами Подпол Дна. Про Нискирича фер Скичиру (пока без деталей и случившегося родства), Сапфир, знакомую шпану, Заботливую Лоло и ей подобных, обманувшегося во мне Пять-Без-Трёх и кудесника жареной лапши Щупа.

Разумеется, также я поведал ей про прочих гнездовых чу-ха, их исконную породу, привычки, особенности и явные недостатки. Про классовую ненависть, рабство, злобу, жадность, неприкрытую похоть, жажду власти и жестокосердие гигантских прямоходящих крыс.

Я рассказывал максимально бесстрастно, не предполагая умышленно делить на чёрное и белое, плохое и хорошее. Но воспоминания моей собеседницы, видимо, ещё были свежи, пусть и затухающими отголосками, потому что время от времени на лице её мелькали недоумение и даже испуг.

С бездушностью сухой инструкции я раскрывал перед ней окружающую жизнь таковой, какой узнал её сам. Призна **ю**, мне было не с чем сравнивать. Девчонке, видимо, всё ещё было. Но комментарии она держала при себе…

Потому я всё говорил и говорил.

Про мелочность чу-ха, про их прижимистость, недоверчивость, главенство личных приоритетов над общественными и страсть к наживе. Про равнодушие к проблемам незнакомцев и наплевательство к смерти постороннего. Про неискоренимый страх за собственную шкуру и уязвимость одиночества, ярчайший эгоизм, но парадоксально-вездесущую клановость, про врождённую привычку ходить по чужим хвостам для достижения цели.

Слушательница внимательно впитывала жёсткие — при этом работающие двойственно, избирательно и хаотично, — правила поведения в чуждом ей обществе. Было видно, с каким трудом она пытается сопоставить строгость законов гнезда и бестолковость их применения; как окончательно грустнеет на рассказе о богатейшей культуре чу-ха, которой гордились все от мала до велика, но следовали считанные единицы.

Я вспоминал ещё и ещё, тут же выплёскивая сбивчивыми словами и всё менее заботясь, какой эффект этот поток может оказать на едва пробудившуюся девушку без личной памяти…

К концу первой кружки чинги: про уважаемую обществом многочисленность потомства, про уникально-противоречивое кизо-даридрата и фанатичное подчинение смирпам. Затем про азартные игры и доступность энергии; про острую нехватку пространства и тотальную перенаселённость на фоне избытка ресурсов и взрывного роста технологий.

К середине второй кружки: про невидимую, но отнюдь не иллюзорную цензуру; про слепое поклонение лидерам — богачам и наделённым силой, — и про обжигающую, доводящую до взрывов ненависть к ним же.

Про криминальные сообщества, вступление в любое уважаемое из которых равнялось выигрышу в лотерею; в котором никто не мог тронуть тебя даже коготком, а ты мог укусить любого, кроме членов другой равновеликой казоку; где значение имели лишь члены клана, и никто более — ни тетроны, ни даже смирпы… если, конечно, ты не забывал отстёгивать правителям гнезда особый налог.

Но было бы крупной ошибкой напичкать девчонку лишь угрозами и потенциальными опасностями, не вспомнив о чём-то светлом. Поэтому я постарался (не без усилий) и рассказал про музыку, от которой сходили с ума миллионы хвостатых

поклонников; про великолепные и завораживающие картины, тончайшие скульптуры и удивительную архитектуру; про чудовищные в своей многочисленности (и не менее чудовищно согласованные до последнего жеста) выступления стайного цирка из Дома Слаженного Единения…

Чувствуя себя так, будто плеснул ложку ароматного масла в огромный чан кипящей грязи, я замолчал и ещё долго вспоминал что-то воодушевляющее. Что-то, способное не напугать чужака, но создать щемящее предвкушение от выхода вовне.

Не сумел…

Тогда, в третий раз сварив чинги, я вынужденно переключился на себя.

На своё скромное место в этом недружелюбном мире. С того тусклого момента, когда впервые ощутил себя в таком же прозрачном костюме, а слова, понятия и термины утекали через воспалённо-сонное сознание, превращавшееся в предательское решето.

Едва ли не впервые за семь лет я проговорил все отличия Ланса Скичиры от его новой «родни». Взвесил их уникальные (в отличие от моих) способности хорошо видеть в темноте и различать сотни оттенков запаха, особенности цветовосприятия, неумение долго сохранять неподвижность, врождённо-дерьмовые задатки к меткой стрельбе и просто потрясающие — к шулерству.

Минуты монолога превращались в часы, и шумная ночь Юдайна-Сити с гулом проносилась за окнами норы, даже не подозревая, сколь необычной является…

В процессе моя слушательница почти всё время молчала. Время от времени, конечно, уточняла или переспрашивала, но за четыре-пять часов едва ли произнесла больше двух десятков слов.

Один важный вопрос всё же задав.

Совсем негромко, глядя в пол и задумчиво покачивая головой:

— Как же ты выжил, Ланс?

Вопрос был предельно простым. Дурацким, если разобраться. И, тем не менее, он разом загнал меня в тупик, лишил красноречия и заставил жевать горькие от чинги губы.

Было невозможно представить, что сейчас творится в её голове. Мне, едва не погибшему в пустыне, никто таких подробных раскладов не давал. Меня сразу окунули в варево событий и позволили познавать мир лысой шкурой. А девчонка? В тот предрассветный миг я задумался, насколько описанное мной настоящее отличается от прошлого в её тающих воспоминаниях…

Ответил честно.

Без деталей, но честно, разумно предположив, что неискренность обязательно пробьётся:

— Меня приняли… в семью, в своём роде. Опекали. — Помялся, но добавил: — А ещё я обладаю некоторыми… способностями. Благодаря им меня терпят. И даже ценят. Сисадда?

Святые коровы! Буду откровенен: меня так и подмывало рассказать подробнее… но ошибочность подобного поступка осознавалась чётко, даже несмотря на перевозбуждённое состояние.

Чтобы отвлечься, я швырнул в костёр своего сознания охапку болезненных вопросов, способных у любого выбить почву из-под хвоста. А как на девушку подействует «низкий писк»? Она может быть тоже способна к нему? Если постараться повторить эксперимент, не причинит ли «Явандра» более ощутимого, чем мне, вреда? Насколько такие опыты вообще допустимы и этичны?

И напоследок: что скажет (и сделает) Нискирич, когда поймёт, что в его лапы может попасть ещё одна потенциальная джадуга? Причём настоящая, сродни приёмному сыну, а не уровня Ункац-Арана…

— Всё в порядке?

Девчонка казалась всерьёз обеспокоенной моим отсутствующим видом.

— В полном, детка… — Я глотнул чинги, чтобы хоть как-то замаскировать смущение. — Немного неожиданный вопрос ты задала. Видишь ли… я ничего не знаю о том, откуда ты взялась. Столь же нихрена помню о том, откуда взялся сам. Но, пожалуй, могу признать, что никогда не воспринимал Тиам… *чужим*. Враждебным? Пожалуй, да, это ожидаемо (но я научился, как предстоит и тебе)… Но всё же своим, причём вполне естественно.

Я снова говорил правду. И она, едва ли не впервые озвученная мной же и для меня же в том числе, вдруг окатила странной тревогой.

Девушка не спешила комментировать. Молча изучала, будто пыталась отыскать на моём лице хоть сколько-нибудь знакомые черты. Видимо, не сумела, потому что щёки её вдруг порозовели, а взгляд стремительно переместился.

— Как я очутилась здесь? — спросила торопливо, словно бы спохватившись. И добавила, не дав повториться и поясняя: — *Здесь*, в этих стенах, в твоём жилище, на этом самом диване? Ты нашёл меня? На улице? За пределами гнезда?

Мне стоило больших усилий не охнуть, не прикусить губу, не покачать головой или ещё каким-то образом выдать очередной удар замешательства. Что тут сказать? В её состоянии

«комбинезон до сих пор свеж, а височные нашлёпки и не думают отлетать» я был отнюдь не так смекалист. И как, подскажи Благодетельная Когане Но, мне в такой ситуации быть?!

— Это долгая история, — ответил я, надеясь, что не сильно мямлю.

— Но я хочу знать, — прохладно улыбнулась гостья, в очередной раз доказав, что привыкла добиваться своего.

— Хао… Я расскажу, обещаю тебе. Но позже.

Да, детка, обязательно расскажу. Но лишь после того, как разберусь, откуда тебя раскопал могущественный Хадекин фер вис Кри, и действительно ли Данав фер Шири-Кегарета по прозвищу Песчаный Карп что-то знает о моём прошлом и происхождении…

А затем мы вновь вернулись к рассказам о Тиаме.

О жестокосердии, с которым нищие семейства выкладывают на сквозняк новорождённых слепышей; об ослепительном блеске богатств Пиркивелля, о бездумном расточительстве молодёжи вистар и кровавой цене за пресную чапати тремястами метрами ниже престижного района.

О жёстких соревнованиях по штормболу (крупнейшее из которых надвигалось), о состязаниях фаэтонов, собирающих миллионы зрителей вокруг опасных гоночных трасс, и столь же грандиозных концертах «Восьмого цвета радуги»; и многом другом…

Кареглазая слушала молча.

Снова обратилась в слух, не перебивая, не уточняя, и лишь пожирая меня взглядом и впитывая, будто кусок пористого хлеба. Раз, ближе к утру, без ложной скромности попросилась в отхожее место, и я показал дверь.

Ещё раз через час попросила поесть.

На этот раз из гостиной мы вышли оба, причём девчонка ошибочно назвала пищевой блок кухней и мне пришлось пояснять, что ни д **у** ри, ни кукуга я в своей норе не произвожу. Походка ночной собеседницы всё ещё не отличалась грацией или уверенностью, но углов та уже не сшибала, избавив меня от смущающей поддержки под локоток.

Задумчиво сжевав галету из речных водорослей, она с интересом осмотрела мою технику по штамповке еды, а затем уже без спроса или предупреждения прошлёпала в комнату и привычно устроилась на диване.

И снова слушала, позволяя мне говорить, говорить и говорить, причём обо многом — впервые, что поражало и самого рассказчика…

Но много ли можно поведать об окружающем мире за

несколько тягучих часов влажной ночи, накрывшей огромное гнездо? Буду честен — я попытался успеть как можно больше.

А когда к границам Юдайна-Сити подступил рассвет, осторожно, будто мог спугнуть, подозвал к окну. Проведя по сенсорам настенного клавиатона и практически обнулив тонировку стёкол, я впервые показал ей сверкающее миллиардами огней и пронизанное первыми лучами солнца место обитания орд хвостатых существ (и парочки бледношкурых).

Показал наш новый дом до скончания веков.

Она встала рядом — ошеломлённая потрясающей картиной, едва заметно подрагивающая, вновь уязвимая и растерянная. А ещё очень красивая. И хотя сравнивать мне было решительно не с чем, это я знал так же точно, что чу-ха умеют кусаться.

Только теперь я в полной мере оценил, что девушка едва ли ниже меня, разве что самую малость; приятно поразился её стройности, но не худобе; и запаху, которому до этой ночи не было места во всём беспредельном Тиаме.

Да, этот рассвет мы встретили вместе, что в других обстоятельствах могло бы выглядеть безумно романтично. Но я определённо солгу, если скажу, что не хотел бы совершенно иной причины нашему недосыпу и совместной радости первым лучам…

С трудом растягивая эластичную ткань, девушка скатала капюшон, наконец-то освободив короткие, почти как у меня, волосы цвета тёмной корицы. Потянула подсыхающую ткань и с шеи, но та ещё липла, цепляясь за смуглую кожу микроскопическими коготками, и кареглазка с гримасой боли бросила затею.

А затем начала, наконец, спрашивать.

Почти лишившись необычного акцента, который я уловил в её голосе сразу после пробуждения. Уже не сбиваясь на странные слова и не путая термины. Порождала вопрос за вопросом, старательно запоминая, обдумывая и уточняя. Про мироустройство, верования, уклад управления гнездом, принципы работы фаэтонов и ветростатов.

Каждый раз, когда она хотела что-то переспросить, на лбу отчётливо проявлялась уже знакомая извилистая морщинка, мягкая запятая, элегантный символ задумчивости и сосредоточенности. Разумеется, казавшийся мне всё более и более привлекательным…

Позже я, конечно же, немало корил себя. Достаточно грубо и без преуменьшений ругал, что думать той бесконечной ночью было нужно не набухшим членом, едва прикрытым полами пальто, а башкой, причём трезво и быстро.

Тогда (без гарантий, но с немалой вероятностью), мы оба успели бы вытянуть из худеющего сознания девчонки чуть больше, чем воспоминания о снах про абстрактную мать матери, даже внешности которой та описать не могла. Может быть, это даже как-то повлияло бы на последующие события…

Но я не успел, не подумал, не сориентировался. И да, чего лукавить? Б **о** льшую часть времени я размышлял, как избавиться от непроходящего стояка…

А когда за полупритушенным окном разгорелось полноценное утро, девушка стала уплывать. Прямо на глазах, запинаясь на полуслове и клюя носом в середине вопроса.

Осторожно забрав из тёплых пальцев чашку остывшей чинги (пятую? шестую?), я едва успел в который раз придержать её за затылок, чтобы не стукнулась о подлокотник дивана. Только теперь ощутил усталость и сам — выматывающую, сильную, так и клонящую к матрасу. И лишь отправился в спальню за подушкой, как в дверь забарабанил неугомонный сопляк, подосланный Сапфир…

В общем, всё, что я успел, так это затолкать ночной «подарок» — полусонный, едва переставляющий ноги и путающийся в халате, — в кабинет. Торопливо расстелил на рабочем столе одеяло и ещё одно набросил сверху, уложил бедняжку на сие убогое ложе, плотно прикрыл дверь, проветрил нору и избавился от второй чашки с посторонним запахом.

Всё, что оставалось делать после, так это богохульно молиться сразу и Когане Но, и Двоепервой Стае, чтобы спящая ничем себя не выдала. Ну а ещё через четверть часа в моё скромное жилище пожаловала весьма благородная и не менее набожная Чинанда-Кси фер вис Фиитчи…

А затем — отмечу откровенно, — последовавший за приходом босолапой вистар вечер накатился столь же внезапно, как совсем, казалось бы, недавний рассвет.

Девчонка проспала до четырёх пополудни, причём крепко, вроде бы даже с комфортом и ни разу не грохнувшись со стола. Свернувшись в комок, чуть подёргивая ногами и шевеля губами, но практически бесшумно. Переносить её на кровать я не решился, и потому бесцельно шатался по норе, совсем новым взглядом рассматривая собственные отражения.

Конечно, моей растерянностью так и норовили воспользоваться соблазны.

Бутылка паймы на тумбе постоянно лезла в поле зрения, и даже заставила плеснуть в пиалу… но пить я так и не стал, со стоном заставив себя вылить ароматный глоток. Между ног без перерывов зудело призывно и тяжело. Свежесваренная чинга тоже

осталась нетронутой.

Всё ещё не покоряясь сну, я попробовал записать вопросы, которые *по-настоящему* стоило бы задать девчонке. Дополнял, корректировал, выдумывал новые, но в итоге стёр весь список и пометки.

В какой-то момент меня начало подмывать непременно связаться с кем-то из родных или знакомых. Может быть, даже с Нискиричем. Или с Зикро. Или с Аммой. Да хоть бы с ворчливыми стариками-храмовниками, которых не видел с самого начала этой безумной кутерьмы.

Единожды палец чуть не дрогнул найти в Мицелиуме контакты самого Хадекина фер вис Кри, но эту шальную мысль я погнал, как совершенно несвоевременную и отчасти недостойную. Всё закончилось тем, что никого я вызывать не стал, с лучезарной мудростью рассудив, что спешка хороша лишь при вычёсывании блох.

Тогда я попробовал успокоиться.

Даже попытался медитировать.

Разобрал и старательно вычистил «Молот». Протёр и смазал ботинки. Как мог, избавил одежду от пятен грязи и пыли. Снова сел в уютную асану Новорождённого Победителя, освободил сознание, проник в саму суть тяжёлых мыслей, отмёл их без анализа… но едва не заснул.

Покорившись неизбежному и устроившись на диване, всё же позволил дрёме одолеть. Спал недолго, нервно, то и дело вздрагивая и открывая глаза; то обливаясь жарким п **о** том, то замерзая.

п.3.; г.2; ч.3

Затем дверь в кабинет тихонечко отворилась, и на пороге возникла она — жаркая ото сна, смущённая, измученная и ранимая до того, что снова защемило сердце. Мигом избавившись от последних хлопьев дрёмы, я вскочил и показал, как полноценно воспользоваться санитарным узлом.

Не очень-то узнавая собственную суетливость, соорудил из скудных припасов что-то съестное, одновременно открыв несколько функций пищевого конструктора, о которых даже не подозревал. Получилось солидно, ароматно, хоть и не очень приглядно на вид.

Умывшись, девчонка пришла в пищеблок.

Задумчивая, но уже не такая пришибленная, она устроилась на табурете и с аппетитом умяла мою стряпню. Взгляд её с интересом блуждал по мебели и технике, подмечая привычные мне мелочи вроде выемок для хвостов, ячеек под длинные когти на клавиатоне конструктора или плавных изгибов посуды, очень удобной для держания в лапе чу-ха и куда менее — в наших с незнакомкой.

Потом мы снова говорили. Точнее, снова говорил я, а она слушала, запоминая, впитывая и почти не перебивая. О Тиаме, непростых законах и ещё более непростых негласных законах, причудах и обустройстве гнезда.

Девчонка определённо не спешила с выводами. Не паниковала, не рвалась прочь, не истерила при даже самых ужасных историях, в очередной раз доказав, что куда умнее, чем могло бы показаться при первом взгляде на такую красотку…

В какой-то момент я снова едва сдержался, чтобы не рассказать-таки про «низкий писк». Вновь заставил себя поверить, что это будет лишним; вновь заставил себя представить, какой неподъёмный вал открытий и новостей сейчас обрушен на её хрупкое сонное сознание, и что в этом потоке точно окажется избыточным.

А ещё тогда я впервые подумал, что на этот раз груз новой ответственности вполне способен переломить хребет Бесхвостого Джадуга, везучего и ловкого Ланса фер Скичиры, до сего момента беззаботно (ну, почти…) обитавшего среди опасных чужеродных созданий…

И буквально сразу — что совершенно не представляю, как мне называть кареглазую.

Смутился. Покраснел, но заставил себя спросить, хотя сделать это следовало ещё минувшей ночью:

— Ты можешь вспомнить своё имя?

Она, конечно же, не могла. Тогда я, краснея пуще прежнего, предложил:

— Если ты не против, я стану называть тебя Ч'айя… хорошо?

На лбу девушки снова прорезался полумесяц морщинки. Машинально оправив ещё чуть влажные волосы, она уточнила:

— Звучит красиво… это что-то значит?

— Такой цветок, — пробубнил я, совершенно не узнавая собственный голос. — Так его называют кочевники…

Скажу как на духу, мне хотелось добавить кое-что ещё. Что «ч'айя» растёт исключительно на камнях, проявляя невероятное жизнелюбие. И что лепестки её так же богаты оттенками коричневого, как и удивительные глаза девчонки. И что такой цветок, на закате подаренный самцом своей избраннице, много чего означает по старинным законам Стиб-Уиирта.

К счастью, ничего из этих глупостей озвучено не было, а уже через секунду девушка пожала плечами и кивнула с лёгкой улыбкой:

— Возражать не стану, Ланс. Мне и самой не очень-то уютно, что я до сих пор никак не могу себя назвать…

Я удержал судорожный вздох, который можно было трактовать весьма ошибочно. Убрал со стола, суетой прикрывая очередной прилив возбуждения. И начал задавать вопросы, многие из которых крутились в голове с самого рассвета.

Увы, Ч'айя не помнила из своего прошлого ровным счётом ничего…

Ни названий транспортных средств, если таковые там вообще были, ни даже того, какими они являлись — тягловыми или механическими. Ни музыки, ни имён, ни названий блюд. Ни топонимов, ни специфических терминов, ни повсеместно известных персон.

Когда же я провёл короткий тест и начал опрашивать её о названиях предметов, наполнявших нору, она без тени сомнений назвала «Молот» — башером, управляющую норой систему — центральной консолью, а мелькающие за окном пассажирские капсулы — фаэтонами…

И не успели мы оба опомниться, как наступил *тот самый* вечер, неотвратимый, тревожный, наполненный совершенно лишними перспективами. Вечер, в который мне едва ли не впервые в жизни не хотелось покидать душную нору.

Ох, до чего же это оказалось непросто. Да что там?! Я видел комплексные системы управления внушительной флотилией ветростатов, которые выглядели куда проще, чем моё решение…

А вот убедить Ч'айю остаться в безопасности (относительной,

но всё же) жилища и дождаться моего скорого возвращения оказалось на удивление несложно. Настолько, что я даже опешил.

Девчонка не спорила, не просилась увязаться хвостом, не испугалась и уж тем более не закатила скандал. Быть может, успела в достаточной мере понять, какого рода реальность лежала за дверью в подъезд комплеблока, и в мелочах запомнила мою историю становления в этом гигантском гнезде?

К условленному заказчицей часу я оделся, ощущая себя так, словно побывал под укладчиком дорожного покрытия.

Меня всё сильнее расплющивало от одной мысли показать Ч'айю вовне. Будет ли она в безопасности в казоку, которую я привык считать родной? Привлечёт ли внимание смирпов? И как — самое интригующее, если так можно выразиться, — на появление в Юдайна-Сити ещё одного человека отреагирует Песчаный Карп?

Вопросы роились в усталой голове, будто стая чу-ха на станции транзита в пиковый час. Безответные, тягостные…

Пока я собирался, закутанная в халат Ч'айя неподвижно наблюдала с дивана. И лишь когда я натянул на плечи кожаную сбрую и сунул в кобуру верный «Молот», на её лице дрогнула шикарная бровь. Пришлось сделать вид, что не заметил…

Затем она попросилась в Мицелиум. Желала и дальше изучать, напитываться, вникать в ускользающую суть. Наверное, уже тогда я мог бы честно сообщить, что сам факт появления Ч'айи на свет должен как можно дольше не стать достоянием одного гадкого свето-струнного существа. Но вместо этого наплёл сомнительного качества оправданий, торопливо пересыпал из периферийной «мицухи» полдюжины общеобразовательных пакетов, показал основы управления консолью, перевёл в автономный режим и отрубил любые выходы вовне…

Открыв объёмную аптечку, я придирчиво составил очередной коктейль. Пусть дело Чинанды-Кси фер вис Фиитчи и обещало быть скоротечным и простым, моя голова уже больше суток не касалась нормальной подушки, а сознание требовалось содержать в чистоте и боеготовности.

Заглотив несколько разноцветных пилюль, я запил их глотком крепкого отвара, после недолгих раздумий отполировав снадобье пиалой паймы. Уловив терпкие запахи пьянящего напитка, Ч'айя вроде как собралась что-то уточнить, но промолчала и на этот раз.

На вопросы о её дальнейших действиях во время моего отсутствия девчонка ответила чётко и без запинок: засовы заложить, к двери не подходить, смотреть обучающие пакеты, в окне не маячить; отсыпаться, истреблять запасы пищевых

концентратов и чинги, и терпеливо дожидаться (условный стук повторён без ошибок) моего возвращения. Очень скорого, как в очередной раз пообещал я.

Буквально через минуту после завершения очередного дотошного теста на мою основную «болтушку» ссыпалось уведомление, что у грузовых ворот «Куска угля» господина фер Скичиру ожидает фаэтон…

praeteritum

Я наконец-то ощущаю себя свободным.

Почти, но пока этого достаточно.

Одарённый невиданными раньше привилегиями, могу ходить по улицам и самостоятельно изучать гнездо, пусть лишь и в пределах семейного района.

Временами это пьянит сильнее паймы, временами — пугает до головокружения.

Конечно, за мной приглядывают. Трое крепких крупнозубых йодда, демонстративно носящих чёрно-жёлтые жилеты на голое тело. Они столь же показушно вооружены здоровенными башерами за поясами. Толпа, какой бы густой ни была, расступается вокруг них, словно обтекающая камни вода.

Четвёртый всегда в фаэтоне с символами казоку, всё время начеку и неподалёку. Или медленно катит вдоль тротуара в бурном потоке гендо, или лениво парит над головами в уровне силового коридора.

Хранители почти не мешают, таков приказ. Приглядывают с почтительного расстояния, шепчутся с недоумевающими тетронами, отсыпают им на лапу, да взглядами и гортанным писком отгоняют слишком уж любопытных зевак. От этого создаётся идеальная иллюзия воли.

Зевак, разумеется, хоть отбавляй. Пялятся, тычут когтями, тянут себя за уши в ритуальном отводе сглаза, чертят на лбу охранные символы, но всё равно льнут и высматривают.

От агрессивного любопытства не спасает ни бесформенный балахон, грубо пошитый в Наросте по моим меркам, ни маска или ароматические масла. Почти каждый вечер Ункац-Аран по приказу казоку-хетто пытается скомбинировать смесь, способную замаскировать мой резкий чужеродный запах, но пока не особенно преуспел.

Так что они глазеют. Нюхают, шипят, пытаются дотронуться и снимать на гаппи. В целом, я не возражаю, у меня и выбора-то нет. На провокации и брань не реагирую. Приучаюсь к терпению, без которого жалкому бледношкурому манксу не выжить в гнезде. Самых неугомонных и дерзких отсекают парни в жилетах.

Однажды в меня швыряют кожурой от тепличного фрукта кана. «Дети заполночи» переламывают выскочку с такой скоростью, что я едва успеваю заметить. Тем, кто нагло рвётся заделать парочку свето-струнных слепков в обнимку со странным зверьком, хранители просто выдают ощутимых подзатыльников

или оттаптывают хвосты.

Так я впервые вижу и ощущаю реальную власть казоку.

Вокруг меня вьются, ругаются, рычат, галдят, торгуются и возбуждённо пищат десятки тысяч крыс, даже три из которых способны создать лютую давку на пустом поле для штормбола — привычное оживление Бонжура. Но донимать уродливого коротконосого перестают уже на четвёртый день прогулочных вылазок.

А всё потому что улица получила приказ Нискирича фер Скичиры, завуалированный под вежливый и традиционно-витиеватый совет. И нашептала его дальше — от проспектов и площадей в переулки и подвалы, на чердаки и в скверы, на свалки и в пешеходные аркады над транспортными развязками, в моллы, закусочные и лавки мешочников.

Меня перестают трогать. Ко мне привыкают.

Чего, увы, я не могу сказать о себе…

Несмотря на добросердечное отношение «Детей заполночи», бесценное кольцо Аммы и долгие вечерние разговоры с Нискиричем, я всё ещё ощущаю себя чужим. Одиноким, если угодно. Причём временами куда острей, чем в убогих шатрах Стиб-Уиирта, где мой статус плавал между жалким рабом и глупым тягловым животным.

Временами мне становится очень страшно в дикой и непредсказуемой толпе чу-ха. До желания закрыть глаза или вовсе шагнуть с моста Тобу, более известного, как Доска Прыгунов… Но я сознательно заставляю себя почти каждое утро возвращаться в эту толпу, оставлять за спиной квартал за кварталом и даже говорить с незнакомцами. Одновременно я запоминаю район, впитываю его названия и проникаюсь запутанным устройством.

Так проходит неделя. Может, две.

Может, даже три, но на меня перестают пялиться. Конечно, среди населяющих Бонжур тысяч обитателей то и дело находятся желающие взглянуть-таки поближе или даже дотронуться, но таких становится всё меньше. Терпимо меньше, и сопровождающие меня йодда почти перестают ломать чужие носы…

Пять-Без-Трёх встречаю случайно.

Нет, я ни в коем случае не отрываюсь от хранителей и не совершаю глупостей в стиле «я сбегу от вас, глупцы, чтобы насладиться сладкой свободой». Просто так получается, да. Совершенно случайно.

Троица мешкает на перекрёстке, излишне упустив меня вперёд. Вязнет в оглушительном прибое сотен сигналящих гендо, рванувшихся на разрешающий сигнал светофора, а я не замечаю. Фаэтон сопровождения уходит чуть вперёд, втыкаясь в небесную

пробку, и не способен быстро развернуться.

Не заметив, что оторвался, я иду по извилистой 21-й, заставленной колёсными и стационарными лотками и палатками, рекламными треногами и крохотными столиками закусочных. Со всех сторон зазывалы манят в маникюрные салоны, букмекерские лавки или элеварни, откуда тянет кислятиной местных напитков.

Он хватает меня за рукав балахона. Сильно и бесцеремонно втягивает в узкий переулок справа, трясёт требовательно, но беззлобно — оттенки физических контактов я уже различаю довольно неплохо.

— Подкинь… — бормочет он, — подкинь на дозочку, пунчи…

Он не смотрит вверх, сгорбленный и жалкий, одетый дурно даже для трущоб-геджеконду и плохо пахнущий даже по меркам бездомных чу-ха. На его левой верхней лапе не хватает мизинца, безымянного и среднего пальцев, перебитый хвост сросся под пугающим углом, брови и обвисшие усы подпалены и стали завитками.

Возможно, если бы бедолага увидел, кого хватает за балахон, то и не осмелился бы. Но Пять-Без-Трёх смотрит на грязные когти босых нижних лап, покачивается и причитает под давлением опасного голода.

— Подкинь, а? — бормочет он, почти пританцовывая. — На дозочку нужно очень, пунчи, подкинь, ага-ага? Ну что, тебе жалко, что ли? Давай, выручи, пунчи, подкинь…

— Ничем не могу помочь, — отвечаю я как можно твёрже.

Выдёргиваю рукав из его хватки и делаю осторожный шаг к выходу из переулка. В горле пересохло, бока вспотели, а в голове бьётся единственная мысль — где моя кровожадная свита, когда она так нужна?

При звуках чужого голоса драные уши Пяти-Без-Трёх приподнимаются. Он вскидывает голову, подслеповато щурится на меня снизу вверх и мотает башкой, будто не веря.

— А ты ещё что такое? — бормочет он, посасывая уцелевшие пальцы на левой лапе. — Ты что такое, пунчи? Ты мой приход? Его не должно быть, я ещё пустой… так что же ты такое?

Пять-Без-Трёх сильно бьёт себя ладонью по щеке, заставляет меня вздрогнуть. Его уши топорщатся, как и шерсть на всём теле под грязной курткой; он медленно приподнимается на нижних лапах.

На тот момент я ещё не очень-то много знаю про поведение и физиологию чу-ха. Но даже обрывки усвоенного ранее позволяют понять — наркоман готовится напасть.

— Ты демон, — вдруг сообщает он с безапелляционной простотой, и вскидывает лапы в бойцовской стойке. — Ты демон

Бансури. Я одолею тебя, сраный выродок, и тогда Когане Но одарит меня дозочкой!

Ответить я не успеваю — Пять-Без-Трёх бьёт. Полноценной правой верхней, наотмашь, растопырив жуткие обломанные когти.

Мой опыт победоносных рукопашных с крысами приходит позже, но общие принципы и особенности вбиты в сознание и на этот момент. Кроме того, помогла знаменитая схватка в крыле старших йодда. Поэтому я почти без труда уклоняюсь от удара. А затем — внезапно для себя, — не бегу прочь, а неожиданно бью в ответ.

Выпад у меня получается, конечно же, отвратительным: не сильным, смазанным, дёрганным. Но Пять-Без-Трёх отбрасывает, заставляя ещё сильнее обозлиться.

Он машет снова, ещё раз, теперь даже цепляя мой балахон и с хрустом оставив прореху. А затем отскакивает к мусорному баку, смотрит совершенно диким взглядом, и вдруг выхватывает из куртки нож. Удобный, компактный выкидной нож из материалов, которые — как я узна ***ю*** *чуть позже, — не просвечиваются тетронскими сканерами…*

Несколько дней спустя, анализируя внезапную драку, я так и не могу решить, что послужило причиной последующего поступка. Что стало первой весточкой, катализатором, стартовым маркером, детонатором, надолго определившим мой стиль выживания в чужеродной среде Юдайна-Сити.

— Именем Когане Но! — я повышаю голос, словно имею на это полнейшее право. — Брось нож! Или я высосу твою жалкую душу, брошу её на растерзание демонам, и сам Бансури будет ссать на неё раскалённой лавой!

Пять-Без-Трёх замирает.

Оружие покачивается в его лапе, а вторая — лишённая трёх пальцев, — судорожно сжимается в пародию на кулак. В выжженных наркотиками мозгах с натугой запускаются сложнейшие процессы, заметные даже со стороны.

Я не двигаюсь с места, хотя его замешательства с лихвой бы хватило на побег.

— Ты не демон?! — вдруг с жаром бормочет он, а слезящиеся глаза открываются всё шире. Губы дрожат, приобнажая гнилые дёсны. — Ты благословенный посланник Всемилосердной…

Затем он падает на колени. Грузно, всем весом, так громко стукнувшись о пластобетон переулка, что мне кажется — кости точно треснули.

— Молю, прости, что не заметил… — Его глаза наполняются влагой. — О, прекраснейшее из посещавших Тиам существ…

Пять-Без-Трёх складывает ладони перед лбом, низко

кланяется, а после благоговейно — обеими лапами — протягивает мне раскрытый нож.

— О, всесильный, прими мою жизнь… Отними её, молю, я заслужил… — Он бормочет всё громче и громче, и в голосе нет ни тени попрошайнической дрожи. — Я больше не имею права топтать эту землю, покусившись на её спасителя!

Словно во сне, я шагаю к нему, протягиваю руку и осторожно забираю нож. Защёлкиваю клинок, торопливо прячу в бесформенную сумку под балахоном.

— Я в твоей власти, — продолжает умолять Пять-Без-Трёх. — Распорядись ею…

Теперь он смотрит мне под ноги, подставляет загривок; порванные в нескольких местах уши покорно прижаты. Из глотки вырывается жалобный стон, плавно переходящий в вой. Чу-ха начинает раскачиваться, будто в трансе.

В следующий миг за моей спиной появляются «Дети заполночи».

Двое, взбудораженные, едва отыскавшие мой запах в уличной толпе, в их лапах взведённые башеры. Покосившись назад, я вижу, как на входе в переулок поднимаются с тротуара и бранятся сквозь зубы расшвырянные торговцы и покупатели.

Охранники едва не стреляют в Пять-Без-Трёх, но я успеваю вскинуть руки. Затем осторожно кладу пальцы на их башеры, и столь же осторожно опускаю. Наркот, отдавший мне нож, смотрит исподлобья с печалью, безбрежной тоской и странным обожанием. И не прекращает подвывать.

Охранники ругаются, громко и очень изобретательно. Поочерёдно, перебивая друг друга, понося беспалого и интересуясь, всё ли в порядке с терюнаши. Одновременно стараются ощупать, словно мне могли незаметно отрубить часть тела.

Я отвечаю, что всё в порядке. Говорю, что этот нищий чу-ха перед нами просто запутался, но вовремя осознал свою ошибку. Говорю, что наказывать его за это противоречит множеству принципов опеки «Детей заполночи».

Пять-Без-Трёх подвывает всё громче, раскачиваясь из стороны в сторону.

Казоку-йодда бережно увлекают меня прочь. Спинами к наркоману не поворачиваются, оружия не прячут, а ещё незаметно осеняют себя охранными знаками, отгоняя неудачу злой судьбы Пяти-Без-Трёх.

Я подчиняюсь, покидая переулок под протяжные стоны нищего калеки.

Вид его — обречённо стоящего на коленях с восторженным блеском в глазах, — преследует меня ещё много ночей подряд. Как и

скользкие мысли о смысле моего существования и причинах появления в Тиаме…

Глава 3
ПЯТЬ МИНУТ БОЛЬШЕ

Транспорт Чинанды-Кси марки «Хиндаба» оказался представительским, но при этом не самым броским из возможных. Впрочем, его лакированный корпус всё равно основательно выделялся в потоке жалобно подвывающих корыт и хрипло тарахтящих гендо Бонжура.

Водитель — немногословный лакей в строгой ливрее, — совершенно скотским образом попытался опозорить меня перед всем районом, встретив у борта и в раболепном поклоне почти успев открыть дверцу. К счастью, я опередил, с натянутой улыбкой отстранил протянутую лапу и самостоятельно занырнул в салон.

Где меня ждал хрустящий чехол с новеньким, едва пошитым костюмом из весьма дорогих тканей. Пошитым без мерок, которые я легкомысленно позабыл пересыпать госпоже фер вис Фиитчи за весь утомительный день…

Не дожидаясь, пока насупившийся слуга займёт кресло за панелью управления, я вынул одежду, разложил на диване, и тут же отдал должное глазомеру набожной вистар.

Фаэтон поднялся в воздух и мягко поплыл вперёд.

Отгородившись выдвижной перегородкой, я максимально раздвинул глубокие сиденья и, змеёй вертясь на пупырчатой коже обивки, принялся переодеваться. Одновременно размышляя о трёх вещах.

Насколько нелепо буду выглядеть в новом костюме?

Будут ли кормить в том месте, куда меня несёт «Хиндаба»?

И, наконец, не совершил ли я ошибку, вообще покинув нору?

— *Мне пора,* — сказал я, переминаясь под дверью и теребя лямку рюкзака.

— *Иди,* — просто ответила она. Заметила замешательство, добавила: — *Не переживай, я стану сидеть тише мыши.*

В другой момент я бы посмеялся над уместной и тонкой шуткой. В этот — не стал.

Уже на пороге, уже отперев входную дверь и прожигаемый взглядом карих глаз, я едва не отменил заказ Чинанды-Кси. Но перед мысленным взором тут же появился черношкурый Нискирич фер Скичира, окутанный дымом «бодрячка», скалящий огромные зубы, жизнерадостный и хищный… и я вышел в подъезд…

Закончив переодеваться, постарался представить, как

выгляжу со стороны.

Госпожа Фиитчи прислала тёмно-синие штаны узкого кроя, светлую рубаху, длинный голубой жилет и двубортный френч из плотной чёрной ткани, севшие на меня так, будто были действительно сработаны по точным меркам. Завершался образ трехконечным галстуком из витого кожаного шнурка, с недавнего времени уважаемым на подиумах вистар.

Просторные карманы френча охотно вместили выкидной нож, кастет и плоскую флягу. А вот кобура башера изрядно выпирала, заставив неохотно убрать оружие и сбрую в рюкзак. Родная одёжка отправилась в вакуумный пакет, предусмотрительно подготовленный нанимательницей.

За бортами комфортабельного фаэтона проносился вечерний Юдайна-Сити, тотальный в своей многоуровневости, бездонности и всесилии. Увы, сегодня потрясающие, пылающие разноцветными огнями виды гнезда не цепляли моего взгляда — мешая сосредоточиться на предстоящем деле, в памяти то и дело всплывала Ч'айя, безалаберно брошенная в норе… чью защищённость я уже начинал считать многократно преувеличенной.

Почти через час фаэтон опустился на обычную дорогу, сбросил скорость.

Вспышка за окном заставила очнуться от тревожной дрёмы, спугнула тягостные мысли и даже заставила перестать теребить костяные пуговицы на манжетах; мир и без того ослепительной иллюминации стал ещё светлее — «Хиндаба» величаво вкатил в Холмы Инкамо и приблизился к основанию «Пламенного колеса».

На этот раз я не стал мешать слуге дома вис Фиитчи исполнять работу и позволил открыть перед собой пассажирскую дверь. Пакет с одеждой неохотно оставил на сиденье. А вот рюкзака не отдал, даже когда услужливый водитель вцепился в него, одновременно рассыпаясь в заверениях, что всё будет сохранено в полнейшей целости.

Выиграв схватку за рюкзак, я забросил его на одно плечо, ещё раз вежливо поблагодарил погрустневшего прислужника, и наконец задрал голову, разглядывая самый известный во всём Юдайна-Сити клубный парк утончённых и недешёвых развлечений.

«Пламенное колесо» помпезно парило над гнездом, объятое оранжевыми свето-струнными языками искусственного пожарища. Управляемое неисчислимым скопищем двигателей сродни фаэтонным, парк казался миражом, подвешенным на высоте сорокового этажа.

Направляющие уникального полётного коридора были так старательно вплетены в красивые ажурные колонны, что совсем не бросались в глаза. Будто великанская карусель, «Колесо» медленно вращалось, ни на минуту не прекращая движения. Мерно полыхали рекламные полотнища.

Ровно в центре кольца, в его условной «оси», размещались комфортабельные лифтовые кабины, щедро освещённые разноцветными отблесками. Время от времени они возносили в царство пафоса и разврата самых богатых кутил Юдайна-Сити.

С окружающих улиц к «Колесу» чинно подползали пузатые фаэтоны отнюдь не дешёвых марок. Да что там? Я видал боевую технику ракшак, ст **о** ящую дешевле этих транспортов… Кстати, таковая техника тут тоже наличествовала — по внешнему периметру в тени «Колеса» местность патрулировали сразу четыре звена «полосатых рубашек», традиционно усиленные зловещими великанами-кастура.

Я недолго постоял, проводив взглядом убравшийся на парковку фаэтон фер вис Фиитчи и изучая окрестности Инкамо. Проделал дыхательную гимнастику, окончательно избавился от дрёмы, оправил френч и неспешно, со всей возможной невозмутимостью двинулся вперёд.

Предстояло предельно собраться и выбросить из головы максимум посторонних мыслей. Это представлялось непростой задачей, но в профессионалах я числился не зря. За это меня и ценили, именно поэтому платили немалые деньги. И я действительно умел — даже переступив через себя, даже испытывая немалые душевные муки, — отшелушивать лишнее, чтобы качественно выполнять работу.

Через минуту в сознании не осталось ничего, кроме звенящий пустоты, намеченных целей, имён и образов, которые превратились в фигуры на игральной доске, куда предстояло взойти и мне. Всё, что лежало за пределами этого поля, осталось в прошлом и сейчас не имело ровно никакого значения. Даже Ч’айя…

На меня, разумеется, косились. И, как можно догадаться, не только потому, что поверх элегантного вечернего костюма я взвалил потёртый, видавший виды рюкзак. Игнорируя вопросительные, возмущённые, презрительные и откровенно любопытные взгляды богачей, я медленно приблизился к ближайшей лифтовой платформе.

Путь преградил дуэт плечистых сотрудников службы безопасности парка. Преградил без угрозы, но непоколебимо. Небрежно приподняв рукав френча, я продемонстрировал крепышам карточку бриллиантового отлива, закреплённую на

основном гаппи.

Вышколенные мордовороты в строгих костюмах, конечно, удивились, но виду не подали. Терпеливо просканировали пропуск. И даже если поразились личности его дарителя, отметили право на моё присутствие лёгким поклоном.

Увы, рюкзак таки изъяли, тоже со всей возможной вежливостью; а вот разложенные по карманам сюрпризы ожидаемо не обнаружили. Вероятно, щупать лапами высокостатусных посетителей «Колеса» здесь явно было не принято…

Однако когда высокостатусный бесхвостый посетитель клуба почти прошёл к полуоткрытой платформе скоростного лифта, один из безопасников всё же попросил:

— По соображениям безопасности и с учётом местных правил поведения, я прошу *уважаемого*… — это слово далось ему с очевидным трудом, — гостя сдать свои гаппи. Все устройства будут в целости возвращены вам сразу после возвращения из парка.

Я похолодел.

Да что там?! Я едва не выдал пожирающую изнутри нервозность. Представил сокрушительную нелепость сложившейся ситуации. И ответил со всем равнодушием, на какое был сейчас способен:

— Уважаемый гость вынужден ответить отказом, мой бдительный друг. Упомянутые вами «болтушки» предписаны уважаемому гостю для постоянного ношения по показаниям здоровья, и их удаление с моего тела приведёт к поистине прискорбным последствиям. Впрочем, если вы будете настаивать, уважаемый гость незамедлительно свяжется с госпожой фер вис Фиитчи и попросит её лично уладить это крохотное недоразумение.

Охранники часто заморгали и быстро переглянулись, уши ближайшего ко мне мимолётно затрепетали. По позам, изгибу хвостов и напряжению плеч было заметно, что стражи раздумывают-таки проявить выслужливое упорство.

Но верх взяло врождённое боязливое чутьё: плечистый боец ещё раз сверился с планшетной консолью, ещё раз удостоверился в законности пропуска-юнму. Повторно уточнил, кем именно выдана сверкающая карта. А затем скованно-вежливым жестом проводил через сканерные арки пропускного пункта к силовым тоннелям лифтовых платформ.

Убедившись, что поблизости не нашлось ни одного денежного мешка, желающего взойти в парк удовольствий в комплекте с диковинным уродцем, я в гордом одиночестве

воспарил к крутящейся террасе «Пламенного колеса».

Платформу наполняли изысканные дорогие ароматы парфюма (страшенная кислятина, конечно, но что поделать, раз чу-ха её так любят?) и прилипчивый до зубной боли канджо-транс вездесущих «8-Ра», сумевших просочиться даже во внутреннюю «мицуху» «Колеса».

Опираясь на изящные перила и изучая уменьшающиеся улицы Юдайна-Сити, я перебрал в памяти все случаи былого сотрудничества с вистар. Пусть и нечасто, но мне уже приходилось иметь с ними дело. С непростыми, капризными, почитающими себя властелинами (подчас вполне обоснованно) существами, не имевшими ни малейшего представления о настоящей жизни на шумных и грязных улицах…

Самых ярких примеров «сотрудничества» припомнилось всего ничего. Однажды благородное семейство, чьё название я предпочёл сразу забыть, пригласило Джадуга поработать переговорщиком и вызволить родственника-промышленника, взятого в заложники. В ту пору гнездо ещё почти ничего не знало о моём «таланте», но в определённых кругах уже поползли шепотки о необычайном красноречии бесхвостого уродца.

Тогда я действительно убедил головорезов отпустить бедолагу-заложника, которому к тому моменту успели отрезать левую верхнюю кисть. И даже почти ушёл, если бы не личные оскорбления бандитов, которых пришлось немного приструнить. Тогда в фанерную «Копилку боли» отправились сразу две фанга, вырезанные хирургами «Детей заполночи» из моей хрупкой тушки…

А вот от второго и третьего контрактов пришлось мягко, но решительно отказаться. Уже прознав про чудесные умения Бледношкурого, меня снова попытались нанять, чтобы убедить крупного воротилу подтвердить сделку, которую тот напрочь не хотел. В последнем случае аналогичное предложение поступило от родственников богатой самочки, которую пытались слить в семейном союзе с нелюбимым и весьма престарелым банкиром…

По традициям чу-ха стеклянные борта-стены лифтовой платформы имели крайне низкий отражающий эффект, но я всё равно рассмотрел свою улыбку.

Да, что уж тут скрывать, я любил свою работу, даже не самые удачные её повороты. И радовался ощущению, что новое дело будет не только быстрым, но и интересным. Ну и денежным, само собой.

И пусть по понятным причинам меня нестерпимо тянуло в милую сердцу нору в глубине «Комплеблока-4/49», я был обязан подзаработать, потому что… Потому что долг Амме отдать

придётся, пусть и частями. И лучше раньше, чем позже. Ибо финансовые вопросы не стоило затягивать даже с такими близкими чу-ха, как Нискирич…

В поле зрения попал безупречно подсвеченный, словно гигантская хрустальная колонна, «Слюдяной небесный мост» к северо-западу от клуба — сверкающая игла, зловещая отравленная пика, вонзённая в пластобетонное сердце Юдайна-Сити. На боку башни, изгибаясь серебристой подковой, виднелся выступ, на который мы с друзьями из Такакханы совсем недавно совершили визит, полный чудесных откровений…

Воспоминания о Шири-Кегарете вызвали ожидаемую тревогу.

Покрутив на пальце колечко Аммы, я перевёл взгляд на чудовищное в своей реалистичности пламя, танцующее вокруг обода «Колеса». Да, архитекторам и проектировщикам парка нужно было отдать должное — со стороны казалось, что широкое кольцо парило в воздухе, щекоча нервы боящимся высоты чу-ха, но оставаясь совершенно безопасным.

Зелёные насаждение, ажурные конструкции и свето-струнные инсталляции умело дробили территорию клуба на тематические зоны, соревнующиеся друг с другом в роскоши и блеске: «Влажные заросли незабываемых утех», «Древние руины неудержимых возлияний», «Арена кровавых предпочтений» и подобные им.

Как тут снова не улыбнуться?

Кизо-даридрата, пропагандируемым любым благодетелем сиротского дома, в «Колесе» даже не пахло, а от любопытных взглядов извне парк надёжно защищала непроницаемая стена «огня» и противошпионские фильтры.

Что ж, стоило вновь отдать должное пастушьей проницательности владык Юдайна-Сити: приучая малоимущих к благородной нищете и прикрывая её уважительными статусами веры, сами они вполне комфортно ощущали себя среди позолоты и матового хрусталя…

Платформа остановилась с приятным переливом.

Вышколенные рабы — безъязыкие, безухие и лишённые глаз в специальных кухнях, — отточенными до автоматизма движениями распахнули кованые дверцы подъёмной площадки и сложились в глубоких поклонах. Носы их мелко затрепетали, улавливая странный аромат нового гостя, но в остальном на мордах не дрогнул ни один мускул.

Оплетённые густыми золочёными решётками, от лифтов к «ободу» вели мосты-«спицы», намеренно погружённые в мягкий полумрак. Стараясь не думать, что под ногами вновь распахивает приветливые объятия смертоносная бездна, я невозмутимо

зашагал вперёд. Совсем скоро открытое пространство кругового балкона приняло меня в свои шумные объятия.

Минуя зоны, невидимо разделённые точнейшими акустическими приборами, я неторопливо двинулся по кольцу парка против часовой стрелки. Разумеется, мгновенно став объектом самого пристального внимания сотен пар глаз.

За полупрозрачными ширмами приостанавливались оргии и любопытные голые толстяки провожали меня взглядами, полными откровенного неверия; музыканты под изоляционными колпаками концертных площадок сбивались с такта, а самый впечатлительный даже порвал струну на лакированной эрху; встречные официанты едва не роняли подносы, а стайки полуобнажённых самок отдавили друг дружке не один хвост…

Мне, разумеется, было к такому вниманию не привыкать. Разве что обычно хвостатые, пялящиеся на меня со всех сторон и тычущие узловатыми пальцами, одевались куда проще и беднее. Ах, да, и ещё носили в карманах верные выкидные ножи.

Ловко перехватив зазевавшегося официанта, я сгрёб с подноса горсть аппетитных конвертиков из жареного теста. Прожевал у всех на виду, но в последний момент удержался привычно вытереть руки о полы френча. Подхватив с ближайшего раздаточного столика высокий бокал с чем-то искрящимся, запил и даже не поморщился едкой кислинке.

Вибрация «болтушки» на запястье оказалась до того неожиданной, что я чуть не охнул на виду у пёстро-разряженной публики. Улыбнулся, как ни в чём не бывало, отошёл в сторонку, поправил заушник и ответил, полагая, что это Чинанда-Кси.

Увы, ошибся…

— Куо-куо, Ланс. Я тебя понимаю, но неужели ты всерьёз полагал, что отключением гаппи и консоли избавишься от моих вездесущих взоров?

Вот теперь я чуть не вскрикнул по-настоящему. Всего на мгновение представил, что Данав фер Шири-Кегарета узнал о существовании Ч’айи… заставил себя со злостью отшвырнуть опасные домыслы.

— Какого *уя тебе нужно?!

Полагаю, что если бы о таком обращении с Господином Киликили узнали окружающие вистар, нескольких обмороков было бы не избежать.

— Грубость не красит, Ланс, — спокойно ответило существо без плоти и крови. — Я удивлён твоим присутствием в обиталище пороков, и лишь хочу быть уверенным, что этой ночью ты не упьёшься до смерти. Такой исход, как понимаешь, был бы неприятен обоим…

Возможно, в тот момент я мог бы попросить у Шири-Кегареты помощи в деле убийства Нурсета фер вис Фиитчи. Например, уточнить возможные расхождения данных тетронов с вездесущими наблюдениями самого джинкина-там. Но я скорее позволил бы отрезать себе пару пальцев, чем согласился попасть в число персон, хоть чем-то обязанных властителю «Уроборос-гуми».

Поэтому вместо ответа я нашёл на красивом решётчатом потолке ближайшую камеру слежения службы безопасности, выставил в её сторону мизинец в самом оскорбительном из жестов Юдайна-Сити, и оборвал вызов Карпа.

Постоял, переводя дух и восстанавливая самообладание.

Миновав ароматный сектор «Блаженного восхваления сладостей», подступил вплотную к внешней стене холодного свето-струнного огня и продолжил путешествие по ободу «Колеса». В том, что госпожа фер вис Фиитчи уже уведомлена о прибытии странного уродливого гостя, не приходилось сомневаться. Значит, нечего и дёргаться — совсем скоро её лакеи и сами меня разыщут…

Вообще, признаю честно, беспрерывный пир, гремящий на просторах парка, был способен впечатлить любого. Посетителям предлагался безлимитный доступ к самым изысканным яствам, напиткам и препаратам; их обслуживали кукуга наивысшего уровня, в равных пропорциях смешанные с традиционными живорождёнными онсэн и молоденькими рабами, за немалые деньги проданными роднёй в парящий мирок вседозволенности.

Вокруг меня купались в наркотических наслаждениях, заключали сделки, строили козни, договаривались о предательствах, планировали строительства заводов и храмов, вынюхивали, сплетничали, интриговали, обжирались и предавались самым утончённым формам разврата. На ободе «Пламенного колеса» с жаром переплетались судьбы, тела, жизни, хвосты, перспективы и статусы…

Отловив очередную прислужницу с подносом ароматных пиал, я по-хозяйски оттянул бедняжку в сторонку, приказал ждать, и совершенно невоспитанным образом перелил содержимое нескольких в свою флягу. Самочка дрожала и кусала губы. Её так и подмывало с писком сбежать, но сверкающий пропуск на моём браслете буквально приковывал бедняжку к месту.

Закончив грабёж, я вытер перепачканные паймой руки, бросил салфетку на разорённый поднос и подмигнул официантке. Через мгновение той возле меня не оказалось, будто ветром сдуло.

Победно вернув потяжелевшую флягу в карман, я продолжил шествие.

Тут-то меня и нашли. Или, сказать точнее, я сам заметил многочисленное семейство фер вис Фиитчи и приближённых к вдове. Выкупив часть сектора «Утончённых акустических реверберацій», Чинанда-Кси умело подготовилась к моему визиту, расставив и рассадив пару десятков зрителей, словно участников масштабного перфоманса.

Были среди них скучающие или недовольные? Пожалуй, нет — все приглашённые в этот вечер в «Колесо» определённо ожидали увлекательного.

Это и не удивительно, зная неуёмную страсть чу-ха к «безучастному глазению» (когда вокруг сбитого фаэтоном сородича могла скопиться целая стая, торопливо запечатлевая на камеры гаппи последние страдания бедолаги, и только один из сотни додумывался вызвать медицинские службы). Что уж говорить о вистар, у которых данная черта была возведена в абсолют?

Зону предстоящего представления грамотно изолировали от остального парка лёгкими ажурными ширмами, звуковыми барьерами, растениями в кадках и абстрактными скульптурами.

Стоило мне перешагнуть невидимую грань, как музыка, шепотки прочих посетителей, звон бокалов и многоголосый сладострастный писк остались вовне.

В тот же миг вместе с ними с меня словно бы слетели гири тягостных воспоминаний: погоня за кукуга-девиантом, поиск кровавого кулона, стычки с уличным отребьем, конфронтация с джинкина-там и хрупкое перемирие с ним же, заживо гниющий старик в бронированном саркофаге, злобная сука в погребально-красных одеждах и приближающаяся война казоку…

И девчонка, хрупкая девчонка-цветок в моём бесформенном домашнем балахоне, она тоже осталась в тени за гранью незримого круга.

Всё стало малозначимым. Всё отодвинулось, освободив место исключительно работе.

Дыхание моё привычно замедлилось, сердечный ритм выровнялся. Не спеша продвигаться вглубь зоны, я жестом подозвал прислугу. Придирчиво осмотрел поднос официанта, выбрал бокал с тонизирующим напитком и промочил горло, окончательно настраиваясь на «низкий писк».

Одновременно изучал гостей, меня в ответ изучавших куда менее скрытно. Буду откровенен — работы на публику я не совсем ожидал. Но обещанная сумма намекала, что отступать поздно, и придётся пробовать в предоставленных Чинандой-Кси

условиях…

Почти двадцать самцов и самок, изодетых в нарядные, но совсем не яркие костюмы, со всей очевидностью ждали моего появления. У многих на рукавах виднелись алые повязки, символы тлеющей скорби.

Дети погибшего Нурсета фер вис Фиитчи, его братья, сёстры, племянники и дальние родственники пискляво перешёптывались, поражённые, что Чинанда-Кси действительно сумела притащить в «Колесо» столь диковинную зверушку…

Сама она тоже была здесь, одетая всё в то же скромное платье паломника; стояла почти в центре сектора, пригласительно протягивая мне левую лапу. Вторым персонажем, бесспорно выделяющимся среди собравшихся, была (к гадалке не ходи) её старшая сестра Аширна.

В отличие от остальных, та не спешила демонстрировать возбуждённое ожидание — смиренно замерла на самом краю укромной зоны, спиной к родне и мордой к ночному гнезду за полупрозрачной стеной пламени.

Чуть более рыжая, чем Чинанда-Кси, Аширна была одета в розовое платье, поверх которого набросила белый палантин с двумя широкими красными полосами, символизирующими смерть, как наступившую, так и приближающуюся. Когда сестра заказчицы обернулась, пожирая меня влажными от слёз глазами, я заметил на её груди ритуальный пузырёк с ядом, стопроцентно смертоносным…

Не могу сказать, что сохранил душевное равновесие.

Скажу больше — мне стало не по себе, словно на ритуальной казни опозорившихся казоку-йодда. Но тогда я снова вспомнил озвученную сумму, вздохнул, отставил бокал и перевёл многозначительный взгляд на Чинанду-Кси.

— Чудесный вечер, господин Скичира! — Та подступила, подавленная и усталая, но едва заметно сотрясаемая праведным гневом. — Рада, что без опозданий. Позволю заметить, костюм вам очень идёт…

Я легко кивнул измотанной вдове, довольно фамильярно поклонился остальной родне. Кто-то неожиданно ответил наклоном головы, двое молодых самцов даже скрестили в мою сторону пальцы, но остальные продолжали пожирать алчными взглядами…

— Пусть небо над вашей норой будет безоблачным, — ответил я Чинанде-Кси, но затем сразу перешёл к делу в обход положенных у вистар формальностей: — Можно приступать?

Она совсем не оскорбилась. С пониманием вздохнула, бросила на сестру острый взгляд, и смиренно сцепила пальцы

перед собой.

— Разумеется, господин Скичира. Вы очень вовремя… мы собираемся уже третий вечер. Но мерзавка всё медлит, хоть и не снимает погребальной накидки. Так что делайте свою работу, Ланс.

Сделаю. И как можно скорее уберусь отсюда — из-под жадных взглядов хищной стаи и не менее жадных камер Песчаного Карпа.

— Попросите соблюдать тишину, — негромко произнёс я.

И повернулся к Аширне, даже не потрудившись убедиться, что Чинанда-Кси исполнит приказ своего уникального дознавателя.

п.3.; г.3; ч.2

Аширна фер вис Фиитчи наконец сменила позу. Полностью развернулась ко мне, в одной лапе сжимая кончик хвоста, а в другой — пузырёк. Уши обвиняемой подрагивали, нос жадно втягивал чужеродные запахи. В чёрных глазах сквозил интерес, надёжно прикрытый поволокой выпитого.

Наблюдатели остались слева, от убийцы вистар меня отделяло не больше десяти шагов. Я сделал первый, напоследок заметив, как нетерпеливо дрогнула губа вдовы.

Аширна подняла пузырёк к приоткрытой пасти, мазнула бледным языком по крупным зубам. Я буквально шкурой ощутил, как зрители завибрировали от нетерпения и предвкушения кульминации.

Ещё один шаг, и выкрашенный чёрным лаком коготок ловко раскупорил смертоносный сосуд.

Я остановился. Изучал её, утомлённую ничуть не меньше сестры, не меньше измученную, изрядно накачанную выпивкой или снадобьями. Она молча сверлила меня ответным взглядом, продолжая подёргивать ушами.

— Поговорим? — спросил я без приветствия, знакомства и прочей шелухи.

Не могу сказать точно, почему предложил разговор вместо ещё одной пары смелых шагов, после которых Аширна наверняка бы опрокинула стекляшку в пасть и повторила судьбу убитого ей Нурсета фер вис Фиитчи…

— Пять минут больше, пять меньше. Есть ли разница? — пожав плечами, спросил я и многозначительно кивнул на яд в её пальцах. — Сисадда?

Она молчала. Довольно долго. Рассматривала мою бледную безволосую кожу, крохотный нос, жалкую шерсть на голове и щеках, новенький костюм и старые ботинки. Ей определённо хотелось протянуть лапу и потрогать плоскую морду существа, невесть как проникшего в святыню богачей Юдайна-Сити.

В какой-то момент мне показалось, что сейчас она всё же решится на последний глоток. Но затем:

— С какой целью? — хрипло уточнила Аширна, криво усмехнувшись и снова обнажив крупные отбелённые резцы. — Чтобы ещё сильнее опозориться перед собственной семьёй?

Я неопределённо повёл плечом, как можно более равнодушно, лениво. Сдвинулся так, чтобы окончательно отгородить самку от притихших в нетерпении зевак за моей спиной.

— Обещаю, никакого позора не будет.

Я говорил тихо, но искренне, готовый даже поклясться в своих словах, и вновь не понимая, почему опасаюсь спровоцировать подозреваемую:

— Я здесь, чтобы выполнить свою работу. Пусть не самую чистую, но другой у меня нет. Если вы виновны, госпожа фер вис Фиитчи, я оставлю суть нашего разговора под печатью непреложной тайны, и вы тихо уйдёте в иной мир на глазах этих жадных плотоядных. Но если вы, предположим, не делали того, в чём обвиняетесь, поверьте — в моих силах вас оправдать.

Она недоверчиво скривилась. Лениво покачала кончиком хвоста, поднесла пузырёк к носу и брезгливо втянула аромат маслянистой жижи. Глаз при этом от меня не отвела. Кстати, пронзительно острых для такой пьяной особы.

— И *такому*, как ты, поверят?! — Аширна хмыкнула, снова выдавая немалое количество употреблённого за вечер. — С какой стати?

— Я приложу все усилия, госпожа фер вис Фиитчи…

— Не стоит больше причислять меня к этой семье…

— Не желал оскорбить… Аширна, мне поверят. А ещё мы станем искать правду. Бонусом попробовав выяснить личность настоящего убийцы, хоть за это мне и не доплатят. И мы станем делать это, не прибегая к ритуалам очищения от семейного позора.

Вероятно, моя наивная напористость позабавила сестру Чинанды-Кси. Выпустив хвост, она оправила траурный палантин.

— Такое чувство…

— Ланс.

— Такое чувство, Ланс, что ты и сам не очень-то веришь в версию моей сестрицы.

— А должен? — Я позволил себе лёгкую улыбку.

Нервы натянулись до предела, кровь закипала, но сознание оставалось чистым и возвращалось в привычное предрабочее состояние. Вероятно, это было сродни наркомании — вот она, очередная доза, без которой я уже не могу; жаркое чувство балансировки на канате, когда одна неловкая фраза может стоить жизни, репутации, больших денег…

— Кстати, Аширна, а кто, по-вашему, скрутил хвост господину Нурсету?

— Не знаю, — без запинки выдохнула та. Чуть покачнулась, то ли от нервов, то ли от опьянения. Свободной лапой пригладила усы, оправила рыжеватую чёлку. — Он мог сделать это сам. Усталость. Вина. Неумение принять правильное решение…

— И сделал?

Вероятно, в вопросе прозвучало чуть больше напора, потому что угольные глаза Аширны недоверчиво сузились. Она ещё сильнее понизила голос, хотя я и был готов поклясться, что сидящие за спиной падальщики всё равно жадно улавливали каждое произнесённое слово.

— Это и есть наш разговор, Ланс? — прошептала сестра вдовы. А затем продемонстрировала весьма неожиданную осведомлённость: — Или вы ещё не применяли своих чар, расхваленных на всё гнездо?

В другой момент я бы, пожалуй, загордился. Сейчас мне стало неуютно.

Наплевав на местные правила приличия, я осторожно вынул из кармана флягу и основательно приложился к её прохладному горлышку. Аширна оставалась почти неподвижной на фоне поддельного пламени и ещё более поддельных огней ночного Юдайна-Сити за ним.

— А как думаете вы?

Она снова оскалилась, но не агрессивно, а нервно.

— Полагаю, вы готовите меня. Не знаю, к чему, но…

— Склоняю голову перед вашей проницательностью, Аширна.

Та задумчиво провела когтем по краешку пузырька, заткнула пробкой на цепочке. За моей спиной раздался лёгкий гул, в котором я не без отвращения разобрал разочарование. Байши, каких же трудов в эту секунду мне стоило не обернуться к «недовольным зрителям»?!

— Сейчас, Аширна, вы просто меня выслушаете. — Я сделал к ней ещё шаг, ещё. Медленные, осторожные. На этот раз чу-ха не пыталась ничего предпринимать. — Постарайтесь не сопротивляться, я не причиню зла.

Ещё пара шагов. Теперь я слышал запахи её парфюма и вылаканного вина. Аширна фер вис Фиитчи покорно кивнула, и тогда я негромко расстелил перед ней пару стартовых двустиший:

— Девять крохотных мышат,

Сговорились не дышать…

Один вдруг затих не шурша,

Осталось лишь восемь мышат.

Реакция оказалась привычной, причём весьма быстрой. Чёрные глаза остекленели, пальцы правой верхней лапы разжались, и ядовитая склянка опасным маятником закачалась на её груди.

Краем глаза я убедился, что от остальных нас отделяет достаточное расстояние. Постарался не думать о камерах-шпионах, через которые за разговором мог наблюдать Шири-

Кегарета. Поймав дыхание Аширны и присоединяясь к его ритму, продолжил читать, одновременно подступая ещё ближе.

Запахи вина, «бодрячка», качественной дайзу и чего-то металлического стали сильнее. Теперь я стоял почти в упор, но окончательно объект зафиксировалась только на:

— Шестая мышка сердцем вышла,

Три упорных будто не слышат.

Я сделал короткую паузу и внимательно осмотрел ухоженную морду собеседницы, подмечая малейшие реакции. А затем бросил ей, мягко, словно стеклянный шарик:

— Отречение.

— Отречение, — покорно повторила Аширна, уставившись на декоративный зажим моего галстука.

— Бесцветная относительность переплывает горизонт радости.

Подытожив, она пробормотала за мной бессмысленный набор важных слов.

Теперь я обернулся по-настоящему. И, вероятно, было в моём взгляде что-то диковатое, потому что наблюдатели — неподвижные, подрагивающие от нетерпения и изнывающие от жажды проникнуть в суть таинства, — с общим оханьем подались назад.

Чинанда-Кси стояла столбом, глаза её полыхали.

— Отвечай мне честно, Аширна, — совсем тихо попросил я, почти касаясь губами светло-рыжего меха на кончике заострённого уха, — ты была близка с Нурсетом фер вис Фиитчи?

— Близка, — безвольно кивнула та, но ответила столь же тихо, почти беззвучно.

— Ты спала с ним, верно?

— Спала… и этот позор не смыть ни одним благочестивым поступком…

Капля пота прокатилась по моему виску, и я осторожно перехватил её пальцем, не позволив упасть на полосатый палантин.

— И поэтому ты решила отравить его? Его, а затем себя?

— Нет!

Аширна оскалилась так резко и злобно, что едва не убедила, что смогла вырваться из транса и сейчас вопьётся в моё горло. Концентрация чуть не раскололась, но я снова вклинился в дыхание самки, повёл за собой; дождался, пока спрячутся зубы.

— Кто убил Нурсета?

— Не знаю, — выдохнула она, окатив меня запахами сжёванной «карамели».

Я чуть не отступил. Прикусил губу, лихорадочно подбирая

следующие вопросы.

Убеждённость в своей правоте так явственно проступала сквозь ответы подозреваемой, что сбивала с толку. Байши, вот сколько раз я твердил себе старательно продумывать стратегию допроса?.. Хотя бы на пару шагов вперёд, даже если предстоящая работа выглядела легче лёгкого…

— Твоя сестра знает про тебя и Нурсета?

— Возможно… скорее всего… я должна искупить вину перед ней…

Моя бровь изогнулась в недоумении.

— А виновника ты разве найти не хочешь?

Она замялась. Чары пошли трещинами, закрошились под её бессознательным негодованием, но «низкий писк» так просто не отпускал.

— Хочу! — выдохнула обвиняемая, по-прежнему глядя на блестящий зажим галстука.

— Ты видела Нурсета в день его смерти?

— Да. Вечером. Недолго.

— Отпечатки на бокале с ядом действительно твои?

— Не знаю… это возможно…

— Аширна, я требую самого честного ответа: где ты была в момент его смерти?

По морде самки прокатилась рябь облегчения, словно вопрос оказался вовсе не таким трудным, как ожидалось.

— В «Загоне». В тот день проводились бои трое на трое… Хороший был вечер, убили сразу восьмерых Отчаянных…

— Ты способна доказать своё присутствие на аренах?

Она покривилась, и презрительный оскал вистар проступил даже сквозь осоловелую маску моего колдовства:

— Мы не любим фиксировать свои *развлечения*, терюнаши… и всеми силами пытаемся пресечь даже возможные слухи о них…

Я сглотнул комок. Хотелось снова раскрутить флягу. Хотелось оборвать разговор, ставший неожиданно неподъёмным. Но вместо этого я лишь усилил нажим:

— Твой визит в «Загон» может подтвердить кто-то из иных вистар? Пусть и на условиях анонимности…

— Может, — кивнула Аширна. И, опережая моё ликование: — Если захотят. Но никто не захочет. Наши души, Ланс — наполненные тенями чуланы, в которых хранятся гниющие трупы. Я не поверю в их желание помочь…

— А Отчаянные? Ты подходила к бойцам? Собрать пота в банку, лизнуть свежую рану?

— Подходила. Но для них мы все на один окрас. Как и для тебя…

Она снова вздрогнула до кончика хвоста, демонстрируя первое послабление «низкого писка». Сонно провела лапой по усам, едва не оцарапав мне щёку, заморгала.

Пожалуй, я мог бы ещё кое о чём спросить, пока Аширна не очнулась окончательно. Но не стал, предпочтя потратить последние секунды контроля на иное.

Протянул руку, пользуясь её дремотной беспомощностью, лёгким рывком избавил от склянки на груди. Почти без замаха отшвырнул прочь, за край «Колеса», где она напоследок блеснула выпуклым бочком и растворилась в свето-струнной стене огня.

— Послушай меня, Аширна, — приказал я, улавливая последние эффекты «писка». — Сейчас ты придёшь в себя. Отправишься домой. Отдохнёшь. Без вина и наркоты. Если я пожелаю ещё одного приватного разговора, ты не станешь его избегать.

— Отдохну, — пробормотала она, устало потирая прикрытые веки. — Без выпивки… Не стану избегать разговора.

Тогда я отступил от неё на пару шагов. Убедился, что вистар окончательно приходит в себя, покачиваясь, но уже без риска опозориться нелепым обмороком. Прожигаемый опасными, жадными взглядами, вежливо поклонился Аширне и направился к притихшим свидетелям допроса.

На мордах родни Чинанды-Кси застыло недопонимание, смешанное с разочарованием. Уши шевелились, хвосты подёргивались, кулаки сжимались; многие жадно попивали из бокалов. Определённо, все они ждали иного. Как и сама устроительница разоблачения.

Та подошла ко мне, словно отгораживая от остальных, как сам я несколько минут назад отсекал Аширну от лишних взглядов.

— Что всё это значит, господин Скичира?

Чистокровная высокорожденная, она сдерживала эмоции, но явно кипела внутри.

Интуиция подсказывала поступить совершенно по-другому. Но я подался к вдове на максимально-этичную дистанцию и негромко ответил:

— Ваша сестра не убивала Нурсета фер вис Фиитчи.

Огромные резцы чу-ха обнажились, сверкнув перламутром покрытия.

— Как вы смеете утверждать подобное, господин Скичира?!

В шипении вистар почти отсутствовали привычные смиренность и терпение, и я воочию представил, как обещанные за работу деньги беззвучно сгорают в искусственном пламени парковой ограды.

Ответил спокойно, даже устало, для этого мне совсем не пришлось притворяться:

— Госпожа фер вис Фиитчи, — я чуть склонил голову, признавая её главенство, но намереваясь стоять на своём, — вы наняли меня для поиска правды, и я честно выполняю работу…

— Мерзавка перекупила вас, — выдохнула Чинанда-Кси, и в её тоне не было и намёка на вопросительную интонацию.

— Вы не хуже меня знаете, что говорите лишнее, госпожа фер вис Фиитчи, — хладнокровно парировал я, начиная жалеть, что этим утром вообще открыл дверь посланцу Сапфир. — Репутация Ланса фер Скичира из «Детей заполночи» не имеет цены.

Её тёмные глаза пробуривали насквозь, а чинный образ благочинной паломницы продолжал рассыпаться пылью гнева и истинной натуры хозяйки жизни.

— Что она сказала?

— В интересах дела я вынужден пока сохранить это в тайне.

— Вы лишаете меня законного правосудия!

— Я лишаю вас соблазна отнять невинную жизнь.

Чинанда-Кси прищурилась. Когтистые пальцы скрючились, будто она собиралась вцепиться в меня и разодрать дорогущий новенький костюм:

— Тогда скажите же, всезнающий Джадуга, кто убил моего несчастного мужа, пусть сжалится над его душой Двоепервая Стая?!

Дуга родственников вокруг нас уплотнилась, все они ловили даже обрывки фраз. В этот момент их сборище казалось куда опаснее огненного обруча за пределами парящего кольца. Да что там?! Оно было опаснее обдолбанной уличной стаи, ночью подловившей тебя вдали от оживлённых улиц…

— Пока не знаю, госпожа фер вис Фиитчи, — честно ответил я, ожидая новой вспышки гнева. Успел примирительно поднять раскрытую ладонь: — Но обязательно выясню. Чуть позже, если позволите. Я взял след, но сейчас… сейчас у меня имеются неотложные дела.

Густые ухоженные брови Чинанды-Кси скакнули на лоб, словно я недвусмысленно предложил ей уединиться в подсобке «Пламенного колеса». Вистар едва сдержала негодующий возглас, но вовремя спохватилась, пробормотала короткую молитву и потупила взор. Приподняла и плавным движением уложила хвост на сгиб локтя, погладила нарочито примитивный браслет «болтушки».

— Что может быть срочнее порученного вам задания, господин Скичира? — спросила она, на этот раз печально и с надломом в голосе. — Я полагала, вы бросите все силы, лишь бы

поскорее…

— Моя щедрая и благородная госпожа, — мягко перебил я, с трудом удерживаясь, чтобы не ослабить душивший галстук, — вынужден признать, что таковые дела существуют. Но я клянусь, что обязательно выясню все обстоятельства гибели вашего супруга, пусть будет добра к его душе Двоепервая Стая.

И поклонился, немного неловко, но постаравшись выразить настоящее почтение.

— Обещаю оставаться на связи. И свяжусь с вами сразу, как только смогу проанализировать полученную информацию, сопоставить её с вашей и… неторопливо пораскинуть мозгами.

Глаза окружавших нас чу-ха сверкали в полумраке приватного сектора, словно жгучие раскалённые угли. Чинанда-Кси приоткрыла пасть, но передумала добавлять что-то ещё. Задумчиво облизала резцы и медленно кивнула.

Затем мы оба — не сговариваясь, но одновременно, — обернулись к Аширне фер вис Фиитчи. И обнаружили, что обвиняемая растворилась в толпе разнузданных посетителей «Колеса», а у самой границы паркового ограждения осталась лежать лишь её лёгкая накидка с красными погребальными полосами.

«Ломкая горечь»

Мира, процветания и тепла тем, кто снова внемлет мицелиумной станции «Ломкая горечь»! Куо-куо-куо, мои ушастенькие и бесстрашные, как должна говорить истинная Моноспектральная Чапати!

Низкий поклон всем, кто приклеил на окна бумажные снежинки или зажёг лампады, провожая ушедшее воплощение самой отважной мицелистки Юдайна-Сити к её новым перерождениям.

Я видела великое множество ваших сигналов, и это делает сердце Чапати крепче!

Если вы слышите этот выпуск, дело агентства живёт и будет жить. Улицы продолжат шептать, а мы продолжим расшифровывать этот шёпот, донося его до миллионов последователей.

Сегодняшнюю порцию новостей криминально-аналитической станции едва ли можно будет назвать сытной. Почему, спросите вы? Я отве… Чапати ответит: слышите, как тихо в переулках Бонжура? Радуетесь, что фанга перестали свистеть на перекрёстках и больше не задевают ваших детёнышей? Конечно — да озарит вас добрым взглядом Всемилосердная Когане Но, — в этом нет ничего дурного!

Но я… но Чапати считает, что это очень опасное затишье.

Пишите в «Ломкую горечь», если разделяете тревогу Чапати. Находите наши информационные стенды в Ядре Мицелиума и оставляйте свои мнения там, все они останутся тайными. Передавайте визитку моей личной ячейки друзьям и родным, агентство остаётся на связи круглые сутки!

И пока тучи только сгущаются над Бонжуром, я хочу, чтобы каждый из вас задал себе несколько важных вопросов. Например, о теориях заговора. Скажем, вы верите в утверждение, что большинство казоку в гнезде так или иначе контролируются «Голубым Лотосом»?

Только не отмахивайтесь, мои сладкие, молю! Вам может показаться, что это не касается нас, простых и неприметных жителей… Но это очень опасное заблуждение…

Что, если в не засыхающей на улицах крови виноват именно «цветок»? В г **о** рах оружия со сбитыми учётными номерами, в ураганах наркотиков, лихорадке бесконечных тотализаторов, в торговле обнищавшими и запугивании самых небогатых крыс?

Что, если это «цветок» заигрался с растущим конфликтом «Детей заполночи» и «Вёртких прыгунов»? Что, если допустил

ошибку, долгие годы отмеряя вес и влияние каждой из двух группировок в своих интересах, отмеряя рискованно и цинично, а сегодня допустив крушение планов?

Или же приближающаяся бойня — часть ещё более жестокого и бездушного замысла?

Конечно, я не стану голословно обличать многоуважаемых Смиренных Прислужников и проросший под ними «Лотос». Без веских доказательств и фактов это стало бы не храбростью Чапати, но самоубийственной глупостью.

Но давайте хотя бы на секунду предположим, что внешнее управление местными казоку возможно.

Какой станет ваша реакция? Как вы объясните это детям? Как в следующий раз доверите свою безопасность тетронам, якобы хранящим покой гнезда по приказу смирпов? За наши, к слову, деньги, исправно собираемые протоколами обязательных отчислений…

Лично Чапати считает, что истинные хозяева кланов прямо сейчас теряют контроль над ситуацией… Или же делают очень опасную ставку. Как бы то ни было, Моноспектральная уверена, что уже совсем скоро упомянутая ситуация полетит в пропасть с тонкой нити, на которой подвисла. И вот тогда на наши улицы придёт настоящий ужас.

Вы многое слышите. В закусочных, «мицухе», прачечных, салонах красоты, на нелюбимой работе или во время обычной поездки на гендо. Слышите, что Нискирич Скичира просто «оберегает район». Что пытается «отважно ограничить» влияние близнецов Раромари и Риробури на жизнь и жителей Бонжура…

Но задумайтесь: так ли всё просто?

Не претендуют ли Косоглазый и его покровители на нечто большее?

Помните, мои хвостатенькие, что Нискирич жаден, бесконечно жаден. А ещё мстителен, завистлив и опасен. Так не готов ли Скичира подкопить жирка, чтобы не только перебить «Прыгунов», но и бросить вызов по-настоящему закостенелым казоку, намертво вросшим в саму суть западных районов? Может быть, даже таким крупным, как «Диктат Колберга»? Быть может, даже с благословения и при поддержке силовых структур, сисадда?

В конце концов я зна… Чапати знает, что крупные преступные синдикаты гнезда не изначально уродились огромными и всевластными. Начиная с дворовых банд, они становились таковыми в условиях жёстких междоусобных войн, гремевших в Юдайна-Сити ещё до нашего рождения.

Так может, мы становимся свидетелями техничной замены

устаревших и обрюзгших ублюдков на иных? На ещё не настолько зажравшихся и чуть более подконтрольных?

Что ж… Чапати остаётся лишь вздыхать, мои любознательные. И заставлять вас думать самостоятельно. Думать не только о миске горячей лапши в конце тяжёлого трудового дня, но и о куда более важных вещах.

Запомните мои вопросы.

Задайте их родным.

И поделитесь с «Ломкой горечью» возможными ответами…

Да, и вот ещё что…

Речь снова про крупные казоку, какими мы их знаем сейчас… Так вот Чапати убеждена, что они набирали упомянутую силу не только с помощью когтей, ножей, башеров и бомб. Они так же набирали её, питаемые нашим равнодушием.

Потому что когда хороший чу-ха отворачивается от злого деяния, он становится его соучастником… Подумайте об этом перед сном, на рассвете, в обед или на прогулке с малышами. И тоже поделитесь мнением с Моноспектральной.

А пока давайте прощаться.

Станция «Ломкая горечь» продолжит держать вас в курсе всех — пусть даже самых ужасных, — происшествий Бонжура, как только они назреют или случатся. И если у вас есть интересная информация, имеющая ценность для прокламаторских расследований, есть слухи, домыслы или тайные сведения — вы хорошо знаете, где найти Моноспектральную Чапати для разговора без имён.

Навсегда с вами! Берегите близких и себя.

Мира — добрым, и пусть враги боятся правды, которая однажды их раздавит!

Глава 4
СДЕЛКА ПОД БУМАЖНЫМИ ЗВЕЗДАМИ

Могу предположить, что водитель Чинанды-Кси был проинструктирован дожидаться странного бледношкурого пассажира при любом исходе уютной семейной сходки.

Потому что не успел я опрокинуть в себя прощальную пиалу добротной паймы, спуститься на платформе, миновать кордоны хмурых безопасников и забрать у них облепленный печатями неприкосновенности рюкзак, как почти уткнулся в лакированный борт знакомого «Хиндаба».

Что ж, на этот раз я тоже не стал капризничать, позволив усадить себя внутрь со всеми полагающимися почестями. И, едва фаэтон мягко, гладенько двинулся по улицам Пиркивелля к ближайшим взлётным коридорам, истово поклялся, что при первом же удобном случае вернусь к необычному делу семейства Фиитчи, но… но раньше прочего всё же вернусь к Ч'айе и решу, как дальше жить.

Транспорт поднялся над проспектом, влился в поток, пересёк границу Уробороса. Салон снова наполнили разноцветные всполохи гигантских рекламных слепков на фасадах, так и вынуждавшие усилить тонировку окон.

Выпивка в желудке, мерное мерцание ночных огней за бортом и скопившаяся усталость вдруг навалились скопом, прижали к удобному сиденью, мазнули по векам, сделав их тяжёлыми и липкими.

Вяло сражаясь с дремотой, в привычное я решил переодеться уже в норе, сонно запихав вакуумный мешок прямо поверх башера и кобуры. Едва ли моих соседей по комплеблоку можно удивить новым и не совсем уместным в «Куске» костюмом…

Спустя сонный час «Хиндаба» вошёл на территорию Бонжура. Куда более тёмную после центральных районов гнезда, гораздо более плотно застроенную, с барахлящими силовыми вышками и ветшающими станциями «сквозняка», вырубленными деревьями и кустарниками, с превалированием тряпичных рекламных полотнищ над неосязаемыми.

После ослепительной роскоши «Пламенного колеса» родные улицы неожиданно показались мне мрачнее и многозначительно опаснее, чем прежде.

Сбросив скорость на вираже, фаэтон снизился и неспешно

прошёл над оживлённым перекрёстком. Прильнув к окну и повысив прозрачность, я заметил на пешеходной галерее возле сетевой закусочной несколько свежих трупов. Вокруг распластавшихся роились многочисленные зеваки, тетронов пока заметно не было.

Я проводил остающихся за кормой чу-ха невесёлым взглядом. И со столь же невесёлой усмешкой подумал, что «безучастное глазение» обитателей шумных улочек ничуть не отличается от глазения высокорожденных, явленного мне в «Колесе», где свора хищников ровно с тем же азартом ждала, когда их родич падёт под ударами чужака.

Да, господин фер Скичира, в этом гнезде всё одинаковое. Причём независимо от того, сколько стоит глоток паймы — пару рупий в дешёвой лапшичной, или сотню в лучших салонах «Колеса»…

А ещё я вспомнил про планы отчима и подумал, что скоро на этих улицах будет куда больше крови. Резкая смена настроения расстроила, заставила потерять сон и заёрзать, нервно барабаня пальцами по колену и накручивая колечко Аммы.

Фаэтон вдруг качнуло.

Немногословный до этого момента водитель выругался так, что ему бы позавидовал и беспризорник из Ишель-Фава. Не успел я податься вперёд и выяснить причину, как «Хиндаба» снова тряхнуло, ещё раз, и чу-ха был вынужден прижать транспорт к ближайшей дороге.

Дрёму смахнуло напрочь.

Расстёгивая рюкзак и нащупывая «Молот» под плотным пакетом с пальто, я окончательно сбросил тонировку окон. Заметил помятый фаэтон, опасным манёвром трижды прижавший нас к полотну на дне силового коридора… и устало покачал головой.

— Прошу прощения за недоразумение, господин, — дрожащим голосом отчитался водитель и заблокировал двери. — Нам намеренно пытались создать аварийную ситуацию, но я избежал столкновения. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, я уже выслал сигнал тревоги и буквально через минуту тетроны…

— Отмени! — приказал я, застёгивая рюкзак. — Да-да, пунчи, тебе не послышалось. Отмени вызов «тупомордых», прижмись к обочине и высади меня… да хоть бы вон у той кухни…

Он обернулся, глядя затравленно и дико; усы подёргивались.

— Господин, это совершенно недопусти…

— Байши, просто сделай… — Я осмотрел салон и убедился, что не оставил ничего из личных вещей. — Пунчи, я сейчас такой уставший, не вынуждай спорить и настаивать, сисадда?

Несколько мгновений водитель молча рассматривал сумасшедшего пассажира; мохнатые уши прижимались и вставали торчком, нос пребывал в непрерывном движении. Наконец, взвесив мои полномочия и возможные последствия, он кивнул, на самой скромной скорости припарковался напротив ремонтной кухни и разблокировал замки.

Перед фаэтоном, потрескивая барахлящим движком, тут же опустился потрёпанный «Габи» с характерным значком на выпуклом багажнике. Прочитав клановую подпись, мой водитель тихо пискнул.

— Да не трясись ты, это свои! — Я подмигнул ему и выбрался на тротуар. — Хозяйке привет!

Мягко прикрыл блестящую чёрную дверь (надёжные замки тут же щёлкнули вновь), закинул увесистый рюкзак на плечо, вздохнул и двинулся к дерзкому фаэтону. Заднее пассажирское окно приоткрылось, позволив мне первому бросить внутрь вместо приветствия:

— Байши, парни, вы подобрали самый неудачный из существующих моментов!

Водитель «Габи» оказался незнакомым, совсем молодым, едва прошедшим инициацию. А вот Мокр **о** ту, тяжеловесно выбравшегося с заднего сиденья, я знал неплохо.

— Куо-куо, Ланс, — тот поднял скрещённые пальцы, — не заводись, мы не со зла…

Казоку-йодда внимательно осмотрел меня с пяток до галстука и уважительно покачал башкой. Затем причмокнул и многозначительно обернулся на фаэтон фер вис Фиитчи, сейчас задним ходом отползавший от нас по улице:

— Серьёзный фаэт. Да и костюмчик серьёзный.

— Даже не думай раскатывать губу на эту красотку, Мокрота, — я улыбнулся, но доброты в тоне почти не прозвучало. — Так чего хотели, зубастые? Или вы на «сухой петле» прискучали?

Но дуэт чёрно-жёлтых оказался вовсе не на обязательном патрулировании подконтрольных казоку территорий. Скучать, видимо, тоже не собирался.

— Сгружай шмот, Ланс… — Чу-ха с полудюжиной жетонов на жилете разом потерял интерес к ускользающему фаэтону и придержал передо мной дверь. — Прокатимся к Нискиричу.

Я не двинулся с места, взвешивая шансы на возможный побег.

— Байши… это срочно? Пунчи, мне *очень* нужно метнуться в нору.

Мокрота поднял на меня удивлённые глаза и развёл лапы:

— Вот сам ему об этом и скажешь, Ланс! — Он метким

плевком отправил на дорогу комок пережёванного «бодрячка». — Лично я по шее не хочу. Просто выполняю работу, сисадда?

Просто выполняю свою работу, да? Где-то Ланс фер Скичира это уже слышал, причём совсем недавно. Ах, да, это же сам Ланс и сказанул…

Убедившись, что «Хиндаба» беспрепятственно поднялся в воздух, я напоследок махнул ему рукой и неохотно полез в «Габи» со значком «Детей заполночи» на багажнике…

Несмотря на то, что очередной полёт даже с огромной натяжкой нельзя было назвать ни мягким, ни убаюкивающим, я всё равно умудрился-таки задремать. Очнулся уже в гаражах Нароста, когда глубокая ночь и надежды на скорое возвращение домой остались за опускающимися бронированными воротами казоку-шин.

На внешнем сторожевом посту у въездов сражались в моннго четверо стражников. Отгородившись друг от друга заборчиками из фишек, они пили (скорее, даже лакали, едва опуская бледные языки в густое варево) тягучий коричневый напиток.

Я только в общих чертах знал, что пуэтта варится из концентрата чинги с щедрым добавлением «карамели», но всё равно был вынужден продолжить измывательство над собственным телом.

— Куо-куо, братья, угостите глоточком?

— Шик **о** вая у тя упаковка, Ланс! — Отвлёкшийся от игры йодда смерил меня оценивающим взглядом и охотно плеснул пуэтты в не самую чистую пиалу. — Присаживайся, если без новых портков остаться не зассышь.

— В другой раз, пунчи, — ухмыльнулся я под гогот остальных.

Опрокинул в себя тёплое варево и чуть ли не физически ощутил, как глаза полезли из орбит. Но в голове мигом прояснилось, тут ожидания не обманули.

Перехватив рюкзак под мышку, я чуть ли не бегом понёсся по Наросту в сторону командного крыла. Не удержался, заглянув в общие трапезные йодда, где ухватил и торопливо сжевал холодный парной пирожок.

Охранники у дверей Нискирича фер Скичиры лениво развалились на стульях, небрежно махнув мне в сторону кабинета: мол, тебя только и ждут. Это же подтверждала приоткрытая, будто капкан, створка…

Постаравшись унять колотящееся после пуэтты сердце, я вошёл.

Внутри оказались двое. Отчим восседал на привычном месте за огромным столом, окружённый дымом любимого травяного

оковалка. У правой стены на софе, устало опираясь на посох, притулился Уранц-Анкан.

При виде меня старый чу-ха сморщился, словно сжевал свежий лист перечной мяты, с точки зрения хвостатых — самого гадкого растения во всём Тиаме. Нискирич при этом улыбнулся, широко и зубасто, с явным превосходством.

— Куо-куо, отец! — Я не стеснялся использовать такое обращение в присутствии единственного чу-ха во всём гнезде. Этот самый чу-ха поморщился ещё сильнее. — Что-то срочное?

— Проходи, мой мальчик, — благодушно пробасил казоку-хетто «Детей заполночи», неопределённо помахав окурком. — Ты голодный?

— Нет, благодарю.

Фер Скичира подался вперёд, отчего крепкие мускулы под тёмно-синей тканью рельефно заиграли. Смотрел на меня лукаво, чуть с грустью.

— Отпадный наряд, сынок, — похвалил он, явно ожидая рассказа.

— Долго объяснять, клянусь… Скажи, зачем звал, у меня много дел…

— Ах, молодость-молодость, — с пониманием оскалился Нискирич. Покивал, — если бы её скорость совпадала с мудростью возраста… — И вдруг пригвоздил, причём без нажима или упрёка, а просто констатируя факт: — Тебя не было на сожжении Разрушителя. Жаль. Мы славно спели у его костра, и хору явно недоставало твоего голоса…

Видимо, у меня всё же отвисла челюсть, потому что поникший Уранц-Анкан злорадно усмехнулся, пригладил лысину на левой половине головы и звонко пристукнул извилистым посохом.

Байши! Прогиб, старина Прогиб, на пороге смерти ставший если не Разрушителем, то Защитником… А ведь я клялся, прямо на этом самом месте, причём искренне, что буду присутствовать на прощании с собратом по казоку…

Несмотря на открытое злорадство старого шамана, я не собирался скрывать эмоций — стало погано, прямо до печёнок… Что ж, вот и ещё одно невыполненное обещание в копилку безответственности Ланса Скичиры. Неужели когда-то я действительно мог полагать, что послан в этот мир для великих судьбоносных свершений?

Чтобы не видеть ехидной усмешки Уранц-Анкана, я прикрыл глаза. Мысленно попрощался с прилипчивым парнишкой, которому был обязан уцелевшей шкурой. Беззвучно извинился. Вновь пообещал обязательно воздать должное его бессмертной

душе. И сказал без утайки:

— Так получилось, отец…

— Я лично положил в костёр парнишки его первую нашивку, — задумчиво продолжил Нискирич. — Это стала «За ранение, полученное при защите чести казоку». Как думаешь, не ошибся?

— Не знаю, — вытолкнул я через пересохшие губы, стараясь не сорваться в подготовленную ловушку. — Надеюсь, что нет…

К моему удивлению, отчим не стал давить, упрекать или выпытывать.

— Хорошо. Понимаю. Выглядишь уставшим.

— Очень хочу спать. — Я бросил рюкзак возле дверей и подошёл к столу, чтобы старик с посохом остался вне поля зрения. Решил сменить тему, лишь бы избежать возможных вопросов о самочувствии и причинах, к этому приведших: — Что там с «Кислотными шутами»?

Вообще Нискирича было не так-то просто сбить с толку. Сейчас мне удалось, якобы внезапно вспомнив про кочевую казоку наплевавших на законы улиц выродков, не брезговавших пожиранием убитых собратьев.

Отчим кивнул, причём с пониманием и одобрением — он ценил, когда я интересуюсь семейными делами и успехами «Детей».

— Утром отправлял поисковый отряд. — Чернющий пасюк задумчиво поскрёб длинный шрам на щеке, его левый зелёный глаз снова уставился в угол комнаты, будто обладал собственной волей. — Парни разметили Бонжур на сектора, неспешно, по-правильному. И, ты будешь удивлён, уже к вечеру наткнулись на борфов…

Я нахмурился. Не могу сказать, что когда-то всерьёз совал нос в мутные делишки «Детей заполночи». Но присутствие на родных улицах такой заразы, как «Шуты», было способно встревожить даже меня… особенно с учётом…

— Нет причин для волнений, мой мальчик, — по-своему прочитав эмоции на моём лице, попросил Нискирич. — Мы не позволим тварям осесть, обещаю. Уже завтра район увидит их мерзкие освежёванные туши на фонарных столбах. А одного, кстати, мы взяли живым…

Вероятно, я снова не смог удержаться от гримасы, потому что отчим улыбнулся:

— Не переживай. Тебе не придётся тратить на ублюдка драгоценный дар — сука отгрызла язык… Впрочем, мы всё равно узнаем их численность и дальнейшие планы.

Он не хвастался. Не клялся, не психовал, но каждый в этом

кабинете был уверен, что именно так и произойдёт.

— Славные новости, — выдавил я. — А ещё мне бы хотелось знать…

— Зачем я притащил тебя в Нарост среди ночи? — закончил фразу старший Скичира. — Ты здесь, мой мальчик, потому что мне срочно нужна помощь. И на этот раз ты окажешься прав, если подумаешь о своём чудесном умении.

Шаман за моим плечом издал странный пискляво-хрипящий звук, но Нискирич предупреждающе поднял лапу, не позволив тому возразить. Вероятно, не впервые. А я вдруг представил, что в подвале казоку-шин сейчас сидит Ч'айя, по глупости покинувшая нору…

— Допросишь пару гостей, — продолжил Нискирич, когтем бережно срезая пепел с дымной палки в пальцах. — Хотя бы одного. Из «Прыгунов», если ты понимаешь. Они сейчас тоже здесь, парой-тройкой этажей ниже. Видишь ли, мой мальчик, мы разбили тарелку на крыльце их дома, так что отступать больше некуда.

Я с трудом сдержал невольную усмешку: казоку-хетто «Детей заполночи» только сейчас говорил об официальном объявлении войны, хотя фанга на улицах свистели уже не первый день…

Допрос? Ох, до чего же удачно…

Я со вздохом кивнул и потёр лицо ладонями, осознавая неизбежную своевременность пуэтты. Ункац-Аран тонко уловил мою измотанность и вновь растянул губы в злорадной улыбке. Вероятно, в случае отказа гадкий старикашка рассчитывал на ещё один шанс выслужиться, но я почти без промедления добавил, стирая ухмылку с его морщинистой морды:

— Конечно, отец, сделаю. Но затем сразу сбегу, сисадда?

— Вот мой мальчик! — радостно рыкнул Нискирич и вскинул лапы, словно хотел обнять прямо через здоровенную столешницу. — Я знал, что ты не откажешь своему неуёмному папашке!

Шаман снова поник, но сейчас — скажу откровенно, — мне было настолько наплевать, что я даже не насладился очередной маленькой победой над шарлатаном.

— Дай мне полчаса, — попросил я, распуская галстук-шнурок и пряча в карман. — И поточнее расскажи, что именно хочешь вызнать…

Сказать, что следующие тридцать минут пролетели одним мгновением — не сказать ничего. Натужное дыхание пленника, капающая с его подбородка слюна, сырость тюремной камеры и звон опустевших ингаляторов, которыми накачивали «Прыгуна» — всё слилось в пёструю безобразную картину, которую любой

предпочтёт забыть как можно скорее.

Мысли в моей голове перекатывались бусинами из детской погремушки кхам-кхат; известные обстоятельства требовали сделать всё качественно, но предельно быстро.

Как я и поступил, причём без лишнего пафоса и запугивающих ритуалов. Да что там?! Столь же «небрежно» я отработал и в «Кольце», а ведь поручение госпожи фер вис Фиитчи вполне могло открыть мне путь в мир пятизначных цифр…

В общем, я справился, причём чуть быстрее отведённого времени. Наверное, сказалась разминка, полученная в парке удовольствий. Как бы то ни было, Нискирич получил своё, уязвлённый Унканц-Аран предпочёл тихонько убраться в опочивальню, а я был готов наконец вернуться домой.

— Теперь можно свалить?

На этот раз в кабинете нас было двое, а я неловко вытряхивал из спрессованного пакета слежавшееся пальто. Казоку-хетто закрыл запись допроса, которую переслушивал третий или четвёртый раз, и многозначительно ухмыльнулся сквозь дым:

— Конечно, мой мальчик! Снова покатишь в «Колесо» предаваться шалостям?

— Ох, перестань… — Я небрежно отмахнулся, застегнул рюкзак и набросил пальто на дорогущий френч. — Это было по работе. И вообще, хватит за мной шпионить…

— Это не шпионство! — Когтистый палец Нискирича назидательно вознёсся к потолку. — Я приглядываю за тобой, малец, это совсем другое. Ты очень дорог мне, Ланс. И знаешь это.

О да, я знал. И состоявшийся разговор с вражеским казоку-йодда это только подтверждал. Но спорить (и тем более ссориться) желания не было ни на грамм.

— Это правда по работе… Если всё пройдёт удачно, совсем скоро отдам Амме долг.

Нискирич просветлел, хотя последние несколько минут и без того находился в приподнятом расположении духа. Мелко постучал костяшкой по столешнице, жадно покивал.

— Хорошие, очень хорошие новости, мой мальчик! Кстати, можешь не спешить. Неужели ты и правда считаешь, что я стану торопить тебя по таким мелочам?!

Я покосился на него через плечо, но не стал делать очередных комплиментов искусству отчима лгать. А тот вдруг спросил кое о чём ещё, ненавязчиво, словно вскользь, цепко перехватив меня на пороге.

— Кстати, а что там у тебя с криитами?

Мне оставалось лишь повернуться к Нискиричу, опустить рюкзак к ноге и молча склонить голову к плечу. Зубастому ловкачу было известно почти всё, происходящее в Бонжуре. *Почти.* И я не собирался подкидывать лишнего.

Поэтому ответил без давления, но с основательным намёком в голосе:

— Я когда-то зажимал от тебя или «Детей» важную информацию, отец?

— Разумеется, нет! — притворно охнул старший фер Скичира, отмахиваясь окурком.

— Тогда не бери в голову, — так же спокойно попросил я. — Не так давно твой малец помог важным хвостам из «Диктата» сделать кое-что полезное. Крииты приходили поблагодарить.

Нискирич кивнул, всецело соглашаясь с озвученной версией. Сощурился, сосредоточенно притушил остатки дымной палки в тяжёлой металлической пепельнице. И уточнил, снова будто бы невзначай:

— Труп на колёсиках переманивает моего мальчика?

— Ты серьёзно?!

Мой фырк прозвучал до безобразия правдоподобно, а чу-ха с единственным клановым жетоном на чёрно-жёлтом жилете едва заметно вздрогнул.

— Отчего нет?

— Да брось, отец!

Впрочем, в тот же момент озвученная мысль посетила и меня. Скрывая растерянность, я оправил пальто и натянул рюкзак на плечо. Подмигнул отчиму, стараясь не переиграть:

— Бьюсь об заклад, о таком бы ты уже знал и без моих ответов…

Тот вздохнул. Кивнул. Глянул без тени улыбки. Произнёс мягко, но со скрытым нажимом:

— Всё так, Ланс. Но прошу — будь осторожнее, парень. Что-то подсказывает, что сын связался с очень суровыми крысюками. И я не хочу, чтобы он об этом пожалел…

Что поделать — его названный сын *уже* об этом пожалел. Но об этом Нискиричу знать точно не полагалось.

— Я могу помочь, пока не стало слишком поздно? — ещё мягче спросил старший фер Скичира, раскосо глядя мне в лицо и одновременно в никуда.

— Нет, — ответил я, и понял, что вновь получилось максимально откровенно. — Благодарю, правда, но нет. Моей работе на казоку это не мешает, а личные дела я разгребу сам. Сисадда? Кстати, что передать Магде, когда эта дрянь в очередной раз возьмёт меня за яйца?

Брови Нискирича колыхнулись. Сошлись, почти соприкоснулись, словно хетто хотел то ли отругать меня за ловкую смену темы, то ли похвалить за перенятые от него умения. Наконец:

— Брось суке кость… Скажи, что «Дети» собрались прибрать несколько комплеблоков.

Я не заметил жеста чу-ха, но на «болтушку» тут же пересыпался список из пяти координатных номеров.

— Ещё скажи, что скоро мы захватим молл «Лазоревое облако». Про крематории можешь упомянуть, но без деталей. И вот ещё: это будет ей о-очень интересно! — Теперь я изучал адрес грибной фермы, хозяева которой не так давно рискнули начать заигрывать с ДНК, и перечень имён. — Там не всё так ужасно, как покажется нашей потаскушке, но пусть покажет себя перед старшими и заработает новенькую нашивку…

— Понял, сделаю…

Я спрятал поступившую информацию в закутках «болтушки», обречённо взвешивая, каковы шансы на то, что Песчаный Карп уже имеет к ней доступ.

— Я пошёл?

— Пошёл.

— Доброй ночи.

— Доброй. Пусть парни подкинут.

— Не нужно, возьму гендо. Пришли кого-нибудь утром забрать от «Куска».

— Береги хвост, мой мальчик.

Небрежно махнув Нискиричу, я покинул его кабинет.

До гаражей на этот раз добирался не через общий пищеблок, а мимо арсеналов. Казоку-йодда на раздаче оказался сонным, сговорчивым, меня неплохо знал, а потому в рюкзаке потяжелело от нескольких горстей разнокалиберных фанга, домашние запасы которых я не обновлял уже давно…

п.3.; г.4; ч.2

Ночные улицы Юдайна-Сити встретили неожиданной прохладой, зачатками пылевой бури и нескончаемым шумом гуляющих толп.

Потрясая транспарантами, ростовыми куклами на шестах, флагами и оглушительными трещотками, улицу Рассветной Росы пересекала бесконечная процессия, то ли религиозная, то ли пьяная. Впрочем, чаще всего чу-ха не допускали большой разницы, а массовые шествия устраивали по поводу и без…

Дождавшись, когда поток скачущих ряженых иссякнет, я в числе первых двухколёсных «пробочников» рванул через освобождённый перекрёсток; привычно крутил рулём, страховался пинками и не стеснялся отжимать клаксон при любом удобном случае.

Уже через минуту река гендоистов стихла, выровняла урчащее течение, и — даже несмотря на бесконечную суету и ежесекундную угрозу аварии, — я ощутил, что вовлеченность в единство сотни куда-то катящих соседей успокаивает, позволяя собраться с мыслями.

Действие пуэтты начинало сходить на нет. Но в очередной раз закидываться чем-то бодрящим становилось просто опасно, это я ощущал интуитивно, на уровне инстинкта.

Значит, требовалось как можно скорее добраться до норы, успокоить Ч'айю, отдохнуть, а затем быстренько разобраться в смерти сталелитейщика Нурсета. А ещё, что немаловажно, взвесить шансы всех без исключения родственников на его наследство, вопрос о котором я был обязан задать Аширне фер вис Фиитчи… вместо этого предпочтя благородно сорвать с неё яд…

Ещё предстояло нырнуть в Мицелиум. Даже с риском наткнуться на всеведущего Карпа. И тут, как ни извивайся, без поддержки мне было не обойтись.

Озарённый, я решил не терять времени даром, и опасным манёвром направил гендо к «берегу» проезжей части. Едва прорвался, осыпаемый проклятьями и пустопорожними угрозами, но встал-таки на обочине. Оттянул двухколесник «Детей» на тротуар, присадил на выдвижную опору.

Надвинув капюшон поглубже, поднял к лицу гаппи и отыскал в списках ячейку Зикро. Несмотря на поздний час, глабер ответил почти мгновенно, но долго молчал и всматривался в мой свето-струнный слепок. А затем вдруг выдал вместо традиционных приветственных фраз, отрывисто и с недоверием:

— Байши, бесхвостый… Это точно ты?

Признаюсь, туман в голове не дал мне сразу сообразить, о чём толкует Зикро. Когда же осознание пришло, я улыбнулся как можно приветливее:

— Куо-куо, обжора! Уже набил пузо ночной порцией лапши?

Он не оценил. Нос всё так же подрагивал, будто хотел учуять мой запах через разделяющую нас бесконечность Мицелиума; уши прижались к выбритой голове, на губах не промелькнуло ни тени улыбочного оскала.

— Это можно узнать, — отрывисто бросил он, и я заметил, что левое веко мицели-йодда мелко дёргается. — Я страсти к жратве не скрываю. Но привычки. Особенности. Есть такое, чего подделать нельзя. Так что докажи.

Вздохнув, я уже почти пожалел о начавшемся разговоре.

Выглядел Кирчик Акс-Иушиппи неважно. Да что там?! Я видывал наркоманов после недельного забега на грязном стрихе, выглядевших лучше, чем Зикро после нашей последней встречи. И всерьёз начинал беспокоиться, как бы над парнишкой не начал протекать подвал…

— Признаюсь, пунчи, ты ставишь меня в тупик, — я обезоруживающе улыбнулся, поглядывая по сторонам и убеждаясь, что ночным гулякам на тротуаре начхать на мою болтовню. — Подскажешь, как можно доказать, что это правда я? И если смогу, ты мне поверишь, сисадда?

— Да, да… — Он закивал с такой интенсивностью, что свето-струнный слепок на секунду засбоил. — Байши… Да, я всё равно не поверю. Кто ты? Что тебе нужно? Это ведь ты, верно?

Какое-то время мне пришлось сонно переваривать новые обстоятельства. И я ещё имел совесть считать, что больше всех в этом гнезде заслуживаю отдыха?

Взвесив риски, начал осторожно, в привычном ключе:

— Зикро, пунчи, мне снова нужна твоя помощь. Дело простое, но ты обязательно…

— Нет! — перебил он меня, снова закивав. Уши жили своей жизнью, веко монотонно трепетало, взгляд никак не желал фокусироваться. — Нет, нет, Ланс, или кто бы ты ни был. Я не помогу. Ничем. Ничего не знаю, зря ты так. Я и раньше не помогал. Всё, прости… байши…

И соединение с ячейкой мицели-йодда оборвалось, оставив после себя гаденькие послевкусия полнейшего недоумения и тревоги. Не то, чтобы мы с Зикро водили настоящую дружбу (этот термин вообще трудноприменим к чу-ха), но всё же… Байши! Только этого сейчас не хватало.

Развернув ежедневник «болтушки», я сделал торопливую

пометку заскочить к глаберу в одну из тайных нор Кирчика и разобраться с его душевным равновесием. Но позже, потому что сейчас над усталым терюнаши нависали куда более важные дела…

Побарабанив пальцами по рулю гендо, я задумчиво уставился на парящие над головой фаэтоны. Вокруг меня общались, ругались, мирились, торговались и шутили чу-ха, сотни сотен соседей по Бонжуру, таких родных и столь же незнакомых.

И что же мне теперь делать?

Словно списки ячеек в гаппи, я перебрал в голове всех способных помочь.

Мелькнула мысль связаться с Перстнями. Может ли Галло Ш'Икитари — отнюдь не последний хвост в «Жёлтых котелках», которые, в свою очередь, напрямую подвязаны под «Диктат Колберга», — знать про погибшего вистар? Что-то вынюхать о его слабых местах, привычках, тайных особенностях, о которых не ведала даже жена? Возможно, вполне возможно…

Наверное, Перстни и впрямь способен помочь. В конце концов, дело с обманщиком-слибу я ему почти распутал. Но стоило ли тащить «Котелка» на территорию собственной работы? Да ещё и просить об одолжении, за которое впоследствии придётся отвечать и расплачиваться?

Я хотел машинально покрутить кольцо Аммы, но сейчас не позволила перчатка.

Ветер усиливался, таская вдоль проспекта настоящие пылевые облака и понемногу разгоняя полуночную братию по заведениям и домам. На меня изредка косились, но в основном на блестящие штаны несколько чужеродного здесь фасона.

Хао! Из этих туч дождь и вправду не пойдет… Но если Зикро и Перстни отпадают в качестве помощников (как и Нискирич, разумеется), то кто остаётся? Сапфир?

Я невольно скуксился: при всём уважении и даже любви к девчонке, забота и добросердечность моей славной помощницы никак не выручат в деле убийства известного вистар. По той же причине было бы бесполезно обращаться с вопросами к босолапому Пятке или его дружкам-беспризорникам с Тринадцатой или Виривага-ню.

Несколько прохожих недоумённо оглянулись на мой нервный смешок — усталое сознание предложило выйти на Господина Киликили. Разумеется, в свето-струнной башке Князя-Из-Грязи наверняка хранятся сотни миллионов досье на обитателей Юдайна-Сити. Но на такой шаг я не пошёл бы и под дулом башера…

От мысли, что джинкина-там способен прямо сейчас

наблюдать за одинокой фигуркой, оседлавшей притихший гендо на пустеющем тротуаре… что способен перехватывать если не мысли, то любые мицелиумные переговоры жалкого человечка… в общем, меня в очередной раз охватил весьма неприятный озноб.

Впрочем — хвост я на это клал! Да, нужно быть осторожнее и изобретательнее, но когда дела обстояли иначе?!

Я обернулся на камеры, закреплённые на столбах, рекламных конструкциях и углах зданий. Убедился, что все они как одна надёжно перебиты камнями шпаны. Хмыкнул, скользнув взглядом дальше и выше — по фасадам и окнам, многие из которых украшали большие бумажные звёзды.

Нахмурился, без особого успеха припоминая, где недавно мог слышать про эту традицию. Оглядел соседний дом, и ещё один комплеблок чуть поодаль, приметив не только многочисленные бумажные фигуры на стёклах, но и несколько поминальных лампад на подоконниках.

В голове будто щёлкнуло…

Не успев убедить себя в потенциальной ошибочности решения, я снова обнажил запястье, листанул по «болтушке» и почти без труда выудил из «мицухи» нужный профиль.

Не совсем представляю, чего именно я ожидал. Может быть, даже прямого отказа в разговоре. Но мне всё же откликнулись, пусть и далеко не сразу. И, разумеется, без свето-струнного слепка.

Голос собеседницы оказался предсказуемо искажён, как и во время традиционных вещаний:

— Вот так сюрприз… это подлинная ячейка?

Вздохнув, я бросился в раззявленную пасть судьбы.

— Можешь поверить, Чапати. Не разбудил?

В бесконечном отдалении от меня Моноспектральная хмыкнула, будто услышала добротную шутку.

— Чего тебе нужно, Ланс Скичира?

В моё имя прокламаторша вложила всё фирменное презрение, которого не смогли скрыть даже качественные акустические фильтры.

— Я по делу. Имею просьбу. Необычную, скажу сразу. К тебе и твоему агентству.

Выпалив это, я вдруг ощутил, что задержал дыхание. Заушник наполнился приглушённым дыханием, также искажённым и ломким. Через почти минуту шершавой тишины она наконец уточнила, снова не пытаясь хоть чуточку прикрыть едкого отвращения:

— И чем же Чапати может помочь одному из поганых «Детей заполночи»? — И добавила, будто намеренно хотела вывести из

себя: — К тому же, мутанту…

Против воли я всё же улыбнулся, устало, не очень-то весело. Привычно осмотрелся, в очередной раз убедившись, что никто из окружающих не пытается нагреть уши на неожиданной беседе.

Интересно, Чапати действительно знает, кто я такой? Насколько хорошо? И отчего её разговорные, не для выпусков «Ломкой горечи», интонации, вдруг показались мне смутно знакомыми?

— Допустим, я смогу тебе кое-что рассказать, — ответил я с предельным равнодушием, но стараясь не переиграть. — Кое-что интересное и малоизвестное. Про «Шутов», например…

Она снова замолчала, причём снова надолго. А может, это и вовсе был самец, под угрозой разоблачения примеривший маску таинственной мицелистки? Тишина затягивалась. И когда я уже почти поверил, что сейчас меня отправят катиться к Бансури:

— Говори. А затем Чапати будет думать над твоей просьбой.

Моя улыбка стала шире. Прокламаторы одинаковые — брось им добротную кость, и они пойдут на переговоры с тем же самым Бансури…

— Я знаю твоё отношение к нашей казоку, Чапати. Но готов достоверно заявить, что отныне Нискирич фер Скичира гарантирует защиту района от «Кислотных шутов». Минувшим днём казоку-хетто объявил кочевникам настоящую войну.

Заушник фыркнул, буквально сочась презрением и разочарованием.

— Это в агентстве Чапати знают и так! — Я представил, как кривится подвижная мохнатая морда «самой неподкупной мицелистки Юдайна-Сити». — И данный факт ничуть не меняет нашего гадкого отношения к твоему хозяину…

Я проглотил оскорбление. Осторожно, чтобы не расслышала собеседница, вздохнул. Признал негромко, но уверенно:

— Да, знаете. Но есть кое-что ещё. Завтра, Чапати… точнее, уже сегодня утром на улицах района появятся несколько мёртвых тел. Это будут «Шуты», которых перекрасили в алое столь нелюбимые тобой «Дети» Нискирича. Тела появятся, как предупреждение. Ещё один выродок греет яму на нашей базе. Не прошу делать рекламу старшему фер Скичире, но жители Бонжура должны знать: если заметят неладное, идти нужно не к тетронам, а сразу в Нарост, сисадда? Тянет на уникальную новость?

Она снова хмыкнула, но чуть более заинтересованно.

— Скажу откровенно, мой сладенький, такая себе новость.

На заднем фоне зашипел комбайн для варки чинги, затем звякнула чашка, чу-ха прихлюпнула, и только после добавила:

— Но, предположим, глупая Моноспектральная заглотила наживку. Ещё Моноспектральной стало жутко любопытно, какую выгоду от защиты моих последователей поймает Косоглазый… Но не отвечай, Чапати обязательно раскопает правду и выяснит всё сама, сисадда? Можешь переходить к делу — чего же непутёвой игрушке Нискирича потребовалось от Чапати?

Броня невозмутимости едва не дала трещину, но я заставил себя проигнорировать и этот укол. На секунду задумался над «низким писком». Вспомнил последнюю попытку применить его через гаппи, и вовремя отмёл идею.

Чапати, конечно, не джи-там, но её ячейка наверняка защищена всеми доступными фильтрами. Особенно сейчас, когда пасынок ненавистного хетто вышел на связь без маски…

Я взвесил, чего ещё смогу подкинуть язвительной сучке, если та начнёт извиваться. Чего-то, не подставляющего казоку под удар. Подумал, не отказаться ли от просьбы вообще. Но всё же уточнил, аккуратно и вкрадчиво, как умел и без применения *таланта*:

— Могу быть уверен, что дальнейшее останется между нами?

Чапати снова хмыкнула. Отхлебнула ещё чинги, причём нарочито шумно и влажно.

— Допустим, терюнаши. Моноспектральная даже может поклясться прокламаторской честью. Да вот только часто ли ты сам держишь обещания, которые охотно раздаёшь?

У меня снова дёрнулась бровь.

— Ты о чём, подруга?

— Улица болтает, бесхвостый. И Чапати тебе не подруга.

— Улица много чего болтает… Так я могу быть уверен, что дальнейшее останется только между нами?

— Допустим, мой ненаглядный. Ты, наконец-то, заинтриговал.

— В «Горечи» знают, чем я зарабатываю на жизнь, — произнёс я. И торопливо добавил, не позволив ей ввернуть про многогранную сферу деятельности «Детей заполночи»: — Недавно у меня появился клиент. Точнее, его вдова. «Ломкая горечь» знает многое про многих. Слухи, сплетни, домыслы, связки несвязуемых нитей, обрывки шепотков и намёки на правду. А я хочу знать, мог ли столь уважаемый вистар покончить с собой, или к делу приложили лапу извне?

— Ланс хочет крошечку информации? Из наших профессиональных запасов, так сказать? — Чапати неестественно рассмеялась, отчего заушник зашёлся хрипом. — А чего бы Лансу не применить свои шаманские *штучки*, чтобы вызнать всё лично?

— Чапати… — Я вздохнул, уже не скрывая эмоций и даже не

пытаясь замаскировать усталость. — Ответь, пожалуйста. Ты поможешь? Или этот разговор изначально был ошибкой?

— Не заводись, бесхвостик, — чуть тише прохихикала Моноспектральная. Помолчала, будто набивая цену молчанием. — Что дашь взамен? Чапати может рассчитывать на эксклюзив, когда ты закроешь дело?

Я стянул влажные изнутри перчатки, потёр лицо ладонями. Обвёл мутным взглядом улицу Рассветной Росы, пестрящую ночными огнями, пару раз прокрутил на пальце кольцо.

В конце концов, это было ожидаемо ещё до того, как в «мицухе» нашёлся профиль Моноспектральной Чапати. И чем же Ланс Скичира рисковал при такой расторговке? Праведным гневом отчима, что снюхался с упёртой и враждебно настроенной прокламаторшей? Но ведь я сам много раз с пеной у рта доказывал Нискиричу, что моя работа не касается «Детей».

— Хао, — ответил я, покивав сам себе. — Эксклюзив будет твоим. Но без имён.

Теперь она улыбнулась, я слышал это даже через фильтры.

— Замётано, — не скрывая радости, Чапати щёлкнула зубами. — Сыпь своего клиента. Получишь всё, что «Горечь» сможет нарыть.

Я поднял гаппи к груди, прикоснулся к браслету и в последний момент едва не отказался от затеи… но всё же пересыпал Моноспектральной профиль Нурсета фер вис Фиитчи.

Добавил с нажимом, чуть резче, чем требовалось:

— Никакой огласки до окончания дела…

Но меня оборвали, причём не менее грубо:

— Не учи Чапати делать её работу, терюнаши… А теперь обожди.

Не совсем то, чего терюнаши ожидал… Скажу иначе — события приняли совершенно неожиданный поворот. И вот вместо того, чтобы на предельной скорости мчать в нору заботиться о болезненно хрупкой Ч’айе, я застрял на оживлённой ночной улице под ударами пыльного ветра.

Застыв в седле гендо, обессиленный и вымотанный, подпираемый лишь истончающимися парами пуэтты, я позволял порывам хлопать лацканами дорогущего френча под распахнутым пальто.

Запоздало вспомнил, что башер по-прежнему покоится в рюкзаке, но мысль отчего-то не принесла тревоги. Улица охотно и мирно впитывала меня, а я втягивал её каждой п **о** рой кожи.

В нескольких шагах впереди, привалившись к многогранной рекламной конструкции, спали две коровы. Спали покойно и крепко, давно привыкнув к вспышкам, мерцанию вывесок,

треньканью гендо, шумной брани и прочему визуально-акустическому мусору района. Ох, как сейчас я завидовал этим ленивым тварям, хоть рядом ложись!

Пауза дала мне возможность слезть с двухколесника и размять ноги.

Фляга с трофейной паймой в кармане напомнила о себе приятной увесистостью, но я мужественно отказался от глотка — не то время, не те обстоятельства. И уже был готов снова связаться с Чапати и уточнить, как долго она планирует интриговать, как мицелистка отозвалась через «болтушку».

Моноспектральная вернулась на линию так резко, что я едва не подскочил:

— Что ж, мой любознательный, пока Чапати смогла собрать не так много данных, но картина вырисовывается.

На этот раз в тоне самочки было куда меньше презрения и больше азарта, отлично знакомого мне самому — первый хвост «Горечи» определённо напала на след.

— Судя по досье, уже собранному нашим агентством об этой семейке и лично главном толстосуме, предварительный ответ на твой вопрос — нет. За Нурсетом не водилось ни фатальных болезней, ни крупных долгов, ни конфронтации с какой-либо казоку. Твой покойничек, терюнаши, был ушлым малым: любил выпить, заправить под хвостик молоденькой сучке и погонять на гоночном фаэтоне. А ещё, конечно же, любил денежки. Едва ли это может быть прямым доказательством, но что-то подсказывает Чапати, что Нурсет Фиитчи вряд ли избавился от упомянутых радостей собственной лапой…

Опершись на руль гендо, я невидящим взором провожал туши ветростатов, плывущих в ночном, но ярко подсвеченном огнями гнезда небе. Вот как? Значит, у меня тут нарисовался жизнелюбивый вистар-гуляка, какими они почти повально и являются? Пожалуй, я ждал чуть большего.

Едко прокомментировать слова Чапати не успел, та добавила:

— Но Моноспектральная заинтригована, Ланс. Мы станем искать ещё. Есть зацепки, мысли, фантазии?

— Зацепки? Бес его знает… — рассеяно ответил я, покручивая кольцо названной сестры. — Ищите любые данные по наследникам. По конкурентам. По старым распрям, в том числе производственным. Да, вот ещё: отдельно присмотрись к его семейству, супруге и сестре…

Мицелистка фыркнула, словно я ляпнул что-то глупое или крайне неуместное.

— Сразу видно, мой аппетитный, что ты никогда не вёл настоящего прокламаторского расследования. — И попрощалась,

хихикнув громко, но сейчас почти без злобы: — Чапати в деле, Ланс. И помни про эксклюзивный материал.

Против своей воли я улыбнулся и поднёс палец к «болтушке»:

— Клянусь, Моноспектральная, он у тебя будет.

Глава 5
ТЫ ТОЖЕ КРЫСА

Рассуждая здраво, после разговора с Чапати мне было нужно срочно возвращаться домой. К сожалению, вместо этого после разговора с Чапати я направился не совсем домой.

Точнее, совсем не домой.

Ещё точнее — чуть ли не в противоположную сторону…

Мысль о том, что я заручился (относительно малой ценой, кстати, а нападки Нискирича уж как-нибудь переживу…) поддержкой столь ловкого и пронырливого сыскного цеха, как «Ломкая горечь», подхлестнули меня эффективнее самой крепкой чинги. При этом вдруг скрутив живот в таком приступе голода, что чуть не помутнело в глазах.

Да, подчас именно голод — банальный голод, — заставляет нас совершать самые необдуманные поступки. Моим в данном случае стало решение заложить небольшой крюк, проехать через «Каначанкха» и запастись для нас с Ч'айей двумя огромными порциями вкуснейшей во всём Бонжуре лапши.

Выжимая из крохотного гендо последние силы, у Щупа я оказался буквально через десять минут. Шумного хвостатого народа на улицах становилось всё меньше, гуляки сворачивали накачку пенным или крепким, и постепенно расползались отсыпаться.

Впрочем, вокруг забегаловки темнокожего чу-ха роилось традиционно немало оголодавших; почти все — на втором, пешеходном ярусе поверх колёсно-транспортного перекрёстка.

Вообще, конечно, было странно, что кто-то в принципе разрешил Щупу обустроить лапшичную в полой колонне посреди пересечения 9-ой и Ричикино. Но получилось удобно: хочешь — подходи за заказом сверху, через крытые галереи, крест-накрест перекрывавшие небольшую площадь Кана; хочешь — подкатывай по проезжей части, где даже обустроена пара парковочных кармашков.

В одном из таких я и оставил гендо, даже не пристегнув к поручням (символ «Детей заполночи» на кожухе аккумулятора работал лучше противоугонной системы).

Подступил к изогнутой стойке, выходящей прямо на перекрёсток; взгромоздился на высокий барный стул, широкий и глубокий, рассчитанный явно не на человеческую жопку. Сейчас на нижнем ярусе «Каначанкха» я был почти один, и только на противоположной стороне кольцевой стойки допивали суп две

молоденькие гулёны.

В метре за моей спиной гудела дорога, проносились гендо и фаэтоны в колёсном режиме. Казалось бы, такое соседство вызывало тревогу и с гастрономическим уютом точно не ассоциировалось; однако по-своему давало иллюзию некой защищённости, не позволяя абы кому подступиться с тыла.

Я не совсем ожидал, что Щуп — первый повар и непосредственный хозяин лапшичной, — окажется на рабочем месте в столь поздний час, но тот неторопливо выплыл из-за варочного котла.

— Куо-куо, здоровяк, — я широко улыбнулся и показал ему скрещённые пальцы, — ты вообще спишь?

— Куо-куо, терю! — он оскалился в ответ, тяжело облокотился о стойку. — Судя по виду, пунчи Ланс, ты тоже бросил это бесполезное занятие!

Мне нравился Щуп. Синевато-угольной масти, он являлся одним из редких известных мне «двойных пасюков», чья кожа под шерстью тоже была тёмной, практически чёрной. Кстати, я ему вроде как тоже нравился. Может быть, потому что Щуп ко всему прочему тоже уродился бесхвостым манксом?

Красные, почти алые с оранжевыми прожилками глаза создавали почти демонический образ. Который, впрочем, сам Щуп едва ли поддерживал — вид зачастую имел разбитной и приятельский, а пят **о** к легкомысленных золотых колец в левом ухе и вовсе разрушали зловещую картину.

— Неужто всё так плохо? — я невесело ухмыльнулся и удобнее устроился в чашке стула.

— Ну…

Щуп сделал вид, что всерьёз задумался. Даже потёр подбородок крепкой ладонью в россыпи мелких ожогов от раскалённого масла:

— Скажу так: твоя новая одёжка выглядит немного лучше старой. А вот то, что торчит над воротником, весьма напоминает свинячью жопу. Да, точно. Жопу, которая пролежала на солнце. Дней пять, кха-кха!

И он рассмеялся, от удовольствия прихлопнув по стойке.

— Да, пунчи, я тоже рад тебя видеть, — покивал я и протянул кулак, об который он дружелюбно стукнулся своим огромным.

Самое любопытное крылось в том, что Щуп никогда не состоял в казоку. И ни одной не платил, причём весьма давно. Однако, так повелось, темнокожего не трогали. Он стал частью Бонжура, его плотью и духом, и вытрясти с него мзду считалось крамольным даже на уровне предположения.

Сам Щуп, в свою очередь, платил району тем же юном, раз за

разом кормя казоку-йодда любой масти очень простой, но очень вкусной едой, и никогда не сдирая за это втридорога.

— Ну так что, Ланс, ты по моей морде соскучился, или всё же пожрать?

— Пожрать, пунчи. Давай две своих самые вкусные порции в кисло-сладком. И побольше специй.

Он с пониманием кивнул.

— Варим как обычно?

Я изогнул бровь в демонстративном недопонимании. Уточнил:

— А Бонжур — лучшее место Юдайна-Сити?

Щуп снова рассмеялся, кивнул, а потом важно причмокнул.

— Я бы ответил тебе, терю, но только если бы мог сравнить.

Полированные когти повара зацокали по отверстиям стоечного клавиатона, отдавая распоряжения в глубину колонны, где пряталась пропахшая специями кухня.

У меня засосало под ложечкой. Можно было не сомневаться, что заказанная лапша будет просто запредельной, в консистенции *шикошико*, как и полагается — чуть недоваренной, сочной и упругой.

— Десять минут, пунчи. Бросай рюкзак, поешь без спешки.

— Я ненадолго. Дела. Прихвачу с собой.

— Ла-адно, — с внезапной обидой кивнул хозяин «Каначанкха». — Ладно, Ланс, это твоё право — использовать старика, как пищевой комбайн. — На его морде тут же появилась улыбка, широкая и плотоядная, а в пугающих красных глазах запрыгали смешливые искорки. — Рассказывай, что нового?

Я пожал плечами.

— Про «Шутов» уже слышал?

Повар разом помрачнел. Но я не дал ему прокомментировать или ответить.

— В общем, пусть улица знает — Нискирич не даст ублюдкам воли.

Темная бровь Щупа с интересом взметнулась:

— Твой отчим сам так сказал?

— Отвечу так, пунчи: если бы у выродков было крыльцо, вчера утром на нём бы разбили не одну тарелку.

— Кха-кха, рад слышать!

Лапы темнокожего нырнули под стойку, с проворством фокусника извлекая кувшин и пару пиал. Он отточенными движениями плеснул две порции паймы, себе без мяты, мне со щепотью. Клал траву бережно, сжав самыми кончиками когтей — как и прочие чу-ха, он не очень-то любил её чистый запах.

Мы отсалютовали друг другу, выпили.

В динамиках «Каначанкха» заиграла безликая песня «Восьмого цвета радуги». Щуп торопливо проглотил пайму, издал странный звук и торопливо сделал погромче. Самочки на другой стороне стойки радостно взвизгнули.

— Отличная, кстати, песня! — со знанием дела прокомментировал немолодой повар, доказав мне, что День Удивления и не думает заканчиваться.

— Пунчи! Как старая крыса вроде тебя вообще может слушать этих молокососных писклях?!

Тот хмыкнул, подался ко мне через стойку.

— Поосторожнее, терюнаши, — вкрадчиво сказал он и прищурился. Пальцы его сжались в кулак, и я в очередной раз задумался, что до приготовления пятнадцати видов лапши красноглазый явно мял тесто совсем иного рода, — в местах, откуда я вышел, это слово считается весьма обидным, сисадда?!

Но напугать не удалось, как не удавалось ни разу — Щуп тут же расхохотался:

— Ладно, пунчи, не бзди, ты ведь тоже крыса… — Меня окатили привычным оценивающим взглядом. — Хоть и очень странная.

Я устало улыбнулся в ответ, надеясь, что это всё же не так…

Мы выпили ещё по одной пиале, а затем повар мотнул лобастой башкой в сторону динамиков.

— Не знаю, чем ребятки меня зацепили… наверное, и правда старость подкралась. Но на концерт к ним я вырваться попробую. Слыхал, через несколько дней в «Абиман Арене», в честь победителей-штормболистов «Единения боли и радости»? Половина гнезда соберётся, остальные будут смотреть через «мицуху» на площадях. Ух, шумно будет… Я, конечно, хочу на стадион… если, кха-кха, такого как я вообще пустят в Чучсин…

Разумеется, я не удержался от саркастичного комментария:

— Не понимаю, Щуп, как богатенькие безголосые малявки вообще способны собрать самый крупный стадион Юдайна-Сити?

Щуп поджал губу и важно покивал.

— О-о, пунчи, ты недооцениваешь стаю из «8-Ра». — Он понизил голос, украдкой глянул по сторонам. — Знаешь, иногда мне кажется, что их власть над поклонниками куда сильнее власти Смиренных Прислужников…

Я потряс пиалой и скатил на язык последние капли мятной паймы. Искоса взглянул на повара, укоризненно покачал головой:

— Ах, какие опасные слова…

— О, молю, только не доноси на меня в «Лотос»!

И Щуп страдальчески свёл перед собой широкие ладони.

— Ну, пунчи, — мне удалось многозначительно

причмокнуть, — я ведь не настолько превратился в крысу, сисадда?

Он шумно расхохотался, я следом. Слушая смех темнокожего манкса — гулкий, зычный и искренний — я вдруг подумал, что в кутерьме последних недель мне явно не хватало такого дружеского общения…

Щуп тем временем утёр прослезившиеся глаза и сверился с дисплеем за стойкой.

— Ещё пару минут, пунчи, и готово.

— Терпеливо жду, — ответил я, изнывая от голода.

В этот момент на основную гаппи и поступил вызов.

На мгновение мне вдруг представилось, что это Ч'айя. Как-то разобралась в управлении центральной консолью норы, и теперь вызывает меня, волнуется, потеряла и ждёт… Но уже через секунду, едва взглянув на браслет, я убедился, что это совсем не девчонка.

Щуп вопросительно приподнял мохнатую бровь, а я жестом дал понять, что вынужден ответить, а сам разговор в равной степени важный и приватный. Он покивал и с пониманием отошёл вглубь кулинарных владений, окутанных паром из варочных чанов.

— Чего тебе нужно?! — процедил я, едва красноглазый чу-ха оказался вне зоны слышимости. — Как видишь, я не упился вусмерть, так что…

— Мне казалось, Ланс, ты сам этого хотел, — спокойно перебило меня существо, называвшее себя Данавом фер Ширн-Кегаретой. — Или я ошибся?

— Байши… давай ближе к делу, сисадда? Я смертельно устал и хочу…

— Я слышу тебя Ланс, — голос джинкина-там в заушнике был таким чётким, словно Карп сидел у меня на плече. — Времени не очень много, но… Не так давно я обещал кое-что рассказать. Кое-что важное. Время пришло.

Новость заставила меня подобраться на неудобном стуле и чуть не потерять равновесие. Свежий глоток паймы выветрился, будто я уже неделю не прикасался к бутылке. Свинцовость из плеч перетекла в ноги, сразу ставшие тяжеленными.

Окружающее теперь воспринималось, словно через толстое запотевшее стекло. Вот Щуп беззлобно ругается на поварят; а вот девчонки на дальнем конце стойки допили суп, оседлали украшенные блёстками гендо и покидают островок обжорства, вливаясь в чахлый ручеёк ночного движения.

— Ты расскажешь про мою стаю, — негромко произнёс я.

И это был не вопрос. С одной стороны, мне нестерпимо

хотелось услышать *«да»*. С другой стороны, Песчаный Карп вызывал меня предельно не вовремя. Да что там?! Разом чихнуть и воздух испортить — и то более удачное совпадение!

— Допустим, — спокойно ответил Ширн-Кегарета в моей голове. — Но должен предупредить, Ланс. Во-первых, как я и упоминал во время нашей первой встречи, *правда* может тебя расстроить. Во-вторых, это вообще будет непростая беседа…

Я осторожно сглотнул комок в горле, рассеянно покачал пустой пиалой. Да, благодарю, меня уже известили, что наступила Эпоха Непростых Бесед. Вероятно, джи-там каким-то образом всё же уловил степень моего замешательства.

— Ты не передумал, Ланс?

Пиала со стуком вернулась на стойку. Вздохнув, словно перед прыжком через пропасть, я сжал кулаки и спросил со всем равнодушием, какое только мог наскрести в себе этой бесконечной ночью:

— Где и когда?

Казоку-хетто «Уроборос-гуми» замолчал, будто просматривая ежедневник.

Тишина становилась тяжёлой, неприятной, а из глубин кухни на меня изучающе поглядывал Щуп. Дав ему понять, что разговор ещё не окончен, я терпеливо ждал. И только через минуту напряжённого вслушивания в тишину заушника вдруг сообразил, что контакт оборван.

Экран гаппи только подтвердил мои опасения.

И что это, байши, было?!

Я покривился и краем глаза заметил, как на крупном гостевом табло «Каначанкха» высветился номер моего заказа. Раздражённо прокрутил список личных контактов, почти готовый сыграть в навязанную Господином Киликили игру и самому связаться с его профилем «миц-блица».

За спиной взвизгнули шины грузового фургона, с трудом вписавшегося в поворотное кольцо перекрёстка. Щуп прихватил увесистый пакет с двумя порциями божественной лапши, подбросил туда подарочный пучок зелени, и направился к стойке, всего на долю секунды скрывшись за массивной печью.

Вот только когда темнокожий и смешливый владелец лапшичной на перекрёстке 9-ой и Ричикино вернулся к моему месту с заказом, передавать его было уже некому…

Потому что «почти чу-ха» — бесхвостый, бледнокожий, коротконосый и похожий на высушенный свинячий анус, — в этот момент лежал на полу фургона без окон, куда его прямо с высокого барного стула рывком затянули две пары сильных когтистых лап.

Захлопнув бортовую дверь, фаэтон рванул с уже знакомым визгом, а в мою скулу ткнулся холоднющий ствол башера…

Что лукавить? Грохнулся я знатно.

Если бы не рюкзак, то дух бы вон, ещё и затылком бы приложился, но повезло. Ощущая прикосновение железа к лицу, я примирительно раскрыл ладони, даже не пытаясь отбиваться. Быстро осмотрелся, насколько позволял полумрак салона.

Надо мной нависали двое чу-ха. Не самого субтильного сложения, со шрамированными мордами, оба тёмной масти, без опознавательных знаков какой-либо казоку. Третий управлял фургоном, время от времени поглядывая назад и подёргивая ушами. Где-то я в подобной поездке уже участвовал, причём совсем недавно…

Напрягая зрение, я заставил себя найти в одежде, имплантах или татуировках похитителей хоть что-то, указывающее на принадлежность. И почти сразу сдался, обречённо решив, что угодил в лапы к «Кислотным шутам»…

Впрочем, откуда у диких двинутых кочевников фаэтон?!

Да и я им понадобился бы едва ли…

О, добросердечная и всевидящая Когане Но, пусть это будет дурной сон уморённого усталостью и недосыпом терюнаши?! Но блеск воронёного ствола у моей щеки говорил, что это отнюдь не сновидение. Скорее — иллюзорная обманка сознания, когда тебе кажется, что абсолютно такие же события в твоей жизни уже происходили.

— Наверное, вы обознались, парни… — с дружелюбной улыбкой просипел я, осторожно отстраняясь от башера. — Давайте я достану из рюкзака клановый жилет, вы всё поймёте, извинитесь, и мы разойдёмся своими дорогами, сисадда?

Ответом мне было угрюмое молчание, заставившее остро пожалеть, что кроме жилета в рюкзаке остался и «Молот».

Один из похитителей сдвинулся в сторонку, не опуская оружия; второй нагнулся, прихватил меня за воротник и дёрнул, усаживая к борту. К счастью, ни обыскивать, ни срывать «болтушки» с рук хвостатые не спешили, вновь освежив в памяти незабываемый вечер на старом складе недалеко от Черноводного канала…

Безоружный продолжал нависать, небрежно придерживаясь за поручень. Вооружённый уселся напротив, не отпуская с прицела. Если его и подмывало прокомментировать мой наряд, он оказался весьма сдержан.

Ещё раз осмотревшись, я сделал вывод, что с такого расстояния из башера не промажет даже самый косоглазый чу-ха. Тогда я трижды оттаскал себя на самых огромных бычьих *ях… и

тут же простил: кто, ради всего святого, вообще мог знать, что для визита в «Пламенное колесо» мне понадобится верная безрукавная бронекуртка?

— Парни, давайте-ка ещё раз, — облизав пересохшие губы, предложил я, и даже улыбнулся нависавшему. — Не очень понимаю, с какой целью присоединился к вашей славной…

И тут заметил, что стоявший держит лапу поперёк груди, а рукав короткой куртки на ней закатан так, чтобы обнажать гаппи. Ровно так, как если бы ублюдок решился заснять происходящее на камеру «болтушки».

Наверное, *полное* понимание пришло именно в этот миг — я оборвал фразу и покорно умолк. Несмотря на то, что на лодыжках моих новых друзей не виднелось ни специальных приспособлений, ни вживлённых в плоть зажимов, никем кроме «Вёртких прыгунов» трио красноречивых типов оказаться не могло.

Сейчас, после наисвежайшего рассказа Нискирича об объявлении войны, вероятность этого предположения была значительно выше, чем во время моей недавней поездки в багажнике Пыльного.

Я выдохнул через зубы, пытаясь не запаниковать.

Что похищение означало в перспективе? Выдвижение требований «Детям заполночи», безусловный отказ Нискирича фер Скичиры идти навстречу этим требованиям, отрезанная голова пасынка в красивой подарочной коробке и оставшаяся в чудовищном одиночестве Ч'айя…

Я поднял голову:

— А может, это шутка? — Вероятно, мой нарочито легкомысленный тон удивил мордоворотов, заставив переглянуться. — Розыгрыш, да? Если так, то он удался, сисадда? Давайте закругляться, передавайте привет заказчику, — я с пониманием кивнул на активированную «болтушку», — и высадите меня в любом месте. Хоть вот сейчас. Ну, или сейчас. Да хоть бы и здесь, я доберусь…

Чу-ха с башером в пальцах с влажным причмокиванием разлепил пасть. Молниеносно облизал серые резцы, повёл угловатой башкой. Ствол опасно качнулся.

— Пожалуйста, терюнаши, помолчи, — попросил он довольно писклявым голосом, едва не заставив меня истерично всхлипнуть. — Мы просто стараемся быть вежливыми. И не причинить лишнего вреда Сыну Бонжура, сисадда?

Я чуть не рассмеялся, чисто и искренне, как несколько минут назад смеялся над подначками темнокожего Щупа. Да уж, это явно не Безухий (будь милосердна с его гнилой душонкой Когане

Но!) со своим монотонным *«захлопни пасть!»*…

И вдруг в мозгу сверкнуло молнией очередного озарения.

— Вас послал Песчаный Карп?! О, я хотел сказать, уважаемый господин фер Шири-Кегарета, конечно же! Это он наблюдает за нами сейчас? Будьте любезны передать, что я действительно готов к разговору. Ему не стоило прибегать к подобным методам, даже если господин хотел продемонстрировать всю «тяжесть» предстоящей беседы… Уверен, что могу привести многоуважаемому фер Шири-Кегарете знакомый и весомый аргумент, способный заставить эту чудесную колымагу незамедлительно остановиться и открыть двери, сисадда?

И я уставился в объектив чужого гаппи, как бы невзначай повертев на запястье свою бесценную «болтушку». Вместо ответа чу-ха с башером лишь тяжело вздохнул и поморщился, будто кручинясь над моей непроходимостью.

— Пожалуйста, *замолчи*, — почти взмолился он, но сделал угрожающий нажим на последнем слове. — Не нужно версий, предположений, хохотушек, подколок и угроз, хао? Ответишь на единственный вопрос, а потом катись на все четыре стороны. Но сейчас — придержи язык.

Я подвигал затёкшей шеей, уселся удобнее и одновременно чуть отодвинулся от нависающего немногословного крепыша.

— А кто сказал, что я вообще стану отвечать?

Писклявый пожал плечами и свободной лапой подтянул хвост, чтобы тот ненароком не касался моей ноги.

— Да мне, в общем-то, насрать. Нас попросили кое-что узнать, терю, сисадда? Мягко узнать, по возможности. Но если *придётся*, мы своё дело знаем…

И он замолчал, причём до того многозначительно, что стало тошно.

Чудесно! Просто чудесно! Почти семь лет прожил я в Бонжуре, каждый день таская свою хрупкую тушку по его опасным улицам и не менее опасным переулкам, и оставался цел (чаще всего). А что сейчас? Второе похищение за неделю!

Ладно, хоть душить не стали, и на этом поклон до хвоста… а ещё разница состояла в том, что сейчас за мной не следил горемычный Прогиб, способный в самый ответственный момент самоотверженно прийти на подмогу…

Прочистив горло, я привстал и расправил под задницей смятое пальто, мимоходом убедившись, что нож и кастет остались на привычных местах. Фаэтон мягко катил по улицам Юдайна-Сити, даже не пытаясь подняться в силовой полётный коридор. Я попробовал считать повороты, за которыми почти следил с момента похищения, но убедился, что момент

безнадёжно упущен.

— Кто бы вас ни послал, — сказал, на этот раз глядя в сторону лобового стекла и пытаясь хотя бы примерно угадать местоположение транспорта, — всё происходит неправильно, сисадда? В последний раз предлагаю, парни, давайте начнём зано…

— В последний раз предлагаю — замолчи, терюнаши.

На этот раз в писклявом голосе вооружённого чу-ха не было и намёка на добросердечие. Он сунул левую лапу в карман широких штанов и вынул блестящий чёрный шарик с выдвижными шипами:

— Смотри, пунчи, это кляп из уютного дома. Хочешь, чтобы я воспользовался?

Вместо ответа я замолчал и вежливо улыбнулся. Почти сразу ощутив, что с «низким писком» сейчас едва ли что-то выйдет, даже если начать сию секунду готовить свой спасительный дар…

Фаэтон начал подниматься, но не в воздух, а по наклонной поверхности; висевшего на поручне Молчаливого качнуло, едва не опрокинув на меня. Чу-ха сдавленно ругнулся, быстро восстановил равновесие, а шанс для молниеносного удара кастетом в мохнатое ухо тут же испарился…

Мысли путались от усталости, и их связности не помогал даже кипящий в крови адреналин. С одной стороны, пустынный зверёк в моей голове советовал драться и бежать. С другой — молил не делать глупостей и выжидать. В конце концов, возжелай неизвестная троица грохнуть Ланса Скичиру, известного на всю округу Сына Бонжура, сделала бы это ещё у лапшичной, не так ли?

Теперь фургон двигался по спирали, это ощущение было сложно с чем-либо перепутать. Значит, водитель добрался до въезда в многоэтажную стоянку? Или, быть может, до эстакады крупного здания… скажем, «Слюдяного небесного моста»?

Я выбросил из головы опасно-упаднические мысли — для района Уроборос в салон по пути проникало слишком мало шума и знакомого света от уличной иллюминации.

Подъём прекратился, под колёсами захрустело.

Передвижная тюрьма прокатила ещё с десяток метров и остановилась. Писклявый остался сидеть напротив, не опуская башера, его напарник распахнул сдвижную дверь и жестом поманил наружу.

Сунув руку в карман пальто и плотно вбив пальцы в ячейки кастета, я послушно выбрался, чуть не поскользнувшись на острых бетонных обломках. Огляделся, не спеша отходить от фургона, но в спину ткнули стволом.

Мы действительно находились на плоской крыше парковочного стакана, пустого и очень старого, почти разрушенного временем и вандалами. Справа у прорехи ограждения виднелись остатки разобранной силовой линии для летательных аппаратов, за спиной темнел зев эстакады для подъёма колёсных.

Слой мусора, осколки, куски бетона, поваленные фонарные столбы и несколько сгоревших фаэтонных остовов завершали оптимистичную картину. По меркам Бонжура здесь было очень темно.

За пределами стоянки из мрака проступали глухие задники жилых комплеблоков и нависали безликие коробки складов. Я не узнал места, но на первый взгляд разговорчивая троица притащила меня на окраину Ишель-Фава, и если это так, то слева на западе сейчас мерцала огоньками уличных костров геджеконду Благолепие.

В пасмурном сознании мелькнула неуместная ирония — кому, скажите на милость, вообще пришло в голову давать столь изысканные названия вонючим перенаселённым кварталам откровенной бедноты?..

Хлопнув дверью, к нашей скромной компании присоединился водитель, меня рассматривая хмуро и определённо без симпатии.

Я постарался встать так, чтобы позади не оказалось ни одного чу-ха, но Писклявый с башером толково сместился на фланг. Расставив ноги и второй рукой нащупывая выкидной нож, я с вызовом уставился на активную «болтушку» Молчаливого:

— Ну, вроде приехали? Что нужно?

Ответил, к моему удивлению, сам Молчаливый.

— Один вопрос, — произнёс он. Приподнял свободную лапу, будто призывал выждать, и продолжил после короткой паузы. — В твоих интересах быть честным. Ответишь — пойдёшь своей дор **о** гой.

— *уй с вами, спрашивайте!

Я хотел небрежно и дерзко сплюнуть под ноги, но во рту предательски пересохло, и я только измазал щетину на подбородке.

— Что именно, Ланс, тебе известно про один важный фазокубитный юнму? — будто повторяя заученное, протараторил Молчаливый, больше поглядывая на гаппи, чем на меня.

У меня ёкнуло сердце.

Невольно отпустив рукоятку ножа и утирая слюну рукавом пальто, я внимательно оглядел похитителей, не заметив ни капли злобной напряжённости. Не считая наведённого на меня башера, конечно, но это в Юдайна-Сити едва ли может считаться

проявлением агрессии.

Молчаливый терпеливо ждал ответа. А я суматошно вспоминал, что во всём огромном гнезде это хитрое словосочетание произносил только при одном единственном чуха… Взглянул на Писклявого, на водителя, ещё раз прикинул расстояние до эстакады.

— Парни, — на этот раз мой голос прозвучал сипло, словно я не пил со вчерашнего утра, — при всей завязавшейся дружбе и взаимопонимании, но я не могу ответить на этот вопрос.

Выходит, нелепое представление с похищением и приятельской беседой на крыше старого парковочного комплекса затеяли «Жёлтые котелки»? Тогда почему схватившие меня казоку-йодда не носят традиционных головных уборов? Не хотят подставиться и всерьёз схватиться с «Детьми заполночи»? Так ведь я всё равно расскажу Нискиричу. Если пожелаю, разумеется. И если останусь цел, что тоже немаловажно.

Или всё же Песчаный Карп таким образом решился проверить меня на вшивость?

Писклявый протяжно вздохнул.

— Ланс, нам очень нужен этот ответ, — после секундной паузы произнёс Молчаливый, и теперь я окончательно убедился, что он озвучивает услышанные в заушнике реплики. — Пожалуйста, будь честен и ничего не утаивай. Не заставляй парней прибегать к неприятным способам извлечения информации…

Словно в доказательство его слов водитель фургона вынул узкий длинный нож, прислонился к борту фаэтона и принялся чистить когти. Писклявый сделал шажок, рассматривая меня оценивающе, будто решая, куда пустить первую фанга.

Я машинально подался назад. Спросил, примеряясь к рывку, но всё же не торопясь бросаться в атаку:

— Вы же понимаете, что с этого момента безобидный допрос может перерасти в настоящую вражду кланов?

Да, признаюсь, фатальная вера в здравомыслие неприятеля довела до погребальной печи не одну славную крысу Юдайна-Сити. Но что я мог поделать с собой в этом размазанном состоянии?

Водила отлепился от фаэтона. Двинулся ко мне, покачивая клинком. Писклявый пожал широкими плечами: дескать, не обессудь. А Молчаливый вдруг опустил голову, будто рассмотрел что-то интересное среди бетонного крошева.

— Господин?.. — Он повысил голос и даже постучал кончиком когтя по заушнику. — Меня слышно? — Мордоворот полистал настройки гаппи, определённо забарахлившего. — Вэй-

вэй, слышно?! Байши, да он отключился!

Последняя фраза со всей очевидностью была адресована напарникам, тут же застывшим на местах. Я шкурой ощутил опасную неуверенность, охватившую всех троих.

Затем Писклявый вздрогнул, подёргал носом и пригладил левое ухо.

— Но задачу же не отменил? — всё тем же смешным голосом озвучил он совершенно не смешную мысль, и снова уставился мне в глаза. — Давай-ка, терюнаши, ты ответишь на вопрос, мы запишем всё до последнего словечка, а затем расстанемся, сисадда?

Я не успел ответить. Нет, не на вопрос невидимого манипулятора, тут я ещё планировал пободаться. Я не успел среагировать даже на прямую угрозу Писклявого. Ни шуткой, ни словесной контратакой, ни даже мольбой, тоже способной выиграть мне немного времени…

Потому что левое ухо чу-ха с башером вдруг брызнуло фонтаном кроваво-розовой кашицы, и тот совсем не грациозно грохнулся на бок. На бесконечную долю мгновения крыша заброшенной стоянки погрузилась в неподвижность, будто приморожeнный свето-струнный слепок.

Отвисала челюсть водителя, ошарашенного внезапной гибелью товарища; отрывал недоумевающий взгляд от «болтушки» его немногословный сосед; пытался ошалело осознать случившееся я сам.

Ещё через секунду в горле Молчаливого чавкнуло, раскрываясь входным отверстием влетевшей фанга, и того отшвырнуло на пару шагов.

Последний казоку-йодда сообразил чуть быстрее меня, всё ещё стоявшего в полный рост — рванулся к фургону, вереща на ходу и подпрыгивая… Третья фанга прошла так близко от моего лица, что я услышал её посвист и практически ощутил ударную волну.

В затылок водителя фургона стукнуло с характерным треском, он почти крутанулся через голову и распластался на бетоне.

Тогда с места сорвался и я сам.

Прыгнул, как если бы от этого зависела моя жизнь. Впрочем, так оно и было, а потому одним неказистым нырком я влетел в открытую бортовую дверь фаэтона, второй раз за ночь болезненно прикладываясь о ребристый металлический пол. Перевернулся, стягивая рюкзак и ногой задвигая створку, нашарил «Молот», выхватил и прижался к стенке.

Сердце колотилось так, словно просилось немедленно выйти

из фаэтона прогуляться без моего согласия. Ладонь под перчаткой вспотела, лил пот и по спине.

Если верить глазам, в похитителей стреляли из дальнобойного ассолтера, пробивного и точного. Примерный анализ траектории указывал, что стрелок расположился в комплеблоке (на крыше или верхних этажах) за моим левым плечом. И явно — учитывая меткость поражения целей, — не собирался трогать моё безволосое тельце…

Меткость, да… Она, прямо скажем, впечатляла. Конечно, на сотню обученных стрельбе чу-ха рано или поздно находился уникум, способный удивить даже меня. Но такая статистика лежала почти в мифологической зоне. Три цели из трёх с дистанции в сотню шагов? Наповал?

Признаюсь честно, я был напуган и обескуражен…

За пределами фаэтона царила тишина. Пригнувшись между высокими передними сиденьями, я попытался хоть что-то высмотреть на дисплеях заднего и бокового видов. Но тёмные глыбы комплеблоков и складов ничуть не отличались от увиденного десятью минутами раньше.

Чуть успокоившись, натянул под пальто кобуру, спрятал башер, и осторожно (очень осторожно) приоткрыл боковую дверь. Совсем чуть-чуть, при этом благоразумно держась подальше.

Ничего не произошло.

Подавшись вперёд, я изучил неприглядную картину.

Что ж, сомнений не оставалось — все трое похитителей и несостоявшихся пытателей были безнадёжно мертвы. Раскинувший лапы водитель лежал на животе у правого переднего колеса, Писклявый — почти за кормой, а Молчаливый в нескольких метрах от фургона.

Я взвесил шансы.

Прикинул, какова вероятность, что сам стану следующей целью стрелка. Убедился, что она совсем не велика. Но всё равно отбросил мысли добраться до лапы Молчаливого, сорвать с неё гаппи и выяснить, для кого же покойничек вёл мицелиумную трансляцию… В конце концов, можно было спорить, что ячейка зашифрована.

Тогда я мягко прикрыл бортовую створку, с кряхтением пролез между сиденьями, открыл правую переднюю дверь и (подышав часто и мелко, чтобы справиться с возможной паникой) дотянулся до карманов водителя, почти сразу (хвала Когане Но!) нащупав карту запуска.

Визг четвёртой фанга не рассёк тишину предрассветной ночи. Лишь слышались пьяные крики из соседнего двора, да гудели фаэтоны на ближайшей улице. Заблокировав замки, я снова

перевёл дух и перебрался на водительское сиденье.

Возможно, утром мне стоит переговорить с Нискиричем.

Возможно, даже отправить на место расстрела нюхачей казоку, способных не только выяснить принадлежность почиканной троицы, но и вызнать что-то о стрелк **е**. Но всё это я собирался сделать не раньше позднего утра, когда, наконец, под моей щекой хотя бы несколько часов пролежит не грязный рифлёный пол чужого фургона, а любимая подушка…

Глава 6
КАПКАН СЖИМАЕТСЯ

Угловатая глыба «Куска угля» показалось самым желанным оазисом во всём Тиаме. Она надвинулась на меня, стоило завернуть за угол — мрачная, угрюмая, облезлая под дождями и усыпанная балконами «индивидуальных модернизаций», но при этом такая родная и спокойная. Настоящий уголок мнимой безопасности среди стремительных водоворотов ночного гнезда.

Ветер стал сильнее, настойчивее, наметая по улицам настоящие барханы. Коровы и собаки прятались по мере сил, из парковочных ячеек выползала уборочная техника. Проспекты почти опустели, как обычно бывает в последние перед рассветом часы.

На задворках моего сознания, спровоцированная чехардой напряжённых (мягко скажем) событий, снова играла странная музыка. Неровная, протяжная и щемящая, которой я никогда не слышал от чу-ха, но отлично подходящая к моменту…

Последние пару кварталов до «Комплеблока-4/49» я прошёл пешком, крадучись и беспрестанно озираясь. Угнанный фургон перебитых казоку-йодда пришлось бросить, чтобы у утренних дозоров «Детей заполночи» не возникло лишних вопросов.

В голове, похожие на стаю пойманных птах, бились безответные вопросы: кто, байши, это был?! Неужели действительно посланники Ширi-Кегареты?

Но за каким бесом Песчаный Карп выбрал такой непростой путь, чтобы поведать жалкому человеку свои сокровенные секреты? И кто в итоге поскручивал хвосты Писклявому и его приятелям? Да ещё столь метко, с огромного для крыс расстояния и с использованием как минимум штурмового ассолтера?

Держа правую руку за пазухой на рукояти «Молота», я настороженно пересёк пустынную 13-ую улицу, ежесекундно ожидая то ли визга шин летящего наперерез фаэтона, то ли щелчка ассолтерного затвора. Знакомые переулки казались враждебными и напичканными ловушками.

Согласен, в предрассветную пору гулять по сонному Бонжуру — не самая трезвая идейка, особенно на фоне просочившейся в район заразы в виде шастающих повсюду «Кислотных шутов»… но какой у меня был выбор?

В «Кусок» я просочился через смежный подъезд, избегая даже неработающих камер. Внутренними проходами перебрался в свой, на нужный этаж поднимался пешком. Всё прислушивался, нет ли

хвостов, но кроме компашки обдолбанной шпаны и спешащих на раннюю работу заспанных трудяг не заметил никого.

Подступил к двери, прислушался.

Разобрать происходящее в норе мешал стук сердца, гулко отдающийся меж ушами. Тишина? Тишина… А вдруг Ч'айя сбежала? Вдруг решила, что моё соседство ничуть не безопаснее лежащего за порогом мира (что, впрочем, было недалеко от истины), и совершила необдуманный поступок?

Нет-нет, это не может быть…

Я постучал в створку условным сигналом. Выждал, снова прижимая щёку к холодному армированному пластикату. Вроде бы различил внутри какие-то звуки, но с таким же успехом они могли оказаться плодом воображения. Постучал ещё раз, размеренно и неспешно, старательно повторяя последовательность длинных и коротких.

Замки щёлкнули, сердце подскочило.

Дверь приоткрылась на толщину пальца, в щели мелькнуло лицо Ч'айи. Сдерживая вздох облегчения, я скользнул внутрь, снова накинул засовы, прислонился спиной к косяку и только тогда устало выпустил воздух из лёгких.

Девчонка отступила в комнату и опустила к бедру молоток, раскопанный в моих инструментах.

— Хороший выбор, — прокомментировал я, кивая на оружие и пытаясь припомнить, кто из знакомых предпочитает такое в уличных драках, — но в этом нет необходимости…

— У тебя всё нормально? — не спеша откладывать молоток, спросила Ч'айя. Спросила искренне, с настоящей заботой и неприкрытой тревогой. — На тебе же лица нет…

Я улыбнулся. Байши, до чего же это было приятно!

— Всё нормально… — Подтвердил негромко и недостаточно правдоподобно, но на большее сейчас был готов едва ли. — Просто устал. И многое случилось.

— Нужно присесть.

— Даже не буду спорить. Но не здесь. И не сейчас.

На лбу девушки снова проступил глубокий полумесяц морщинки. Скулы отвердели, глаза сощурились.

— Ты это о чём?

— Завяжи пояс потуже, — распорядился я.

Пояснять не было времени, и оставалось лишь надеяться, что Ч'айю не оттолкнёт безаппеляционность приказов:

— Подоткни полы за спиной, чтобы не мешали идти… или даже бежать, если понадобится. Возьми мою противопыльку. Только крепления подтяни… Вот ещё, кстати, наденешь и это…

Я с натугой стянул ботинки, размотал влажные портянки.

— Ещё прихвати одеяло. Накинешь на плечи и голову вот так, сисадда?

Она уступила дорогу, когда я прошлёпал в комнату и скинул рюкзак. Глянула на заложенные засовы, неуверенно отложила грозный инструмент. Лицо девушки побелело, но глаза горели.

— Ты меня пугаешь, Ланс…

— Пока для страха причин нет, — я с показной легкомысленностью взмахнул рукой. — Но нужно уходить. Не переживай, это совсем недалеко. Прямо тут, в подвале. Но там безопасно… безопаснее, чем здесь, а это сейчас главное… Обожди, я кое-что соберу.

Покачиваясь от усталости, я заметался по норе, сонно прихватывая всё, что могло понадобиться на новом месте. Скидывал в огромную брезентовую сумку, совал в рюкзак, не забывал и про карманы.

— Ты объяснишь? — тихо спросила она, продолжая радовать видимым отсутствием паники.

— Конечно. Клянусь. Но чуть позже.

Вскрыв сейф, я вынул ассолтер и машинально проверил смазку камеры давления. Задумчиво покрутив, всё же уложил в сумку. В резервном арсенале лежал похожий, но в случае настоящей беды лишний ствол лишним не будет. Добавил сменных кассет, нагрудный подвес. Сверху набросал еды и пакетов с концентратом чинги, в который раз жалея, что заказ Щупа так и остался в «Каначанкха»…

Прошёлся по комнате, заглянул за ширму; опёрся на капсулу, в которой прибыла Ч'айя, побарабанил пальцами по тёмному покатому борту.

В норе определённо изменился запах. Да, стало… иначе. Теперь тут ощущалось присутствие постороннего. Но не чу-ха, а другого человека. Причём женщины, и от этого сводило мышцы живота.

Не позволяя мыслям свернуть на скользкую дорожку, я проверил камуфляж Ч'айи. Помог отрегулировать противопыльную маску на лице и подоткнуть полы халата, чуть надёжнее застегнул ботинки и набросил на плечи пухлое одеяло.

Вернулся к входной двери, долго высматривал в глазок.

— Иди строго за мной, — приказал негромко, не отрываясь от изучения коридора. — Молчи, что бы ни случилось, это очень важно! Если придётся говорить, я сделаю всё сам, это понятно?

Она кивнула, зашуршав одеялом. Молодец, девчонка.

— Тогда вперёд.

Мы покинули жилище, я заблокировал дверь. Подхватив тяжёлую сумку на левое плечо, потащил Ч'айю к лифтам.

Раздражённо дождался прибытия кабины (к счастью, пустой), запихал девушку в угол; кончиком выкидного ножа ткнул в подвальную ячейку лифтового клавиатона, и мы покатили вниз.

На нужном этаже в кабину вкатилась волна сырости и гниловатой вони. Ледяной пол промораживал мои пятки до самых яиц.

Сквозь край одеяла придержав Ч'айю на месте, я выглянул и убедился, что снаружи тоже никого. Потянул за собой, лабиринтами подвальных коридоров достигнув заветной каморки, и по-настоящему успокоился, только когда мы оба оказались внутри, а усиленная изнутри дверца — надёжно заперта.

Выдохнув, я вслепую хлопнул по выключателю, наполняя резервное убежище тусклым светом. Сбросил сумку, сбросил рюкзак. Ч'айя замерла посреди единственной комнатки, глядя в стену через затемнённые стёкла вытянутого респиратора и не торопясь избавляться от кокона на голове и плечах.

— Мне н-нужно п-прилечь, — с лёгким заиканием пробубнила она.

Скованно, едва ли не оцепенело размотала накидку, стянула маску, сбросила на диван.

Наверное, не дави на меня моральная выпотрошенность, я бы смог заметить изменения в её голосе. И странное выражение лица, больше похожее на судорожную гримасу. И ещё более отчётливо проступившую на лбу морщинку-завитушку… Но я вынимал из сумки оружие, еду и постельное бельё, почти не оборачиваясь к девчонке, а потому…

Когда закончил раскладывать припасы в старенькую тумбу, со стоном избавился от пальто, кобуры, модного френча и, наконец, обернулся, она стояла передо мной в неподвязанном халате. Подобравшаяся, стройная и босая, словно перед прыжком в воду с большой высоты.

Глаза Ч'айи не совсем естественно блестели, а блуждавшую на губах улыбку я видел впервые.

— Ты чего? — ответно улыбнулся я, вдруг ощутив себя совсем не в своей тарелке.

Она кивнула, причём так необычно, что сделала и без того неловкую ситуацию ещё более неловкой.

— Не стану спрашивать, что я тут делаю, — тихо сказала девушка, подступив на полшага и оказавшись практически вплотную.

— Ла-а-адно, — с пониманием кивнул я, категорически отказываясь что-либо на самом деле понимать. — Но почему ты… почему ты *так* на меня смотришь?

Она запрокинула голову, глядя мне в глаза. В её — тёмно-карих, с желтоватыми прожилками, — сейчас сверкали молнии. Ответила шёпотом, едва различимо, но будь я проклят, если без жара:

— Смотрю на того, кто защищает меня в этом непростом мире.

— И что же ты видишь? — выдавили мои пересохшие губы.

— Человека, до сих пор не получившего положенную награду, — выдохнула она мне в лицо.

И, не дав опомниться, оказалась совсем рядом, впритирку, не отделённая ни скромным расстоянием, ни предрассудками, ни стыдом. Её припухлые губы нашли мои, колкие и обкусанные, и ничего слаще я не пробовал за всю свою короткую жизнь в Тиаме.

Ч'айя обвилась вокруг меня. Её обманчиво тонкие, но неожиданно сильные руки жадно зашарили по всему телу, вцепляясь, прихватывая, поглаживая и лаская. Несмотря на лютую усталость, я ощутил, как член наливается чугуном.

Первым делом она помогла мне стянуть рубаху и новомодные штаны, пошитые утончёнными портными фер вис Фиитчи. Затем уже я помог ей разодрать в нужных местах прозрачный облегающий комбинезон, уже не такой прочный и эластичный, как в момент *пробуждения*. Так — слившись и вцепившись, — мы и повалились прямо в груду одеял поверх небольшого дивана.

Температура в крохотной подвальной каморке подскочила градусов на сто.

Ч'айя оказалась неумолимой, как песчаная буря, и столь же изнуряющей.

Не стану хвастать, первый раз я отстрелялся почти сразу, едва побывав в её крепких ладошках. Девушка при этом сотряслась всем телом, словно кончила одновременно со мной, и ещё долго дрожала, не выпуская из объятий.

Я был не в состоянии произнести хоть слово.

Я был поражён, взорван изнутри, безнадёжно отравлен, загипнотизирован, опьянён и разорван на лоскуты. И счастлив, что уж скрывать…

Буквально через десять минут, едва ли больше, моё тело вновь ощутило прилив сил. Ч'айя это, безусловно, сразу почуяла. Хищно и часто задышала, помогла рукой и бессвязным шёпотом, от которого зазвенело в ушах. А затем метко, умело и даже напористо потянула и почти силой погрузила в себя.

— Ч'айя… — едва смог простонать я.

— Называй меня Куранпу[1]! — прошипела она, всё быстрее двигая бёдрами.

Двоепервой Стаи ради, да почему вдруг именно так?!

Впрочем, буду откровенен — в тот миг я был готов называть её хоть девятью именами Чооты Пар, а потому раз за разом выкрикивал новое имя, всё глубже и глубже утопая в чужой страсти и готовности отдаваться…

На этот раз я оказался не так быстр и скоротечен, а диван под нами скрипел и взвизгивал с такой силой, словно пытался разбудить комплеблок до двадцатого этажа.

Когда я повторно добрался до высшей точки, девчонку будто скрутило судорогой. Она впилась в меня руками и ногами так, что потемнело в глазах, а лёгкие зажгло; одновременно Куранпу застонала, причём до того волнительно, что я едва не кончил в третий раз, причём тут же, от одного только звука…

Попытался отстраниться и поцеловать в губы, но Куранпу не позволила.

Обвила за шею и поясницу, будто профессиональный борец из «Загона» в болевом захвате, что-то ласково промычала, лизнула в шею. Конечно, я сдался. Немного сдвинулся, чтобы не давить всем телом, лёг чуть удобнее, обнял её пылающее тело и блаженно прикрыл глаза.

Так мы и заснули в моём крохотном подземном убежище, обнажённые, перемазанные, потные и умиротворённые, будто уличные коровы не обращая внимания ни на гул технических машин комплеблока за тонкими стенами, ни на включённый свет…

Этим ранним утром Ланс фер Скичира спал, как говорят чуха, не ощущая хвоста. Тем не менее, сны всё же пришли — рваные, неровные и опасные. *Предвещавшие*, хоть я и не верил пророчествам…

Когда я разлепил отёкшие, всё ещё тяжёлые веки, Ч’айя уже проснулась.

Более того, девушка тихонько выбралась из постельного гнезда и воспользовалась туалетным закутком, смыв с себя следы ночной схватки. Закутавшись в халат, она на поджатых ногах оседлала единственный столик у противоположной стены, изучая мой сон молча и внимательно.

— Куо-куо, Куранпу, — пробормотал я, потирая лицо.

Та не ответила. Лишь стали ещё больше карие глаза, лишь ещё более диковатым стал странный, отстранённый взгляд.

— Ты чего? — встревоженно уточнил я, усаживаясь в груде ещё влажных одеял.

— Что это было? — тихо спросила девчонка в ответ, не на шутку напугав и заставив усомниться в реальности недавних событий. — Перед сном, Ланс. Что это было?

Я хмыкнул. Позволил себе осторожную игривую улыбку, всё

ещё не понимая, как реагировать:

— Ну… вообще, это называют по-разному. Тебе применить поэтический термин, или из жёстких манга для взрослых?

Хорошо, что после этого я не подмигнул. Потому что тогда после следующего ответа своей отстранённой подруги точно бы заработал нервный тик.

— Байши… — выдохнула она, причём до того обречённо, что я клацнул зубами.

Вкрадчиво продолжил:

— Ты вымотала меня до мокрых клочков. Ну а мне, в свою очередь, показалось, что я тоже постарался на славу. Во всяком случае, ты выглядела довольной…

— Байши, байши, байши… — закрыв глаза, повторила Ч'айя, немало удивив самим умением грязно ругаться.

— Детка, да ты чего вообще? — Я прочистил горло и расправил одеяло возле себя. Член стоял, словно привязанный к палке. — Иди-ка сюда, маленькая Куранпу, я хочу снова угодить в твой жаркий захват…

— Замолчи, — вдруг приказала девушка, и я разом заткнулся. Сказала негромко, почти шёпотом, но сон сняло, как холодным ветром, а стояк стыдливо испарился: — Ни слова, Ланс! Мы не обсуждаем это. Не вспоминаем. И, разумеется, ни в коем случае не повторяем…

Был ли я удивлён? Скажу так: я видел выигравших в невероятно крупную лотерею, удивлённых куда меньше меня в этот чудесный утренний час.

— Что происходит, Куран…

— Никогда больше не произноси этого имени! — Меня оборвали столь же тихо, но с ещё большей решимостью. И злостью? — Никогда, если не хочешь узнать меня в гневе… И перестань называть деткой!

— В любовных играх нет ничего дурного… — промямлил я, но Ч'айя навела на меня палец так резко и порывисто, что на секунду мне показалось, что та целится из «Молота».

— Ты меня плохо понял, Ланс?!

Я молча кивнул. Дескать, достаточно понял. Хотя, как обычно, понятного, логичного и разумного в этом разговоре было с детский коготок. Но интуиция подсказала, что лучше согласиться… и кто я такой, чтобы с ней спорить? Байши, да что вообще вокруг меня в последнее время творится?!

— Ладно, — я примирительно улыбнулся и шутливо отдал честь. — Ну а чингу-то тебя попросить сделать можно?

Ч'айя смерила меня долгим взглядом. Неуютно долгим, должен признать.

Затем, придерживая халат так, чтобы я не увидел лишнего, спустилась со столика и прошлёпала к пищевому конструктору.

Наверное, я покачал головой. Может, даже беззвучно выругался. Может, даже пожал плечами, как привык делать своим многочисленным отражениям в моменты полной растерянности.

Часы на гаппи показывали десять утра. Не сказать, что мне был дарован полноценный сон, но в текущих условиях жаловаться не стоило и на это.

Смущённо прикрываясь смятыми штанами, я выбрался из диванных завалов. Покрутил корпусом, пару раз осторожно потянулся. Тело едва ли ощущало себя отдохнувшим, но если бы в качестве вознаграждения за усталость мне каждый раз платили страстной ночью с этой причудливой девчонкой, я бы устроился таскать неподъёмные мешки…

Обернувшись простынёй, поплёлся в закуток приводить себя в порядок. Старался быть тих и незаметен, насколько позволяли габариты каморки, и даже струёй попробовал журчать как можно менее звонко.

Странное поведение Ч'айи, безусловно, требовало разбирательств. Но кроме этого в моей башке роились не менее важные мысли, которые тоже стоило незамедлительно обмозговать.

Например, бардак последних двух суток от появления в моей жизни скромницы Ч'айи, заказ благородной Чинанды-Кси, не принёсший плодов визит в «Пламенное колесо» и пошедший не по плану разговор с Аширной, нахальное похищение от «Каначанкха» и столь же внезапное устранение похитителей…

Машина гудела, неторопливо разливая по чашкам крепкую пахучую чингу. Девушка не оборачивалась, уставившись в дисплей комбайна, будто это могло ускорить процесс. Пользуясь моментом, я торопливо переоделся в старую одежду, новомодный костюм госпожи фер вис Фиитчи забросив на пыльную настенную полку.

— Чинга готова.

В мою руку ткнулась горячая чашка, едва не ошпарив.

— Ты умничка, — честно сознался я, надеясь, что улыбаюсь дружелюбно, а вовсе не похотливо.

— Не говори со мной так! — огрызнулась Ч'айя.

Брезгливо сдвинула простыни и одеяла на край дивана, втиснулась в освобождённый уголок и оплела чашку пальцами обеих рук. Смотрела в пол, насупившись и играя скулами.

Что тут скажешь?

Да, я знал женщин всего два дня, но мог с уверенностью заявить, что вообще их не понимаю…

Присел на единственный табурет, глотнул чинги, поморщился. Напиток оказался недостаточно крепким, раньше времени разлитым, но сообщать об этом своей своенравной подруге сейчас бы не рискнул даже безумец. Да что там? Я лучше попробую обокрасть личную сокровищницу Нискирича, чем подступаться к Ч'айе в таком настроении…

Ещё одним важным вопросом, требовавшим самого серьёзного и скорейшего разбирательства, был неожиданный обрыв разговора с Песчаным Карпом. Причём ровно перед моей незапланированной поездкой в фургоне без окон.

Отставив чингу, я подтянул эвакуационную сумку, в которой уже не впервые за последние пару недель перетаскивал в подземное убежище нужные вещи. Отыскал в её недрах футляр иллюзиумных очков, проверил заряд батарей. Сдвинул табурет и столик к дверям, освобождая как можно больше места.

Пожалуй, *так* Господин Киликили не сможет прослушивать окружающее меня пространство. Да, пожалуй. Кроме того, в отличие от пользования «болтушкой», в теории снизится и вероятность пеленгации…

Я покрутил плечами и встал в центре расчищенного пятака; натянул эластичные и длинные, до локтя, перчатки с вшитыми сенсорами, позволяющие напрямую взаимодействовать с виртуальными слепками Мицелиума. Надел на глаза широкий полупрозрачный обруч (в своё время слегка переделанный под моё лицо с помощью Зикро), синхронизировал с заушником. Из специальной экранированной колбы выкатил на ладонь пару квиромагнитных шариков, включил и подбросил в поле захвата.

Шарики зависли ровно напротив глаз, активировались, выдвинули крохотные бусины-камеры и начали калибровку на обруче. Через минуту первые слепки «миц-блица» поступили на мои сетчатки, и теперь, куда бы я ни повернул голову, сферы бесшумно парили следом, выдерживая чёткую дистанцию в тридцать сантиметров от головного прибора.

Режима глобальной иллюзиумности я выставлять не стал, предпочитая улавливать происходящее в комнате хотя бы общими очертаниями. Тем не менее, дыхание привычно перехватило даже от увиденного.

[1] Куранпу — зажим или силок на мелких животных (устаревший диалект нихонинди).

п.3.; г.6; ч.2

За проведённые в Юдайна-Сити годы меня нельзя было назвать завсегдатаем погружения в «мицуху», а потому каждый раз невероятные краски несуществующей реальности заставляли сердце биться чуть чаще.

Визуализированный вход в Мицелиум походил на падение в изогнутую светящуюся нору. И я до сих пор хорошо помнил, как едва не наблевал под ноги, пережив его впервые…

Полупрозрачные стены тоннеля пестрели тематическими ответвлениями, но я позволял своей ячейке лететь всё дальше, пока не достиг Ядра — хаотического пространства, больше всего напоминавшего крупную площадь гнезда в момент предельной концентрации чу-ха.

Как обычно, их здесь были едва ли не миллионы, всё столь же суетливых, как и в реальной жизни, но ещё более броских и воплощённых в пёстрые оболочки *альтеров*.

Повинуясь тенденциям настоящей жизни, над головами хвостатых орд парили флотилии рекламных полотнищ. Контекстные зазывалы так и норовили подцепить на крючок Продающей Проповеди, только зазевайся и забудь отмахнуться особым жестом.

Гремела какофония из сотен песен «Восьмого цвета радуги», перемежаемая анонсами скорого грандиозного концерта, о котором жарко распинался Щуп. Неприметные, почти невидимые ячейки глаберов с завуалированной прямолинейностью расхваливали не самые законные инструменты управления и пользования Мицелиумом. Не уступая им по численности, мелькали мутные *мицели-слибу*, предлагая не менее туманные услуги или «ценную» информацию.

Я зашевелил пальцами, направляя свой усреднённый профиль в гущу обитателей Ядра. Завертел башкой оболочки, высматривая ближайший Столб, и квиромагнитные сферы послушно закружились по орбите моей настоящей головы. Послушно оставаясь нацеленными на полумаску, они предупредительно считывали окружающую пользователя среду, чтобы полуослепший Ланс не врубился в бетонную стену или стол.

Сложно сказать, почему я по-настоящему не полюбил Мицелиум… С одной стороны, здесь изгой-терюнаши становился куда более безликим, чем в неподдельном мире — лишь самой простой фигуркой на фоне сотен тысяч подобных, без запаха и отталкивающего внешнего вида, без дополнительных платных

обвесов ничем не примечательной. Ещё и с хвостом, чего никак не могло случиться в настоящем Тиаме.

С другой стороны… несмотря на предельную реалистичность окружающей картинки, я никак не мог поверить в неё, ежесекундно ощущая фальшь и даже немного сочувствуя чу-ха, чьё восприятие подвергалось мощнейшей бомбардировке иллюзиумными образами.

А ещё (не знаю, виной тому цветопередача или некая особенность моего мозга) минут через тридцать пребывания в Ядре меня всерьёз начинало подташнивать…

Шевеля руками, я добросил своего альтера до ближайшего Столба, подключённого к достаточному числу общественных станций и каналов; внимательно изучил его пестрящую объявлениями поверхность, высмотрел свободное местечко.

Меня так и подмывало приподнять очки и узнать, чем занята Ч'айя. Наблюдает за моими нелепыми телодвижениями или по-прежнему хохлится в уголке дивана?

Удержался, сосредоточившись на походе в Ядро.

Создав из пространства светящийся виртуальный клавиатон, набросал короткое послание и ловко метнул в примеченное оконце на Столбе, откуда обитатели Ядра и пользователи «мицблица» черпали свежие новости, объявления, слухи и просто пустопорожний трёп.

«Знающий истинные секреты разведения карпов желает знать, отчего уплывает глупая рыба», гласил мой текст, и я почти не сомневался, что он будет замечен.

Угадал.

Вероятно, системы анализа «мицухи» у джи-там действительно работали по принципу паутины — когда кто-то задевал нитку, хищник уже знал, куда именно направить жадный взгляд… Как бы то ни было, ждать пришлось совсем недолго.

Он показался в образе Подмастерья Стаи, смиренного и престарелого, без устали осеняющего просителей (здесь таких встречалось ничуть не меньше, чем на настоящих улицах Юдайна-Сити) сакральными жестами покровительства Двоепервой. Однако, лишая последних сомнений, на левом мизинце с помпезной вычурностью сверкало знакомое кольцо с бриллиантом.

Подступив вплотную, седошкурый Подмастерье повёл лапой, и вокруг нашей пары вспух мерцающий купол. Недешёвое, стоит заметить, удовольствие для рядовых пользователей «мицухи»… Над окружавшей толпой замерцали публичные сигналы уважительной зависти.

— Куо-куо, Ланс, — произнесло очередное обличие Данава

фер Ширн-Кегареты. — Впрочем, ты мог просто вызвать меня через «болтушку»…

Я не прокомментировал. И не поздоровался.

Вместо этого прищурился, зная, что парящие перед лицом шарики с точностью пересыплют мою эмоцию в глубины Ядра:

— Ничего не хочешь пояснить?

Песчаный Карп понимающе покивал.

— Я слышу тебя, Ланс. Но ты должен знать, что неотложные дела подчас требуют моего *стержневого* присутствия в иной точке пространства. В том числе, мицелиумного.

Мне пришлось глубоко вздохнуть, чтобы не растерять терпение раньше нужного. Слепок ячейки вновь послушно отразил сдерживаемые чувства, заставив «Подмастерье» приподнять бровь.

— Решил включить режим идиота?! — прошипел я и невольно подался вперёд, будто кто-то из окружающих был способен проникнуть за защитный купол.

— Я слышу тебя, Ланс, — снова кивнул Карп, рассматривая с интересом и даже намёком на веселье. — Но не мог бы ты всё же пояснить?

— Пояснить?! — Вдох, ещё вдох. Спокойствие. — Ладно, я поясню, драный ты ублюдок. Сейчас снова скажешь, что грохнуть меня твои парни собирались вовсе не по твоему приказу. Личная инициатива Сакаги, так? Или на этот раз подставишь другого дурачка-Когтя? А может, это ты пытался меня только запугать? На что-то тонко намекнуть?! Ну, благочестивый Подмастерье, теперь смекнул, о чём мы тут толкуем?

Конечно, он смекнул. Да он и сразу всё понимал, но отсутствие эмоций подчас выводит из себя куда быстрее их ярких проявлений…

— Ничего я не пытался, Ланс, — спокойно ответил джи-там, с удовольствием созерцая парящие рекламные знамёна над нашими головами. — Более того, на твоём месте только глупец бы не догадался, что его старательно опекают. Например, от случайной и нелепой кончины, урон от которой будет причинён не только упомянутому глупцу… Следишь за мыслью, Ланс Скичира?

Мне оставалось только захлопать глазами, что послушно отразилось на мицелиумной оболочке. Конечно, такой вариант событий я в голове тоже держал. Но его подтвержденность, увы, доказывала существование у Ланса Скичиры ещё одного недоброжелателя… Пока не уточнённого, но весьма информированного.

Резервная перепростроченная «болтушка» на моей настоящей

руке вдруг стала тяжёлой, словно из камня.

— Значит, сработал твой стрелок? — только и пробормотал я, задумчиво поскрёбывая щёку. — Тот, что подчистил издали?

— Я понимаю тебя, Ланс, — улыбнулся седой чу-ха в робе Подмастерья, — но отвечать не стану.

Карп пригладил бородку, причём жестом весьма самодовольным, и я наконец рассмотрел-таки его ослепительный перстень — змею с бриллиантовым глазом, кусающую себя за хвост. Органично вплетаясь в чешуйки, по кольцу полз девиз *«Кегарета умеют ждать!»*.

— Что это были за ребятки на фургоне? «Прыгуны»? «Шуты»?

Прежде, чем ответить, Господин Киликили заставил своего альтера качнуться на пятках, совсем как тогда, в глыбе «Слюдяного моста». Ох, как же в этот момент он раздражал меня своей самоуверенностью, пусть и искусственной!

— У меня есть неприятель, — тихонечко подтвердил Карп. — Ловкий. И почти неуловимый. Это всё, что тебе полагается знать, Ланс. Сейчас он задумал… кое-что весьма опасное.

Вот как? Я снова поскрёб щёку.

— Неприятель? У *тебя*?! До сих пор непобеждённый?! Я должен поверить?

— Ланс, милый Ланс, нельзя добродетельно пройти дорогой жизни, ни разу не разозлив бесчестных.

Я не удержался от едкого смешка:

— Не совсем это имел в виду, но это ты-то добродетельный?

— Снова рисуешь мой портрет, — ничуть не оскорбился облик джи-там, — лишь на основании звука шагов за спиной. Разумно ли?

Теперь отвечать я не стал. Вместо этого задумчиво потёр висок, в мелочах припоминая вопрос Молчаливого, и прямо спросил:

— Если в деле замешан Перстни… то есть — Галло Ш'Икитари из «Жёлтых котелков»… значит, к делу приложил лапу и «Диктат Колберга», сисадда? Это и есть твой враг? Или всё чуть сложнее?

— Всё всегда чуть сложнее, Ланс, — улыбнулся Подмастерье, вызвав во мне новый приступ ненависти к многословию поддельного разума. — И врагом его назвал именно ты.

— Так может, слабенькому беспомощному джи-там обратиться к более сильным игрокам? — Я покривился, уже не скрывая желчи: — К тем, кто сможет защитить, не подвергая угрозе ни твою свето-струнную шкуру, ни мою? Или хочешь сказать, что у тебя нет рычагов влияния на смирпов?! А может, задействуем мой личный контакт в «Лотосе»? Тот самый, который

ты грозился выдать Нискиричу?!

Он улыбнулся, покровительственно и спокойно.

— Их не примешивай, Ланс.

И перевёл взгляд вниз, где мои виртуальные пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Ах, как жаль, что в пространстве Мицелиума нельзя врезать по морде…

— Пока я справляюсь с оппонентом, — добавил Карп, тонко уловив моё настроение. — Действительно справляюсь. И ты должен мне верить. Ты мне веришь?

— Почти…

— Я тебя слышу.

— О, я тоже хочу послушать! Например, тех удивительных историй. Ну, тех самых, от которых мне станет не по себе. О правде, которая «может меня расстроить». Знаешь, Карп, на этот раз у меня тут полная готовность! А ещё есть немалый шанс, что теперь обойдётся без внезапных похищений. Так что давай-ка рассказывай!

— Я тебя понимаю, Ланс. Но теперь беседу на известные нам темы снова придётся отложить.

Ох, Всемилосердная Когане Но и её не менее святые коровы! Да кто вообще сумел породить такую скользкую гадость, как этот джинкина-там?!

Вдох, выдох. Нужно успокоиться и попробовать нащупать болевые точки Песчаного Карпа, иначе наше противостояние рано или поздно сведётся к взаимному уничтожению. А ещё за мной наблюдает одна противоречивая красотка, а значит — нужно показать себя мудрым и последовательным.

— Пожалуйста, поясни? — попросил я тоном старого друга.

— Если в двух словах, терюнаши… — Казалось, Подмастерье задумался, хотя я был готов клясться, что скорость его мыслительных процессов опережает мою собственную в десятки, если не сотни раз. — Сейчас не до праздных бесед. Дело в том, что с недавнего времени Тиаму стала угрожать опасность.

Я не удержался и вздохнул, беззвучно проклиная поток неисчислимых метафор, которыми искусственный разум пытался раз за разом прикрывать истинное положение дел. Словно просканировав мои мысли, Карп поспешил пояснить:

— В натуральном смысле, Ланс, сейчас я говорю прямо. Эта опасность способна опрокинуть привычный нам с тобой мир в бездну пламени.

— Яри-яри, какая неожиданность?!

Возможно, в тот момент времени мне не стоило вести себя столь разнуздано.

Но Ч’айя определённо подслушивала разговор и улавливала

тон. А как говаривал Подмастерье (только на этот раз настоящий, неподдельный) Ганкона: *«Самец не может вести себя, словно он в чём-то не прав. Да, мой мальчик, не может. Ни при каких обстоятельствах. На этом строится наше выживание. Уверенность в правоте самца просто обязана сквозить в каждом поступке или слове»*.

Ещё он (допив вторую бутылку) любил добавлять, что это вообще прямым текстом прописано в заветах Двоепервой Стаи, и их должна слушаться каждая верующая самка…

— До чего же захватывающая история! — с усмешкой добавил я недоумевающему джинкина-там. — Опасность! Брр! И несёшь её, конечно, вовсе не ты?!

Фер Шири-Кегарета в обличии служителя веры устало помотал крупной седовласой головой.

— Я слышу тебя, Ланс, — признал он. Пригладил белую бородку, — но хочу ещё раз уточнить: ты дурак?

Я покривился, подыскивая достойный ответ. Но джи-там вдруг рявкнул так грозно, что на мгновение показалось — сейчас он снова обратится в гигантского свето-струнного змея:

— Я был рождён, чтобы оберегать Тиам!

Мне очень-очень хотелось, но назад я всё же не отшагнул. Иначе бы и вовсе упёрся в стену собственной каморки, да и слабину бы показал. Вместо этого криво усмехнулся, скаля здоровенные резцы примитивного альтера, и решил поддержать навязанную игру:

— Впечатляющее заявление! А теперь дай-ка угадаю… спасти этот мир от гибели способен только жалкий терюнаши Ланс фер Скичира, то есть я? Не стыдно провоцировать живых столь вульгарными штампами?

И почти физически ощутил, как в паре метров от моей бренной оболочки, всё ещё зажатая на диване среди влажных одеял, вздрогнула Ч’айя, ставшая невольным свидетелем деликатного разговора…

В глазах безупречно-качественного альтера, выбранного Карпом, мелькнуло удивление.

— Метко, — прокомментировал он. — Ты всё же не дурак. Но вынужден огорчить: наиболее трудоёмкий этап работы я поручу собственным исполнителям. Надёжным для этой задачи. А вот уже после в дело вступишь ты.

К сожалению, в этот момент я слегка поплыл. От туманных намёков, от внезапного подтверждения собственных слов, от несвоевременности всего происходящего.

«Подмастерье» напротив сложил на груди лапы и качнулся на пятках. Со стороны наверняка казалось, что добрый старец

терпеливо наставляет заблудшего чу-ха на виртуальной исповеди.

— Я чувствую тебя, Ланс! — Он назидательно поднял палец. — И многое знаю о твоём прошлом. А потому заставлю себя повториться: ты нужен. Очень. И, поверь, для важного…

Что тут сказать? Наверняка, именно упомянутые мной штампы, откровенная провокация собеседником и столь же неприкрытое манипулирование и заставили вспомнить Пять-Без-Трёх. Святилище в вонючем подвале, порванных на клочки отступников, его фанатичную веру и предсмертный бред, похожий на сбивчивые пророчества.

Вида о возвращении тревожных образов я не подал:

— Говоришь так, словно отныне по-настоящему заинтересован во мне?

— Так было всегда.

— Я тебе не служу. И даже не работаю.

— Тем не менее, участие будет щедро оплачено.

— У меня нет недостатка в деньгах.

— Ах, да, дело Чинанды-Кси фер вис Фиитчи. Но я убеждён, что дополнительное пожертвование от анонимного доброжелателя ещё прочнее укрепит твои материальные позиции.

— Засунь их в свою свето-струнную жо…

— Призна **ю**, ты на меня не работаешь, — он мягко перебил меня, не позволив вновь распалиться. — И не служишь. Не стоило оскорблять подачками. Тогда вернёмся к оценке упомянутой угрозы через призму морально-этических ценностей. Как насчёт краткосрочного конструктивного сотрудничества для достижения общей цели? Очень важной и благой цели. Сисадда, как говорят на твоих улицах?

Мой альтер вернул ему кривую усмешку.

Тоже скрестил лапы на груди.

Тоже качнулся на пятках.

Если умственное здоровье Первого Подмастерья Нагинаты Когане Но ещё вызывало ряд очевидных сомнений, то протёкший над головой джи-там подвал я предполагал едва ли. А потому с каждой новой минутой в Ядре мне и правда становилось всё интереснее, куда же заведёт натянутая им нить…

— Дело простое, — продолжил джи-там. — Кое-что сломать. Как можно быстрее.

— И это фундамент твоих морально-этических ценностей?

— Фу, Ланс. Ты же не считаешь, что признанная добродетель не должна уметь жёстко постоять за себя?

— Пусть так. Но ломать — не совсем мой профиль, — я дёрнул виртуальными плечами мицелиумной оболочки, — сисадда?

— Я слышу тебя, Ланс, — вновь кивнул он, словно только и ждал подобной ремарки. — Но поверь, ломать ты умеешь просто превосходно. Со стороны виднее, знаешь ли…

У меня покраснели щёки. Руки опустились вдоль тела, будто я всерьёз собирался броситься в атаку и причинить вред высокотехнологичной иллюзии перед собой. Но не успел я взорваться в возмущении и стыде, как он добавил:

— Разговору пора стать предельно серьёзным, Ланс. Кое-что случилось. И происходит прямо сейчас. Поэтому я протягиваю тебе ветвь мира и прошу: позволь отбросить распри и вместе сделать… доброе дело.

Да. Я слышал такое. Не раз. Причём не только в развлекательных детективных манга-шоу на мицелиумных каналах, где вчерашний недруг призывал главного героя прекратить войну. Я слышал такое на улицах, где цена предательства зачастую зависела от курса дозы опианина…

— Тащишь в ловушку и наивно веришь, что соглашусь? Где же твой хвалёный анализ?

— Я тебя понимаю. Но задумайся и ты: в обмане нет нужды. — Он вздохнул, как будто бы даже грустно. — Западни, выверты, ложь и двуличие… Сущие глупости. Я не искал твоих информационных тайников, Ланс. Но если бы всерьёз поставил таковую цель, старший фер Скичира уже давно бы надел алый траурный плащ…

И он неожиданно провёл по горлу когтем в жесте настолько не миролюбивом, что это совершенно не вязалось с выбранным альтером.

— Я всё расскажу, — пообещал Карп с широкой зубастой улыбкой, а мой базовый гаппи откликнулся о пересыпанном пакете данных. — Но позже. А сегодня в десять вечера будь в «Куске угля», за тобой заедут. Это не ловушка. Да и Господин Киликили тебе не враг, несмотря на ошибки прошлого, сисадда? Но если испугаешься… если забьёшься под камень, беды не избежать…

И Данав фер Шири-Кегарета исчез, унося с собой ответы на массу незаданных вопросов, дорогой звуконепроницаемый купол и обманчивое чувство кратковременной безопасности. Гомон и рекламный гул виртуального Ядра обрушились на мой заушник, заставив поморщиться.

Я стянул очки, легко подхватил квиромагнитные шарики, скатал с предплечий перчатки. Рубашка промокла, будто мне пришлось пробежать два квартала, хоть снова мыться лезь…

Задумчивый, угрюмый и совершенно сбитый с толку, я обернулся к Ч’айе. Совершенно точно зная, что девчонка молча и

терпеливо ждёт объяснений; что глядит на своего защитника широко распахнутыми глазами цвета корицы, и боязливо не решается…

Девушка сидела на табурете в дальнем углу комнатки, равнодушно отвернувшись к стене, что-то напевая под нос и задумчиво вертя в руках костюм, пошитый мне вдовой. Прикладывала к плечам и бёдрам, прищипывала ткань пальцами, подворачивала и делала крохотные пометки белесым кусочком штукатурки.

Байши, ну прямо-таки идеальное домашнее утро в семейном кругу!

praeteritum

В следующий раз Пять-Без-Трёх находит меня через пару месяцев.

Я уже почти освоился на улицах Бонжура. Начавшийся разговор со случайным продавцом или гендорикшей теперь не заканчивается бегством собеседника, шипением или предупредительно оскаленными зубами. Болтают с терюнаши неохотно, но постепенно свыкаясь с неизбежностью присутствия уродца…

Охрана поредела.

Вместо четырёх мордоворотов со мной отныне один, да и то бездельничающий, ведь неприятных ситуаций не случается. Если, конечно, не считать лёгких перебранок, откровенных выпытываний и витиеватых насмешек, но они не в счёт — так чу-ха держатся даже с ближайшими родственниками.

Жилета, к слову, на мне ещё тоже нет.

Нискирич Скичира лишь обсуждает со старшими Когтями возможность инициации необычного манкса в казоку. Кое-что выступает против, но хетто не давит, действует тоньше и мудрее, приводит разумные аргументы и терпеливо напоминает о разоблачении Ксиммика.

Потому жилет возможен, но ещё не на мне.

А вот нож я ношу с собой даже в Наросте.

Денег в карманах балахона хватает на выпивку и еду, с которыми я тоже знакомлюсь на улицах. Рупии подкидывает Нискирич, которому была оказана вторая услуга по «опросу» подчинённого. Заработок позволяет перепробовать не только дюжину видов лапши, но и столько же сортов паймы — от откровенно дрянных до вполне сносных, — с которой чужеродная среда вокруг воспринимается значительно легче.

Вероятнее всего, Пять-Без-Трёх следит за мной во время традиционной дневной прогулки по району. Выжидает нужного момента, и дожидается его.

Я насторожен, но весел и улыбчив, продолжая познавать и впитывать Бонжур, которому суждено стать моим новым домом. Когда сопровождающий меня казоку-йодда отвлекается пофлиртовать с молоденькой продавщицей солнцезащитных очков у лотка на колёсах, из ближайшей подворотни слышится хитрый посвист.

Осторожно заглядываю за ящики с отбросами тепличных овощей, вижу его.

В первые секунды не узнаю, закутанного в балахон с

капюшоном, подозрительно похожий на мой собственный. И только глаза выдают странного изуродованного бродягу — ещё не полумёртвые, в отличие от пропитанной стрихом плоти; яркие, горящие пламенем и преисполненные веры, которой служители Двоеперстой Стаи могут лишь позавидовать.

Чу-ха шипит мне из полутёмной подворотни микрорайона Хатама-Крик, который я собираюсь изучить этим благостным деньком. Когда я (наготове, сжимающий в кармане нож, преодолевающий страх и поглядывающий на отвлёкшегося охранника) всё же сворачиваю в проулок, Пять-Без-Трёх падает на колени и протягивает ко мне тощие шелушащиеся лапы.

Мой палец поглаживает кнопку выброса клинка. При этом я отчего-то рад, что торчок ещё не скрутил хвост под неизбежным передозом.

— О, светлоликий посланник Всемилосердной Когане Но, — бормочет беспалый, и голос его куда твёрже, чем во время прошлой встречи. — Молю тебя смиренно уделить нам всего пару минут своего драгоценного времени… Твоя сила нужна последователям!

— Кому?! — только и выдавливаю я, растерянно озираясь.

Совершенно неожиданная просьба Пяти-Без-Трёх застаёт меня врасплох. Спутывает мысли. Но утренний глоток паймы из личных запасов Нискирича всё же сделал меня мягким. Податливым и любопытным…

— О, светлоликий, — часто кивает чу-ха, умудряясь извернуться и прямо из коленопреклонённой позы указать в глубину переулка, — я покажу, покажу! Бояться не нужно, почитаемый! Я скорее вырву собственные глаза, чем причиню тебе хоть какой-то вред!

Он говорит с жаром, который пугает. Но с искренностью, которая интригует.

— Я не смогу дать тебе на дозу, — говорю я, оставаясь на месте. — Даже если бы были лишние деньги, я бы не стал, сисадда?

— Мне не нужно, — он вдруг вскидывается, скаля остатки зубов. — Я чист уже много дней, светлоликий! Это твоя заслуга, да, твоя!

И снова распластывается по грязной земле, вытягивая ко мне лапы.

Спрашиваю, пытаясь оценить правдивость новости про завязку:

— Зачем ты за мной следил?

— Ты уникален, — прямо отвечает бродяга, едва оторвав морду от дорожного покрытия. — Ты спаситель. Наш мир давно погряз в ужасе. Он пресыщен, жесток и бесконечно обманчив. Но от бедного скудоумного Пяти-Без-Трёх всё же не укрылось твоё

пришествие, призванное избавить нас от скверны.

— Знаешь, пунчи, — усмехаюсь я, хотя в душе шевелится что-то тёплое и категорически недопустимое, — ты основательно заблуждаешься на мой счёт…

Мне хочется посмеяться над ним. Переубедить.

Разбить, причём жестоко, взращённые в подвалах иллюзии, решительно отречься от Когане Но, от спасительной миссии, от жалкого преклонения… Но слова лишь клокочут в горле, и я умолкаю. Да, всё так: я многократно совру, если в этот момент в моей душе не звенит сладкая запретная струна.

— Ты соскоблишь грязь с наших душ, — бормочет Пять-Без-Трёх, будто не расслышав меня. — Когане Но придёт вместе со светлым воинством, и окончательно победит Бансури… И ты — светлоликий, её Первый Коготь!

В тот момент я задумываюсь. Всего на секунду. Может быть, даже на долю секунды. Но моё будущее определит и этот ничтожный осколок времени — а если безумный наркоман хоть отчасти прав?

— Идём, — повторяет он, поднимаясь и маня за собой. — Я покажу, это здесь…

И я следую за ним. Не совсем понимая, что делаю и зачем. Уже позже осознаю, какой глупостью выглядит мой поступок… и именно в этом я затем раскаюсь перед перепуганным сопровождающим йодда, да и перед Нискиричем, когда тот устроит мне настоящую взбучку… Но я иду.

Мы углубляемся в переулок между комплеблоками, стоящими так близко, что можно перебраться из окна в окно. Солнце над головами отсечено узкими балконами и полосатыми тентами ущелья.

Проулок заканчивается перекрытым проездом для небольших грузовых фаэтонов. Технические двери магазинов и закусочных, выходящих в «колодец», надёжно заперты.

Я снова нащупываю нож. Не потому что напуган, но так спокойнее.

Вокруг поджидают чу-ха, не меньше десятка. Сидят на земле вдоль стен, кто-то на подстеленном мусоре, кто-то и без того. Большинство определённо годится беспалому в собратья по духу и образу жизни, но я замечаю и вполне прилично одетых.

Живой круг вдоль стен «колодца» охает, и я понимаю, что они не верили в моё согласие на встречу. Возможно, кто-то из них и вовсе подвергал сомнению сам факт существования лысого манкса из пустыни, о котором уже не первый день шепчет улица…

Двое сразу падают мордами вниз, протягивают ко мне лапы и начинают бормотать то ли молитвы, то ли мольбы. Ещё трое

опускаются на колени чуть более сдержано и церемонно, но их позы и поклоны преисполнены почитания.

Остальные же скалят зубы, недоверчиво прижимают уши и шипят, выплёскивая растерянность самым примитивным способом.

Пять-Без-Трёх проскальзывает на середину «колодца» и сбрасывает капюшон.

— Узрите спасителя, — говорит он, торжественно повышая голос, — посланца Когане Но, её клинок и пламень, снизошедший на наше пр ***о*** *клятое гнездо! Радуйтесь, ничтожные: мы станем избранными его, станем его армией и верной опорой!*

В висках уже не стучит, колотит.

С места не двигаюсь, словно примёрз. В полной мере осознаю, что совершил весьма немалую ошибку. Но покинуть переулок всё равно не могу.

— Он — будущее! — провозглашает Пять-Без-Трёх, поочерёдно заглядывая в глаза всем сидящим в круге. — Когда Юдайна-Сити сбросит коросту грязи, мы превратимся в таких же, как он. Будем наги и прекрасны, откинем хвосты и глупую ненужную шерсть… мы будем чисты! Я — его Первый Подмастерье, говорю вам: молите посланника, молите Нагинату Когане Но о прощении! Молите принять в свою казоку, ведь только смирением и почитанием мы заслужим милость Всемилосердной…

Дальше общий шок не позволяет мне в точности определить, кто именно и какую ремарку бросает. Слева шипят, справа недобро рыкают.

— Что это вообще за существо?! — доносится со стороны.

— Значит, это правда… — обречённо бормочут с другой.

— Зачем ты вообще притащил сюда это?! — взвизгивает самка почти за моей спиной.

— Теперь мы будем прокляты! — пищат неподалёку от неё.

Ладонь на ноже потеет так, что рукоятка норовит выскользнуть в бездну накладного кармана. Не совсем своевременно обещаю себе, что следующей покупкой станут перчатки, которые я аккуратно перешью под свою кисть…

— Глупые крысы! — вдруг верещит Пять-Без-Трёх. Подскакивает на месте и вертится, высматривая осмелившихся перечить. — Замолчите, пока не разгневали Нагинату Когане Но! Я приказываю вам замолчать! Пусть неверующие покинут нашу стаю! Пусть обрекут себя на гибель! Убирайтесь!

Он подпрыгивает к ближайшему чу-ха. Тому, кто пищал о проклятии. Замахивается на него, и через мгновение начинается драка. На Пять-Без-Трёх наседают сразу четверо. Накидываются безмолвно, без угроз и воплей, злобно и стремительно — такое

поведение мне предстоит наблюдать ещё не раз…

Пять тел слипаются в плотный комок, покатившийся по пятаку «колодца». Остальные опускают головы, бубня нечто среднее между молитвой и протяжным стоном на одной ноте. Я молча наблюдаю за дракой, всё ещё прикованный к месту. И даже на короткий миг жалею, что калека отдал мне своё единственное оружие…

Впрочем, совсем скоро убеждаюсь, что тот справляется и без ножа.

Пятеро сцепившихся пищат, кусают, рвут и визжат. Клубок хвостов и взмывающих лап катится по земле, врезается в мусорные баки, отлетает обратно на середину площадки.

Вот один из нападавших вываливается из общей свалки, хрипит и распластывается неподалёку — его горло вскрыто мощным ударом когтей. Вот второй со стоном зажимает жуткую рану в животе и пытается отползти в сторону, оставляя за собой красную дорожку.

Теперь мне видно, что Пять-Без-Трёх вцепился зубами в горло крепкой самки, а та дёргается и бешено верещит в безуспешных попытках оторвать и сбросить. Четвёртый противник с монотонностью станка лупит моего «Первого Подмастерья» по спине, раз за разом разбрызгивая веера крови.

С хрустом ломается шея неуверовавшей самки. Пять-Без-Трёх вихрем разворачивается и бросается на последнего врага. Тот отшатывается, спотыкается, не успевает вскинуть лапы, и в глаза ему вонзаются когти «Подмастерья». Он наседает, заваливает предателя на спину. Вскакивает и садится на грудь, а затем давит и давит пальцы в глазницы верещащего бедолаги, пока тот не утихает…

Пять-Без-Трёх поднимается, пошатываясь, но улыбаясь. Одежда его разорвана в клочья; плечи, шея и уши покрыты плёнкой свежей крови из порезов и укусов. Несмотря на множественные раны, он складывает ладони перед лбом и кланяется в мою сторону.

— Хвала тебе, Нагината Когане Но… — хрипит раненый чуха, и голос его лучится торжеством, — ты наделил меня великой силой…

Он оборачивается и выставляет окровавленный коготь. Медленно обводит им сидящих в круге. Затравленный взгляд натыкается на испуганные; немногочисленная паства отводит глаза и сжимается в комки. Стонут раненые, двое из безрассудной четвёрки не подают признаков жизни.

— Вы видели?! — едва не срываясь на хохот, вопрошает Пять-Без-Трёх. — Видели? Я — его Первый Подмастерье, и я неуязвим! Я

всесилен средь вас, и это он! — Алый палец тычет в меня, и на подол моего балахона падают несколько тягучих капель. — Он сделал меня таким!

Теперь на землю валятся все без исключения. Лбами вниз, с прижатыми ушами и протянутыми вперёд лапами. Отбивают поклоны, не забывая уважить и Пять-Без-Трёх, стонут и подвывают, будто в трансе.

Я наконец обретаю силы переставить затёкшие ноги. Пячусь. Всё быстрее, опасаясь развернуться к месту бойни спиной. Затем всё же кручусь на пятках и бегу, почти теряя простенькие кожаные обувки, врезаясь в стены и мусорные контейнеры…

Дышать тяжело. Во рту стоит необъяснимый привкус крови. И две последующие ночи я почти не сплю, дословно вспоминая победную проповедь Пяти-Без-Трёх…

Глава 7
ВАМ ИЗВЕСТНО МОЕ ИМЯ?

Мне доводилось наблюдать, как взрослые самки учат малышей принимать важные решения. Мол, сядь в уголок, сожмись, оботри лапами мордашку, надёжно обернись хвостиком и медленно сосчитай до девяти. А затем решайся.

Оборачиваться мне было нечем, но досчитай я хоть до тысячи, понимания бы это принесло едва ли…

Стараясь скрыть растерянность, я неторопливо уложил иллюзиумное оборудование, столь же обстоятельно собрал и сложил на подлокотник растрёпанное постельное бельё. Ч'айя даже не повела ухом. Отвлеклась, лишь когда спросил, стараясь оставаться непринуждённым:

— Точно не хочешь поговорить о случившемся?

Девушка обернулась рывком.

— Я тебя предупредила!

И взглянула на торчащий из сумки приклад ассолтера так, что по спине пробежал холодок.

Ладно, иногда я бываю понятливым. Не очень-то часто, но всё же…

Значит, обсуждение минувшей ночи всё же стоит отложить. До лучших времён. Если они вообще настанут.

Опустившись на диван, я уставился в потолок и заставил внутренних Лансов хоть как-то упорядочить мысли вожака стаи.

Итак (не считая жаркого недопонимания с Ч'айей, с которым ещё тоже предстояло разобраться) вчера у нас появился некто таинственный, желавший «просто поговорить». При этом весьма бесцеремонно умыкнувший меня из-под носа Щупа, причём по всем правилам, в непроницаемом фургоне, разве что без мешка на голове. При этом не Господин Киликили.

А ещё некто не менее таинственный, устранивший угрозу в облике Писклявого и его неудачливых дружков. Это и вправду мог оказаться Песчаный Карп — в конце концов, так он действительно был способен оберегать свою тайну… а может, и нет. При этом пять минут назад джи-там вовсе не удивился упоминанию о перестрелке, что выдавало его осведомлённость. К тому же поганец одарил прозрачным намёком…

Интересно, что ещё сученыш знает? И почему считает, что после случившегося меж нами в глубинах «Моста» я соглашусь-таки на предложение прогуляться?

Он сказал, что *«привычному миру угрожает опасность»*.

Неужели проницательный казоку-хетто «Уроборос-гуми» действительно убеждён, что на меня подействует подобный подкат уровня Пяти-Без-Трёх? Да я в ночных клубах Бонжура слышал куда более изобретательные обманки, дающие шанс вскарабкаться на приглянувшуюся самочку…

Однако в душе и памяти что-то вновь зашевелилось.

Что-то интуитивное, неприятное, продолжающее настойчиво напоминать о Первом Подмастерье Нагинаты. Фраза? Поступок? Взгляд безумца?

Впрочем, стоило признать — я на самом деле (если говорить языком Моноспектральной Чапати) остался заинтригован. И уже почти решился, даже не считая до девяти…

А ещё оставалось дело многоуважаемой Чинанды-Кси фер вис Фиитчи. Требующее, как ни крути хвостом, отважной вылазки из подземного убежища. Чего, к сожалению, я никак не мог позволить насупившейся девчонке, задумавшей надругаться над новеньким парадным костюмом.

Выбор представлялся весьма бедным, но разве мне оставалось что-то ещё?

Я встал, отошёл от Ч'айи, поднял «болтушку» к лицу и открыл нужный профиль.

— Куо-куо, детка.

— Куо-куо, Малыш. Ты не голоден?

Мой рот приоткрылся, а бровь изумлённо изогнулась. Я понятия не имел, что случилось с Сапфир, но тон сообщал, что с прошлого разговора настроение помощницы определённо улучшилось.

— Сапфир, милая, у меня к тебе *очень* важная просьба…

— Ох, Малыш, ну кто бы сомневался! — Мы общались без слепков, но я без труда представил, что синешкурка ехидно улыбается. — Что пожелаешь на этот раз? Разобрать документацию? Что-то откопать в «мицухе»? А может, с почестями встретить важного клиента? Полагаю, ты уже созрел, чтобы начать платить мне за помощь…

— Очень смешно, милая, — мне пришлось натянуто улыбнуться, хотя уровень готовности к обмену традиционными шпильками сейчас равнялся нулю. Нет, он был даже многим ниже… — Но всё чуть сложнее. Дело не самое простое, требующее секретности…

— Тайна, которую знают двое… — протянула Сапфир, а на заднем фоне зашипела машина для варки чинги.

— Да-да, уже вовсе не тайна. Но сейчас я доверяю только тебе.

Она замолчала. Полязгала рожк **а** ми чингаварки, задумчиво

причмокнула.

— Ох, Малыш, ты снова так гладко выстилаешь…

— Сапфир… — Мне не хотелось, чтобы фраза прозвучала напряжённо или пугающе, но подруга всегда умела безупречно считывать малейшие интонации, а потому даже не попыталась закончить шутку. — Это всерьёз, сисадда? Я говорю правду, всё очень важно.

— Поясни?

— Не могу. Чтобы узнать, тебе придётся снова подогреть мне чингу с сиропом… Точнее, заглянуть в чулан, где хранится сироп.

Она издала странный свистящий звук, в котором перемешались удивление, усталость, недоверие… и страх.

— Но предупреждаю, — негромко добавил я, косясь на Ч'айю, — это действительно тайна. От которой зависит моя шкура…

— Хорошо, Малыш. — Судя по фоновым звукам, Сапфир вышла из общей залы чингайны в пищевой блок или на склад. — У меня найдутся полчаса?

— Вполне.

— Тогда жди.

Связь оборвалась, и я вернулся к дивану.

Девушка по-прежнему изучала одежду. Или умело делала отстранённый вид, ведь непросто оставаться по-настоящему безучастным к бесконечным чужим разговорам в каморке на десять квадратных метров.

— Ч'айя, послушай, — позвал я, старательно подбирая слова. Та охотно развернулась на стуле, опустила измятый пиджак на колени. — Просто послушай, не перебивай, хорошо? Скоро сюда спустится моя подруга и помощница… Чу-ха, разумеется. Тише, не пугайся! Пойми, я ей доверяю. И так нужно, действительно нужно. Мы вместе расскажем ей о тебе, сисадда? Но я хочу, чтобы перед этим ты узнала ещё кое-что… Кое-что важное.

Ч'айя внимала с интересом, который недурно скрывала. Вот сквозь внешнюю прохладу в карих глазах сверкнул огонёк, но тут же угас, будто светляк в густом тумане.

— Мне трудно понять, что ты себе навыдумывала… — осторожно продолжил я, и тут же поднял раскрытые ладони, не позволяя перебить не самый простой монолог: — Правда не собираюсь поднимать ночную тему! Но знай: я буду защищать тебя. Всеми силами. Даже ценой собственной жизни, понимаешь? Можешь ничего не говорить. Но помни это, когда в следующий раз захочешь швырнуть в меня чем-то тяжёлым или даже дотянуться до ассолтера…

В душ **е** гранитно скрипнуло, и я не сразу понял, что это была

свалившаяся в бездну нелёгкая ноша. Действительно, правду говорить подчас очень легко. Вот только чем заполнить пустоту, образованную на месте сгинувшего камня?

Ч'айя оставалась непроницаема.

Изящно повела бровью, будто уточняя, закончил ли я, и мне пришлось кивнуть. Тогда девушка поджала губы, кивнула в ответ и невозмутимо вернулась к бесконечному изучению костюма.

Я скрыл вздох.

Что ж, непробиваемой брони не бывает, не так ли? Как любит говаривать сааду Пикири после пары-тройки порций паймы: *«Путь терпения вовсе не означает, что ты должен всю жизнь просидеть в теплице, ежеминутно ожидая, когда взойдёт твоё счастье и можно собирать урожай. Он означает, что первым делом ты должен бросить зерно. И вот уже после этого можешь смиренно дожидаться всхода да набираться сил перед сбором. И главное в этом вопросе*(в этом месте он обычно выпивал ещё одну пиалу) *— не спешить, и ни в коем случае не торопить время»*…

Не придумав, куда деть руки, я потёр ладони:

— А теперь давай-ка перекусим!

Направился к комбайну, только сейчас ощутив мощнейшую волну голода, уже не первый час сокрушавшего мои внутренности. С тоской вспоминая оставленный в «Каначанкха» заказ, я перебрал местные припасы. Что уж поделать? И пусть подвал, конечно, не ресторан «Пламенного колеса», но будет сытно…

Открыв пару банок, я вывалил содержимое в глубокие миски, добавил специй, старательно перемешал и сунул в нагревательный отсек. Ч'айя наблюдала искоса, украдкой, всё ещё держась так, словно я отнял у неё долгожданного первенца. А, возможно, даже сожрал у мамашки на глазах.

Впрочем, горячую еду девчонка благодарно приняла и умяла с завидным аппетитом.

Едва я загрузил опустевшие тарелки в моющее отделение комбайна, раздался условный стук. Ч'айе он уже был знаком, отчего девушка вздрогнула, а взгляд испуганно заметался. Знаком показав, что для тревоги нет повода, я попросил встать вне поля зрения, и подошёл к двери.

Приложился к скрытому глазку, чуть приоткрыл створку и торопливо поманил Сапфир внутрь. Та вошла вместе с запахами сырости и подвальной затхлостью; спешно, ловко просочилась в щель и втянула хвост, но сразу же недовольно склонила голову и нахмурилась.

— Послушай, Малыш, мне сейчас немного не до жутких секретных секретов, сисадда?

Несмотря на повеселевший во время недавнего разговора тон, синешкурка выглядела вымотанной и непохожей на себя привычную — пряди заметно свалялись, краска на шерсти вымылась пятнами, а резцы уже несколько дней не видели качественной чистки.

— Малыш, я понимаю, что ты обожаешь влипать в неприятности, — торопливо продолжила она, одарив меня нелёгким вздохом, — но на меня сейчас навалилось столько непредви…

И вдруг осеклась. Ещё не заметив замершую за спиной Ч'айю, но определённо учуяв. Глаза чу-ха распахнулись, шерсть на загривке встала дыбом, мягкие уши прижались к голове. Сапфир необычайно медленно обернулась и с приотвисшей челюстью уставилась на девчонку в дальнем углу.

Нужно признать, Ч'айя тоже смотрела на мою помощницу с неприкрытым ужасом — так близко живого чу-ха в новой жизни она видела впервые. Кулаки её сжались до белых костяшек и алых отметин на ладонях, спина плотно прижалась к холодной стене, скулы отвердели, а на лбу снова проступила витая морщинка.

— Яри-яри! — чуть слышно охнула Сапфир, не отрывая от девушки взгляда.

Подрагивающей лапой заперла дверь на все замки, не очень-то ловко, но быстро и старательно.

— Та-ак… Тебе совершенно точно предстоит мне кое-что пояснить…

Она определённо собиралась снова добавить «Малыш», но в последний миг сдержалась. Я вышел вперёд, интуитивно занимая место посреди комнаты, ровно между обеими.

Улыбнулся широко и непринуждённо, но напряжённость момента превратила моё лицо в гримасу умственного бедняка. Да что там?! Мне встречались прожжённые нарики, выглядевшие куда умнее и одухотвореннее…

— Это Ч'айя, — выдавил я, осторожно, но не очень-то вежливо ткнув пальцем. — Не могу сказать, откуда она. И не потому что скрываю, а по незнанию. Но теперь Ч'айя здесь, и я за неё отвечаю. А это Сапфир, моя подруга и пом… она выручает меня в разных вопросах, когда не очень сильно занята.

«Выручающая в разных вопросах, когда не очень сильно занята» молчала довольно долго. Розовый нос жадно втягивал гамму запахов убежища, когтистые пальцы тревожно подрагивали. Через минуту (показавшуюся часом) она бросила на меня быстрый, будто выстрел из башера, взгляд, и всё же сказала:

— Этого не может быть.

Я послушно кивнул, одновременно наблюдая за реакцией

неподвижной Ч'айи. Точнее, за полным отсутствием каких бы то ни было реакций.

— Да, Сапфир. Я и сам так считал.

Чу-ха сделала осторожный шаг вперёд, и если бы кареглазая девчонка умела проходить сквозь стены, в этот момент бы точно вывалилась в соседнюю комнату. Сапфир облизнула резцы, изучая Ч'айю внимательно и холодно, будто диковинный музейный экспонат.

— Она вообще хоть что-то помнит? — спросила требовательно, даже зло.

Ответить я, конечно же, не успел. Кажется, даже рот открыл, но Ч'айя опередила, бросив с не меньшей экспрессией и раздражением:

— Вообще-то я здесь, дамочка. И вполне способна ответить сама.

Глаза Сапфир распахнулись, ресницы затрепетали. Она ойкнула, смешно заскрипела горлом, а затем сдала назад и осела на подлокотник дивана. Выглядела моя помощница так, словно с ней только что заговорила комнатная мышь или уличная корова.

Ч'айя, тем временем, отлепилась от стены. Запахнув халат, смело прошла мимо ошарашенной чу-ха, забрала табурет, вернулась в дальний угол и уселась, забросив ногу на ногу.

— Нет, я почти ничего не помню, — отрезала она, почти забавляясь немотой хвостатой собеседницы. — Более того, остатки воспоминаний тают с каждой минутой. А первое отчётливое — это он.

И мотнула на меня головой. Мотнула! Словно на этот раз мышкой в клетке или рогатым уличным паразитом оказался какой-то там Ланс Скичира! Но отреагировать не удалось и на этот раз: Сапфир издала неопределённый писк, снова втянула воздух носом, и беспокойно сцепила пальцы.

— Вы уже переспали, — вдруг констатировала синешкурка, глядя в угол с пищевым конструктором.

О, как я хотел ввернуть, что этого вопроса лучше не касаться! Как хотел успеть сообщить любимой, заботливой и по-своему любящей Сапфир, что этот вопрос не касается именно её, потому что до конца он не прояснён и между нами двумя, сисадда?

Разумеется, я опять не успел…

— Ойкоо… — вздохнула Ч'айя, но сейчас в традиционном тоскливом вздохе было куда больше скрытой ярости. — Какая ж ты проницательная, подруга. Но не лучше ли тебе придержать свой длинный нос, чтобы его не отрубило чужой дверью?!

— Вийо?! — прошипела Сапфир. — Прямо мне в глаза, ну!

И поднялась с дивана.

Довольно быстро, даже агрессивно, но лично мне показалось, что будто бы сквозь стену жидкой карамели. Зубы её оскалились, крашеная синими пятная шерсть вскинулась… но уже через мгновение я стоял между девчонками, разведя руки и жалея, что в комплекте из подштанников и пальто выгляжу ну вот прямо ни разочек не внушительно.

— Стоп!

Мой выкрик, наверное, было слышно в соседнем комплеблоке.

Сапфир вздрогнула и боязливо прижала уши; Ч'айя чуть не отшатнулась, чудом удержавшись на табурете.

— Стоп, я сказал, сисадда?! — добавил я, понижая голос, но не опуская рук. — Да что с вами вообще?!

Нет, кроме шуток, в тот момент я действительно не понимал. Наверное, мне случалось видеть подобные сцены, когда любовница случайно встречала на улице супругу своего воздыхателя, но…

Я покраснел. Потом побледнел. Пожалел, что позвал Сапфир на помощь. Затем пожалел, что открыл «подарок» Хадекина фер вис Кри. Следом — что вообще появился на свет, каким бы ни было это событие.

Байши, это что, ревность?!

Мои кулаки сжимались и разжимались перед глазами Ч'айи и Сапфир, словно гипнотизируя обеих. В ушах шумело, в глотке пересохло, и спастись от подобной жажды могла помочь исключительно выдержанная пайма…

Стараясь сохранять главенствующий тон и больше не представлять, насколько нелепо выгляжу, я приказал:

— Не кусаться! Байши… Ч'айя, Сапфир… вокруг меня осталось ничтожно мало тех, кто способен поддержать, сисадда? Сапфир, детка, пожалуйста! Если ты не готова решать дело миром, то прошу: сохрани эту тайну и возвращайся к делам в чингайне… Я справлюсь сам.

Ч'айя дышала мелко и часто, не сводя взгляда с чу-ха. Та, напротив, повела плечами и втянула воздух полной грудью. Прикрыла глаза, пошевелила губами (мне показалось, сосчитала до девяти), и широко усмехнулась.

— Ага, Малыш, справишься… — Уже более уверенно соскользнув на диван всем телом, она подхватила кончик хвоста, поигрывая им и глядя на меня снизу вверх. — Ты чашку чинги-то себе сварить не всегда можешь, сисадда? Ладно, не закипай… Рассказывайте, что тут у вас происходит… что нужным посчитаете, конечно. Ну и что вообще намерены делать *дальше*?

Самка осмотрела нору. Долго, многозначительно и

красноречиво. Мол, если уж ты, дурашка Ланс, снова здесь спрятался, да ещё и с новой подружкой, значит, причины есть. И весьма весомые. А затем уставилась на Ч'айю — мимо меня, внимательно, буквально вкручиваясь взглядом, почти не скрывая надменности и желчи.

Та, впрочем, в нахальстве не отставала, изучая чу-ха смело, открыто, оценивающе и не очень-то дружелюбно. И тоже мимо меня, будто из стекла был сделан…

— Кхм… — Я отступил, будто ударная волна от столкновения встречных взглядов могла оплавить любимое пальто. — Долгосрочных планов мы… *я* пока не строил, есть куда более… экстренные вопросы. В общем, одна просьба, Сапфир… Пока невозможно вывести Ч'айю в открытый мир… А у меня в нём есть дела. Довольно важные. И срочные, сисадда?

— Что-то важнее *этого*? — хмыкнула синешкурка.

При этом не кивала на Ч'айю, не указывала когтем, не обводила убежище жестом, но всё было понятно без лишних слов. У девушки вспыхнули щёки, на лбу снова обозначилась запятая морщины, но она смиренно проглотила обидный ответ.

— Так вышло, — признал я, стремительно теряя командирский напор. — Но клянусь — как только разберусь с текущими делами, тебя больше не потревожу! Никогда!

— Клянёшься? — Сапфир снова улыбнулась, наконец перестала сканировать девчонку и прищурилась мне в лицо. — Вот так новость… Ладно, Малыш. Чего ты хочешь? Чтобы я поработала сиделкой для твоей новой игрушки?

Ч'айя приподнялась с табурета. Напружиненная, мускулистая и узкая, будто стилет; похожая на себя ночную, не дававшую мне покоя.

— Придержи-ка хвост, подруга, — сквозь зубы прошептала она, и мне пришлось снова выдвинуться на середину комнаты. — Я доверяю Лансу и не хочу ссор с тобой, но если ты настроена унижа…

— Хватит!

На этот раз у меня получился не крик, но стон отчаянья. Обе обмякли, обе посмотрели на моё усталое лицо, обе опустились на прежние места.

Хотелось взвыть. Хотелось отмотать время назад и не призывать когда-то милую Сапфир в тайную подвальную нору.

Да, призна**ю**, может это и была не самая лучшая идея, но что оставалось?! Снова запирать девчонку, будто в клетке? Или, быть может, отвезти в Нарост? Тогда уж проще было сразу сдать сюрприз Хадекина Смиренным Прислужникам…

Я прочистил горло. Как мог — прочистил мысли. И сказал со

всей искренностью и прямотой, на какие был способен в этой непростой ситуации:

— Поймите обе. Вон там, за этой хлипкой дверцей, меня ждут неприятности. И не то, чтобы я радостно стремился на встречу с ними. Более того, я бы охотно пропустил это свидание. Но выбора у меня нет. Сисадда? Поэтому могу я рассчитывать, что вы обе хотя бы попытаетесь соблюсти приличия, выдержать несколько часов мира и не грызться по мелочам?

Повернулся к Сапфир, ожидая, в том числе, что сейчас верная помощница плюнет мне под ноги и покинет подвал.

— Ладно… — вдруг протянула та, заставив мои плечи обмякнуть. Казалось, она и правда выглядела пристыженной и даже чуть виноватой. — Верно подмечено, Малыш, приличия… я буду держать себя в лапах. И, конечно, помогу.

Благодарно улыбнувшись Сапфир, я обернулся к девушке:

— Ч'айя?

— Договорились. — Та сухо кивнула, не расцепляя скрещённых на груди рук. — Постараюсь быть паинькой. Но только если меня не станут поддевать.

— Значит, мир? — чуть сильнее надавил я.

— Мир.

И девушка встала, протягивая Сапфир узкую раскрытую ладонь. Что ж, весьма отважно. Сам я впервые рискнул по доброй воле прикоснуться к чу-ха лишь спустя пару недель проживания у Стиб-Уиирта…

Синешкурка поднялась навстречу и крепко пожала протянутую руку, мимолётно задержав, чтобы рассмотреть ногти Ч'айи, не похожие ни на мои, ни на её собственные.

— Вот и славно!

Я не врал — мне действительно полегчало. Если, конечно, не задумываться о варианте, что меня обманули, и за время отсутствия девчоночки не пошинкуют друг дружку на куски.

— Сейчас я уеду, — сказал я осторожно, будто Сапфир могла передумать, — всего на пару часов. Возможно, до вечера. Но к девяти точно вернусь. Детка, ты позаботишься, чтобы Ч'айя не попала в беду, была сыта и отдохнула?

Та снова прищурилась. Весь её вид кричал, насколько помощницу подмывает вновь съязвить про сиделку, но вместо этого:

— Я всё сделаю, не переживай. — Затем, вздёрнув подбородок в сторону Ч'айи: — Ты же не против, если я за тобой немного пригляжу?

— А у меня есть выбор? — Бровь девушки презрительно изогнулась, но злоба из голоса утекла. — Уверена, мы отлично

проведём время.

— Ч'айя, умоляю, прости! — Я был готов провалиться на следующий ярус подвала. — Выбора и правда нет, это очень важно… Но затем я весь твой!

На меня посмотрели обе. Обе одинаково внимательно и немного странно. Байши, мне определённо стоит научиться подбирать слова…

— Детка, я возьму фаэтон?

Ч'айя вскинулась, словно хотела повторить угрозу не называть её деткой, но через мгновение смекнула, что обращались вовсе не к ней. И ураганно покраснела.

— Конечно, бери, — отмахнулась Сапфир, чудом не заметив неловкости. — Сдаётся, до твоего возвращения я всё одно накрепко привязана к комплеблоку. Куда двинешь?

Я задумчиво хмыкнул.

Конечно, можно было сознаться подруге, что детального плана у меня пока нет… а чудесный пропуск-юнму госпожи фер вис Фиитчи так и подмывает затеряться в одном из самых приметных мест Юдайна-Сити, где если на хвост и присядет пара блох, то их удастся очень легко вычислить… Но можно было и не сознаваться.

— Чинанда-Кси, — с деланной небрежностью сказал я, — помнишь недавнюю гостью? Есть пара мыслей по делу, хочу проверить и обдумать.

Сапфир лукаво прищурилась, заставив уточнить:

— Ты чего?

— Ничего, — она загадочно улыбнулась. — Значит, Ланс фер Скичира взял-таки заказ скромницы-вистар? В чём суть?

— Семейные дрязги… Расскажу, когда закончу, и мы сможем без спешки распить примирительную бутыль, хао? А сейчас мне в самом деле пора… — Я замер, в последний момент недоверчиво посмотрев на обеих: — Вы точно обещаете не ссориться?

Чу-ха и человек кивнули одновременно, чуть устало и чуть тоскливо. Вздохнув и мимолётно помолившись Когане Но (а что мне ещё оставалось?), я начал собираться в путь…

И уже через полтора часа был в шикарном Тинкернальте, который… снова удивил? Впечатлил? Заставил скрежетать зубами от зависти? Пожалуй, всё сразу…

п.3.; г.7; ч.2

Что скрывать? Контраст с Бонжуром оказался просто оглушительным.

Вместо угловатых комплеблоков (боязливо сгрудившихся и болезненно-пёстрых от рекламы) старенький фаэтон Сапфир окружали красивые, чинные двух и трёхэтажные домики из безупречно-однотонного кирпича. Вместо миллиардов спутанных проводов над улицами висели ровные нитки гирлянд и районных вымпелов.

После бесконечного хаоса западных районов гнезда казалось, что я вырвался из мрачных горных ущелий на вольный простор, чистый и полный воздуха, с куда более светлым и голубым небом над головой.

Конечно, с момента моего последнего визита в благопристойные районы контраст успел подзапылиться, причём настолько, что поначалу даже не верилось — вот, оказывается, каким бывает Юдайна-Сити, только лапу протяни!

О существовании тёмных переулков и гигантских мерцающих фасадов, о миллионах забивавших проспекты гендо и перманентной тревоге любого из жителей напоминали лишь силуэты высоток, частоколом окружавших оазис благополучия на весьма почтительном удалении. Интересно, а местные обитатели вообще знали, что прямо под ними существует чудовищная Такакхана?..

Дороги, тротуары и даже зоны для раздельного сбора мусора выглядели так, будто их только что отмыли, причём предельно кропотливо. Самые современные мачты силовых коридоров казались стильными произведениями искусства. Пузыри ветростатов и не думали загораживать прозрачную высоту небосклона.

Лужайки зеленели идеально подстриженной травой, в которой прятались автоматические поливалки. Над каждым перекрёстком кружила пара неизменных дистант-пилотных наблюдателей из управления тетронов и местной службы безопасности.

Над каналом Трёх Желаний я снизился и опустил транспорт на гладь дороги. Не без восхищения насладился видами водной артерии, степенной и незамутнённой, как если бы её вычищали каждое утро.

В этом уголке безмятежности и покоя (разумеется, стоившего обитателям нереальных денег) моя «Барру» казалась чужеродной и даже опасной, заставляя неспешно прогуливающихся по

набережным вистар провожать старый фаэтон подозрительными взглядами…

Как и предполагалось, упорядоченное благолепие Тинкернальта помогло с лёгкостью определить, что за мной не следят. Одно дело, скрываться в непредсказуемых уличных потоках знакомых районов, и совсем другое — преследовать цель на полупустых проспектах респектабельного восточного, где и гендо-то не встречались.

После ухабов, выбоин, трещин и откровенных ям на дорогах Бонжура, местное полотно казалось идеальным, а от плавности хода фаэтона даже клонило в сон. Стараясь выдерживать предписанный скоростной режим, я медленно катил по району, время от времени справляясь с системой навигации.

На одном из светофоров мной всё же заинтересовались — в поле зрения опустился и завис перед «Барру» плоский беспилотник со знакомой эмблемой законников. Запоздало выдернув из внутреннего кармана, я торопливо подоткнул к передней панели бриллиантовую карточку Чинанды-Кси.

Считав данные, аппарат бесшумно исчез из виду…

Дом семейства фер вис Фиитчи без труда нашёлся в самой глубине района — на основном холме Тинкернальта. Трёхэтажный, выложенный из гармоничного сочетания терракотовых и песчаных кирпичей, с витыми колоннами, полукруглыми дверными проёмами, широким крыльцом и нарочито-старинной черепицей на крышах со вздёрнутыми углами. Особняк окружали декоративный забор с невидимым сигнальным барьером и парк, уважительно дистанцирующий его от аналогично-прекрасных соседских построек.

Остановив «Барру» у воротной консоли, я ненадолго задумался, но почти сразу решил не прибегать к переговорам и поставить небольшой эксперимент. Чиркнул пропуском по пазам, с довольной улыбкой наблюдая, как послушно открываются двустворчатые ворота. И медленно повёл фаэтон к крыльцу.

План у меня всё ещё был едва ли. Намётки, обрывки, общие направления предстоящего разговора, но не более того. Кроме прочего в голове кипело безумство наслоений — привычная «музыка улиц» накладывалась на опасения за Ч’айю; те, в свою очередь, на странные уговоры Шири-Кегареты.

Всё это мыслительное буйство не способствовало концентрации внимания, но в обиде я не был. Не для финального отчёта прибыл, а пополнить информационный багаж, так что…

Оставив транспорт на подъездной площадке, я ещё раз осмотрел особняк вблизи; вынув «Молот», спрятал оружие в выдвижном ящике под панелью управления — ни к чему сводить

с ума системы безопасности госпожи Фиитчи.

Выбравшись наружу и обстоятельно размяв ноги, как ни в чём не бывало двинулся к дверям. На пороге которых меня уже поджидали встревоженные самец и самка в белых одеждах слуг и с алыми траурными лентами в петлицах.

— Что тебе угодно?! — высоким голосом выпалил слуга, поднимая лапу в бежевой перчатке. Он почти не скрывал презрения и страха.

Вздохнув, я лениво помахал бриллиантовой карточкой, чтобы её точно зафиксировали системы наблюдения дома, и начал неторопливо подниматься по широким ступеням крыльца. Байши, да их тут было не меньше дюжины!

— С глазу на глаз поговорить с госпожой Чинандой-Кси фер вис Фиитчи, разумеется.

— Госпожа в отъезде, — за чинным кивком привратника я различил оттенки нервозности.

Вот же гадство…

— Её уважаемая сестра тоже, — поддакнула молодая самочка в белом тюрбане.

— Равно как и кто-либо из семейства, коему мы имеем честь служить… — скороговоркой выпалил нервный, отступая внутрь и начиная закрывать дверь.

Я оборвал его, надвинулся и снова отгородился чудесным блестящим пропуском:

— Это не проблема!

На самом деле, конечно, это могло стать проблемой. Уже через минуту. А если они ещё и вызвали районную службу безопасности… Но я постараюсь предотвратить.

— В таком случае, придётся работать в отсутствие ваших *хозяев*, — ударения на последнем слове можно было и не делать, но я не смог отказать себе в удовольствии. — Чинанда-Кси лично обратилась к моим услугам. Предоставила самые широкие полномочия. Поэтому прошу немедленно сопроводить в крыло семейства.

Слуги переглянулись. Их уши подрагивали, и было бы странно винить услужливую парочку за это проявление нерешительности. Впрочем, дверь перед носом больше никто закрыть не пытался, и я чуть усилил давление.

— Ведь нам троим не нужны неприятности за неисполнение профессиональных обязанностей, сисадда?

Они, конечно, не смекнули. И были очень даже против моего присутствия, несмотря на обещанные неприятности. Мучительно перебарывая страх, парочка осталась неподвижной и по-прежнему перегораживала путь.

— Мы не имеем права, — мужественно выдавил самец, но лапу всё же опустил, — крыло опечатано нюхачами тетронов…

Сделав ещё один крохотный шажок к слугам, я неторопливо спрятал пропуск в пальто. Спросил прямо, без давления или потаённых намёков в голосе:

— Вам известно моё имя?

Оба тут же кивнули. Судорожно, коротко и мелко, будто получили подзатыльники. Ага, отлично, улица шепчет. Что, в целом, весьма логично: полы в шикарных трёхэтажных норах намывают отнюдь не выходцы из Тинкернальта…

— Тогда вы *точно* не хотите неприятностей, — улыбнулся я, нагло шагая в узкую щель между чу-ха. — Поэтому сейчас я войду, осмотрюсь, тихонечко сделаю свою работу и уйду. А вы пока по всем правилам доложите о моём самоуправстве госпоже фер вис Фиитчи. Или обеим госпожам, если угодно. Теперь сисадда?

И я протиснулся сквозь слуг (оба боязливо подались в стороны, и не подумав схватить, словно имели дело с заразным животным), через мгновение оказавшись внутри. Что ж, такое отношение сейчас мне даже на руку…

За спиной закрылась дверь. По начищенным матовым доскам забарабанила дробь мелких шажков преследования. Обернувшись, я обнаружил, что самка исчезла, а вот её напарник прилепился ко мне на самое близкое из возможных и брезгливо-допустимых расстояний.

Изогнув бровь, я спросил его взглядом.

Тот вздохнул и повёл на второй этаж.

Излишне говорить, что внутри нора семейства Фиитчи выглядела ничуть не хуже, беднее или скромнее внешнего вида. По широкой лестнице с шершавыми ступенями мы поднялись этажом выше, провожаемые взглядами с портретов — солидные круглощёкие вистар (вероятно, предки усопшего Нурсета) надменно топорщили усы и были определённо не рады жалкому Бледношкурому в старинном родовом гнезде…

В просторном овальном холле с колоннадой по периметру Нервный остановился. Отрывисто указал в правое крыло, сам, впрочем, не делая и попытки отправиться дальше.

— Ни у кого нет права входить в семейные ответвления норы без личного присутствия старших господ, — важно уведомил он, словно ожидая от меня раболепного ужаса и мгновенного отказа от оскорбительной задумки. — С учётом того, что я более не способен провожать вас…

Вход в крыло не был перекрыт. Ни барьеров, ни портьер, ни датчиков движения. Лишь едва различимо иной оттенок паркета

на границе овального холла… и десятки свето-струнных маркеров, оставленных тетронами там, где им что-то показалось подозрительным — следы на полу, отпечатки на дверных косяках, шифрованные пометки нюхачей…

— Поверь, пунчи, я разберусь и без помощника!

Я дружелюбно улыбнулся и решительно перешагнул невидимую черту, отделявшую мир поломоек от сакрально-полутёмной сердцевины особняка.

Слуга пискнул, поджал лапы и уши, присел на хвост, но возразить (и, тем более, попытаться остановить меня) не посмел. Больше не оборачиваясь на бедолагу, я двинулся по широкому коридору крыла и попытался ещё раз настроиться на рабочий ритм.

А что, собственно, я хотел обнаружить?

Выцарапанный на стене автограф убийцы? Спрятанное завещание с прощальной запиской самоубийцы? Самого господина Нурсета в добром здравии, инсценировавшего уход по причинам делового характера?

Подняв «болтушку» и задумчиво пересыпая рабочие материалы из одной стопки в другую, я медленно шагал вдоль закрытых дверей…

Наверное, в другой день мне бы удалось высоко оценить убранство покоев семейства Фиитчи. Красивые стенные панели, портьеры, религиозную мазню с видами пустыни, мебель и искривлённые дорогущие статуэтки, испускающие такие коктейли авторских запахов, что меня начинало подташнивать.

Увы, сейчас я не считывал ничего лишнего — только маркеры «полосатых рубашек», прочерченные по полу нюхотрассы, которыми домочадцы сновали из одной комнаты в другую, и безмолвное опустошение.

Сверяясь с гаппи, сверил расположение нескольких камер наблюдения.

Обнаружил рабочий кабинет Нурсета, сунул голову через порог — огромный, втрое больше моей основной норы в «Куске угля». Внутри, конечно же, средств слежения нет… Обошёл коридор, выискивая скрытые камеры (ну вдруг?). Не спеша, почти не ускоряя записей, отсмотрел полученные данные, сам вставая на нужный ракурс съёмки.

Попытался представить, заглянуть в недавнее прошлое богатой норы, нащупать что-то интересное и наверняка упущенное. Несколько раз старательно прошёл коридор из конца в конец, убедившись в отсутствии «слепых пятен».

Снова включил записи.

Вот утро последних суток жизни Нурсета. Вот сам он, в

шикарном домашнем халате, медленно идёт разбираться с почтой и рабочими данными — вальяжный, неторопливый, но отнюдь не жирный.

Вот слуги, только в его присутствии входящие в кабинет для лёгкой уборки. Ускользают минут через десять, молча и склонив головы. Далее на протяжении нескольких часов на записи совершенно пустой коридор; ни тени, лишь пару раз проползает вдоль стен автоматический пылесборник. Вероятно, еду господину доставляют (доставляли) специальным лифтом внутри кабинета.

Ускорение…

Вот днём в кабинет супруга заплывает Чинанда-Кси. Вот покидает его через 22 минуты, плавная, привычно скупая на жесты, умиротворённая, даже в норе носящая псевдобалахон кочевых стай.

Вот ближе к вечеру туда входит Аширна. Одета скромно, но явно для выхода в свет. Замедление записи, сверка со временем в отчётах расследования. В «Колесе» она говорила, что злосчастный вечер провела на боях в «Загоне».

Вот через 31 минуту предполагаемая убийца покидает кабинет. Ничего необычного, идёт к выходу из крыла… (*я сделал пометку в рабочих материалах: ещё раз расспросить Аширну о последнем разговоре с мужем сестры*). До предполагаемого времени смерти ещё несколько часов. Сам Нурсет не появляется…

Поставив запись на паузу, я зашёл в огромную комнату, где покойник провёл последние минуты своей обеспеченной жизни. Внимательно изучил здоровенный стол (куда больше и богаче того, за которым привык править Нискирич), удобное хозяйское кресло, мощнейшую консоль и добротный клавиатон, свето-струнный проектор. Затем внутренние помещения для отдыха и гигиенических процедур, нереально функциональный пищевой комбайн, на одних запасах которого можно продержаться неделю; лифт для доставки продуктов, слишком тесный даже для тщедушного хатьяра.

Всю технику тоже пометили светящимися маркерами расследования, как и кресло, подоконники, внутренние двери и гостевые кресла…

Специальный постамент у окна венчался огромной клеткой для дрессированных мышей, сейчас опустошённой. Рядом на красивой резной тумбе стоял припыленный поднос для пузатых бокалов и традиционной бутыли, не так давно переехавших в лаборатории «полосатых рубашек».

Покинув кабинет, я снова принялся листать «болтушку».

Вот ближе к утру (три-четыре часа после предполагаемого

времени смерти) по тёмному коридору крыла со стороны лестницы идёт Чинанда-Кси. Вероятно, возвращаясь со всенощной службы в храме «Созидательного Отрицания» (*на допросе Подмастерья подтвердили её присутствие, но я пометил себе лично переговорить со служителями Стаи*). Она видит свет за дверью и заглядывает пожурить супруга, что засиделся за работой, совсем себя не бережёт, и вообще давно пора видеть сны.

Вот она выбегает.

Замедление записи.

Пасть вдовы открыта, глаза распахнуты, уши прижаты, а когти царапают пустоту. Запись беззвучна, но я догадываюсь, как госпожа Фиитчи зовёт прислугу, молит о помощи, причитает и молится (наверняка).

Вот она поднимает гаппи, тот самый, похожий на каменный браслет; вот кого-то вызывает, вероятнее всего, семейного врача или тетронов. Сверка с отчётом: и тех, и других, время совпадает. Вистар стоит почти на том же месте, где сейчас я, у стены с крючковатыми пометками бдительных нюхачей…

Опустив «болтушку», я задумчиво потёр лоб другой рукой.

Ещё раз осмотрелся, стараясь расфокусировать взгляд и ухватить нечто, неприметное до этого момента. Выругался. Захотел глотнуть паймы, но под наблюдением слуг решил не рисковать.

Всё совпадало — рассказ заказчицы, отчёты тупомордых, реальное расположение точек наблюдения, отсутствие пробелов в системе защиты и сколь-нибудь подозрительных деталей.

Ни следов взлома снаружи, ни доказательств засады в небольшой рабочей спальне или душевой внутри кабинета. Замки целы, как и оконные. Следов манипулирования с записями камер не обнаружено…

В голове снова заиграли визгливые аккорды духовых, отчётливо-медных, пронзительно-тоскливых. Я поморщился и медленно направился к лестнице.

Остановился, отступил в «мёртвую зону», где меня не могла слышать прислуга, и вызвал Сапфир. Наверное, можно было подождать до выхода на улицу, но, признаюсь откровенно, меня основательно распирало.

— Ну что там?!

— Переживаешь?

Сапфир благоразумно не уточняла, но я был готов поклясться, что она улыбается.

— А есть причины?

— Нет, господин Скичира, не накручивайте усы. — И чуть понизив голос, изрядно повеселевший с нашей последней

встречи: — Знаешь, Малыш, а твоя новая подружка может оказаться лучше, чем я решила сгоряча…

И не успел я удивиться, уточнить или добавить:

— Хватит переживать. У нас всё под контролем, сисадда? Заканчивай свои дела и поскорее возвращайся.

Что тут сказать? Наверное, на сердце у меня немного отлегло, ведь не станет же Сапфир откровенно врать, если в подвале «Куска» что-то пошло не так? Нет, точно не станет…

Полистав списки гаппи, я с сомнением уставился на ячейку Моноспектральной Чапати. Покусал губу, бросил вызов.

Ответили с помехами и далеко не сразу, заставив понервничать, а не передумала ли мицелистка, решившись расторгнуть уговор… Но ответили:

— Терюнаши? — Безжизненный, почти бесполый голос металлическим эхом разлетелся по моей черепной коробке.

Я невзначай отвернулся от камер, чтобы не дарить обитателям особняка даже призрачной возможности прочитать разговор по губам. Говорил негромко, то и дело поглядывая в сторону лестницы.

— Куо-куо, Моноспектральная. Не отвлекаю от сенсационных разоблачений?

— Отвлекаешь. Есть, что сказать, Ланс?

— Хотел задать этот вопрос тебе. Я сейчас в самой гуще расследования. Было бы недурно восполнить пробелы… тебе удалось что-то разнюхать?

Она снова помолчала, словно взвешивая, сколь многим готова поделиться.

— Не очень-то много, — наконец ответил искажённый помехами голос. — Первичный анализ позволил установить, что завещание поделит наследство вполне справедливо, если подобный термин вообще применим к вистар. Среди родственников покойного нет тех, кто был бы неоправданно обделён или затаил бы злобу…

— А Аширна? — осторожно ввернул я, стараясь не выдать лишнего.

— Сестра вдовы? — сразу заинтересовалась Моноспектральная. До меня доносился лишь перестук когтя, которым мицелистка пощёлкивала по выемкам консольного клавиатона. — Если мои источники не врут, ей достаётся немалая часть. Хм… если уж на то пошло, Аширна получит чуть больше, чем Чинанда-Кси фер вис Фиитчи.

Вероятно, я хмыкнул. Или ещё каким-то образом проявил непрошенные эмоции, потому что Чапати тут же отреагировала:

— Учуял след?

— Пока не скажу… — Я мысленно выругался и постарался уточнить как можно равнодушнее: — У тебя есть объяснения именно такой делёжке?

— Едва ли… по обрывкам данных о прошлом семейства, почти восемнадцать лет назад именно Аширна свела сестру с будущим мужем, аккурат после его второго развода. Быть может, так Нурсет собирался её отблагодарить? Так сказать, за подарок света всей своей окончательной жизни, сисадда?

Байши… пока я не был готов сказать, помогает ли мне свежеоткопанная новость или лишь усложняет ситуацию…

— Что-то ещё?

— Да, совсем немного, — пролязгала Чапати в моей голове, заставив насторожиться. — Буквально крохи, но заполученный мной факт довольно быстро вымарали из всех тетронских отчётов. Вероятнее всего, это сделано кем-то из родственников, но Чапати удалось схватиться за пару увиливающих хвостов…

— Ты правда умеешь привлекать внимание. Продолжай.

— В общем, в первых протоколах нюхачей сообщалось, что Нурсет фер вис Фиитчи трахался незадолго до смерти.

— Вийо?! — машинально переспросил я, вдруг ощутив прилив пока необъяснимого азарта.

— Ланс, ты что, детёныш? Трахался, понимаешь? Совал под хвост, макал змею. Оприходовал кого-то, причём пол партнёра указан не был… Или тебе показать значение термина в свето-струнных слепках?

Я покривился, пропустив сарказм мимо ушей.

— Не стоит, общее представление имею. Это всё, что ты нарыла?

— Допустим, пока да. Чапати помогла?

— Вполне возможно…

— Тогда что насчёт обещанного разговора?

— Я помню данное обещание, Чапати. Но этот разговор состоится чуть позже.

— Не играй с Чапати, пунчи, — в заушнике лязгнуло, и я не сразу распознал, что таким образом деформатор голоса передал мне смешок прокламаторши. — У тебя неделя, сисадда? А потом Чапати расстроится. Ведь ты не хочешь расстраивать её? Говорят, эта сука умеет быть очень мстительной…

Я улыбнулся, представив в поле виртуального зрения ещё одну надоедливую мстительную суку. Сказал как можно мягче, но уверенно и дружелюбно:

— Никаких расстройств, Чапати. Мицелиум. Ты и я, честный разговор. Наберись терпения.

И разорвал вызов.

Неделя… что ж, придётся управиться, хотя перспективы казались вполне реалистичными. Впрочем, в условиях этой бесконечной гонки в неизвестном направлении семь дней покажутся нам обоим настоящей вечностью…

Спрятав гаппи под рукавом, я неторопливо спустился по лестнице.

Нервный в белом костюме терпеливо ждал на площадке между этажами. Услышав шаги, тут же дёрнулся навстречу, принюхавшись и осмотрев так жадно, словно ожидал увидеть фамильные драгоценности, пучками выпирающие из карманов моего пальто.

Небрежно поблагодарив и столь же небрежно помахав запуганным слугам (ещё двое боязливо выглядывали из гостиной первого этажа), я вышел на шикарное крыльцо. Если бы взгляды в спину могли физически давить на плечи, по ступеням мне бы пришлось спускаться на четвереньках…

Фаэтон Сапфир на подъездной дорожке смотрелся, как винное пятно на новенькой зелёной штанине. Скрипнув дверцей, я скользнул в кресло управления, вернул башер в кобуру на боку и повёл «Барру» к воротам, постаравшись не сбить украшавшие аллею вазоны. Кованые створки за мной закрывались так поспешно, словно незваный гость мог передумать и дать задний ход…

Неспешно покружив по уютным улочкам Тинкернальта, я завёл фаэтон в пустой парковочный рукав под пятёркой самых настоящих деревьев. По приборной панели приятно скользили изменчивые тени густой кинжаловидной листвы.

Увы, поездка на место гибели Нурсета едва ли принесла мне много нового.

Как и поиски Моноспектральной Чапати.

Да, перебравший яда вистар был не прочь даже на склоне лет удариться в постельную пляску, но кого из богачей этим удивить? Да, он обманывал супругу, и время от времени приходовал её сестричку, в чём та до сих пор раскаивается. А вот почему Чинанда-Кси не сообщила мне об этом факте, вопрос совсем иной… А может, вдова не знает и сама?

Расстегнув жилет, я откинулся на спинку кресла и поёрзал, как можно удобнее устраиваясь в мягкой чаше, рассчитанной на широкие задницы чу-ха. Нужно всё взвесить, обдумать, простроить следующие вопросы для Аширны и её благочестивой сестрицы.

Я прикрыл глаза, представляя себе действующие фигуры в виде игральных костяшек моннго. Вот Нурсет, вот его многочисленная родня, вот Чапати и даже Ланс фер Скичира

собственной персоной.

Вообще-то подобная визуализация событий — не мой козырь, мне куда привычнее отыскивать правду в задушевных разговорах с применением «низкого писка». Но сейчас было важно понять, как именно этот самый разговор выстраивать. И с кем…

Перед глазами появилась ещё одна костяшка. Слуга в строгом белом костюме — обнюхивающий мои карманы Нервный. Хм… А почему я сразу не подумал о прислуге? Незримой, неприметной, вездесущей и весьма злопамятной, как и любой чу-ха вне зависимости от статуса или уровня достатка…

Мог кто-то из верных слуг богатой норы Фиитчи измазать любимый бокал в присутствии хозяина? Незаметно и быстро, каким-то образом, скажем, заставив Нурсета отвлечься или потерять наблюдательность? Или вовсе выпроводив из кабинета на пару минут. Например, вынудив пойти подмываться после жаркой случки?

Пожалуй, да. Причём как самка, так и самец.

Почему в роковую ночь Нурсет был должен поиметь именно Аширну? Почему не кого-то ещё, до нужного момента скрывавшегося, предположим, во вспомогательных комнатках кабинета?

Значит, следующим шагом должно стать осторожное выведывание предпочтений погибшего вистар у его безутешной вдовы… Не самая простая вырисовывалась работёнка, ведь вводить ради такого в транс казалось сущим кощунством даже мне.

Вздохнув, я вынул флягу. Задумчиво наблюдая за пляской теней, сделал глоток паймы. Побарабанил пальцами по панели управления и привычно покрутил колечко названной сестры.

Несмотря на терпение и выдержку, с которыми я воспринимал жизнь в Тиаме, иногда мне самым отчаянным образом не хватало друга или надёжного напарника, которому можно довериться и всё обсудить. Спросить совета. Выложить умозаключения, пусть даже путаные и бестолковые. В конце концов, услышать наводящий вопрос или глупую догадку, способную хоть косвенно подтолкнуть к цели.

Раньше я пытался проворачивать подобное с Аммой, Щупом, Зикро или Сапфир, но…

Первая стремительно взрослела, отдаляясь с каждым днём; да и единственный за полгода разговор с просьбой занять крупную сумму проявлением дружбы способен назвать только полнейший ублюдок.

Второй, при всём радушии, держал уважительную дистанцию, и виновата в ней была не только глубина обеденной стойки.

Третий, кажется, после известных событий на полном серьёзе спятил. А синешкурка в последнее время всё чаще давала понять, что по усы завалена собственными делами, и вовсе не нанималась помогать…

Конечно, кроме этого в моей голове также обитало некое множество компенсирующих одиночество «виртуалансов». Но эти умники чаще до хрипа спорили по мелочам, чем советовали. А воплотись хоть один из них в реальности, дело и вовсе могло бы дойти до потасовки. Да, пожалуй… Может быть, даже с использованием кастетов…

Взгляд скользнул над панелью и вдоль капота «Барру», выше, за деревья с узкими листьями, затем на газон, где возвышалась хромированная мачта с хищными гроздьями уличных камер наблюдения. В отличие от Бонжура, здесь они оставались целёхонькими, как только что с фабрики.

— Ты ведь наверняка наблюдаешь? — я скривился, на всякий случай показав в окно оттопыренный мизинец. — Извращуга…

Да, *он* наверняка наблюдал, отвлекая от работы, не давая сосредоточиться, вынуждая ежесекундно ощущать себя под плотным прозрачным колпаком, рядом с которым слежка «Лотоса» — безобидный зуд.

Ещё сильнее обмякнув в кресле, я придвинул бортовую консоль. Вколотил в неё ряд отважных поисковых запросов (пришлось воспользоваться грязной хаси, которых в избытке скопилось под сиденьями). В голове легонько шумела пайма, тени деревьев навевали сонливость.

Бесстрашно нырнув в результаты поиска, я принялся пересыпать информационные сводки и любительские базы данных (разумеется, среди них нашлась и «Ломкая горечь»). Ха, Господин Киликили наверняка будет удивлён, насколько запоздало его жалкий шантажист решился изучить вопрос…

В легендах крупных казоку фер Шири-Кегарета считался выходцем из южных геджеконду, начинавшим на самых жалких ролях, но жестокостью и упорством добившимся личного расположения тогдашнего казоку-хетто. Которому в итоге даже спас жизнь, после этого вполне легитимно (но не без сопротивления ряда Когтей) получив клан в наследство.

Хм… Можно было спорить на любую сумму, что непосредственных свидетелей того героического события Тиам никогда не носил. Равно как и тех, кто в одной бригаде с молодым босолапым Киликили обчищал торговые контейнеры Гариб-базара…

До Карпа «Уроборос-гуми» правил жирный болезненный чуха, тот самый «спасённый», которого ласково величали

Лежебокой. За что? Разумеется, за стиль управления, нежелание принимать гостей и якобы стеснительность относительно внешнего вида. Власть ему была передана по канонам, на крупной сходке руководства, и мне хватало воображения, чтобы, с учётом накопленных джинкина-там ресурсов, в красках представить и это…

До Лежебоки клан возглавлял Узел Девяти, лишь один из членов которого был настоящим чу-ха, а остальные являлись безупречно сконструированными кукуга, оберегавшими казоку-хетто от возможного покушения. Нетрудно предположить, что даже подорви враг всю Девятку, «настоящего» правителя он бы достать не смог…

До Узла мощь «Уроборос-гуми» укрепляла Белая Тень, в те годы единственная самка на троне мощнейшей казоку центральных районов. Естественно, являвшая себя лишь избранным поверенным да многочисленным любовникам, тотально не переживавшим сладострастных свиданий…

Четыре десятка лет назад. Семь. Сотню лет. Две сотни…

Отшельник, слегка подвинутый на служении Благодетельной Когане Но; Близнецы За Ширмой, отдававшие приказы только в письменной форме; Полуногий, правивший казоку из бункера в сердце Такакханы…

Чем глубже я зарывался в прошлое Юдайна-Сити, тем меньше становилось достоверных данных. Но картина и без того проступала явственная до предела: свето-струнная тварь очень давно закрепилась в мозгах казоку, ловко меняя марионеток-хетто и превратившись в неуловимого дистант-пилота.

Я снова вспомнил бессвязную речь напуганного до икоты Зикро. Будто заново ощутил мощь преступной дзайбацу, выстраиваемой не первое столетие. Прокрутил в памяти недавние слова Песчаного Карпа, что пожелай он — и мне уже давно не жить.

Снова глотнул паймы и позволил затылку коснуться спинки кресла.

А потом… буду откровенен, усталость и ночной недосып дали знать о себе с такой сокрушительной внезапностью, что ещё через минуту раздумий о силе и коварстве джи-там я провалился в совершенно непозволительный сон.

Глава 8
ТАНЦУЯ МЕЖДУ КОСТРАМИ

Пробуждение наступило рывком, тревожное, заставившее непроизвольно потянуться к рукояти башера. Хлопая слипшимися ресницами, я попытался понять, не показалось ли? Затуманенное сознание торопливо избавлялось от обрывков сна, в котором я почти наткнулся на разгадку…

Новый *«бумс»* в задний бампер фаэтона доказал, что первый удар приснившимся не был.

Расстегнув кобуру, я неспешно выбрался из «Барру». Не без удивления уставился на стайку детишек, сгрудившихся метрах в десяти за кормой моего старенького транспорта. Тени от деревьев сместились, усилившийся ветер разогнал низкие облака, поливая Юдайна-Сити лучами беззаботного солнца.

Трое юных самцов и две самочки носили опрятные одинаковые пиджаки с вычурными эмблемами местной школы на лацканах. Скаля зубы, они откровенно потешались над ржавым ведром Сапфир, смеясь пискливо и гадко.

Самый мелкий держал в руках очередной камень, которым так и не успел запустить. Заметив меня, поганец и не подумал избавиться от орудия. И даже демонстративно покачал в лапе, будто раздумывая, не швырнуть ли в рожу бледношкурого уродца.

Я медленно обошёл фаэтон, изучил свежую вмятину на багажнике. Покачав головой, сделал несколько уверенных шагов к писклявой банде. К моему удивлению, они даже не попытались сбежать.

— И что же такое, засранцы, вы делаете? — спросил я, красноречиво качнув подбородком на камень в когтях парнишки.

Они захихикали ещё громче. На секунду мне даже показалось, что подростки вообще не удостоят меня ответом, а в «Барру» полетит-таки третий булыжник. Но тут одна из самок оскалилась, сверкнув яркими камешками в проволочной сетке для выравнивания прикуса:

— А какого *уя такой урод, как ты, да ещё на такой уродливой железяке, как эта, делает в *нашем* районе?!

Скажу честно, я немало опешил. И даже не от услышанной брани, а от очередного осознания, насколько чу-ха (любого возраста) любят делить территорию. А ещё самих себя — на своих и чужих, опасных и дружественных, равных и низших. Что ж, это у них в крови. Особенно у молодой, привыкшей к богатой безнаказанности п **о** росли Тинкернальта… Этому же крысы

научили и пасынка Нискирича фер Скичиры…

— А вот это, малыши, уже не ваше дело, — спокойно улыбнулся я.

Камнеметатель приподнял лапу, но мой указательный палец тут же вскинулся в мягком предупреждающем жесте. Сопляк замер. Полы пальто разошлись, приоткрыв рукоятку «Молота».

— Проваливай, страшила! — тонко пискнула всё та же самка. — Убирайся с наших улиц, пока мы не сообщили тетронам!

— Или родителям! — поддакнула её подружка, не очень-то умело плюнув в мою сторону.

— А они вызовут службу охраны посёлка! — с угрозой добавил стоящий поодаль парнишка.

Я вздохнул. Стянул перчатки и устало помассировал загривок. А затем сказал достаточно громко, чтобы услышали все пятеро:

— Собственно говоря, я вертел «полосатых рубашек» на своём гранитном копье, сисадда? Равно как и ваших предков, регулярно порождающих таких вот деградантов в результате безудержного кровосмесительства в пузыре вылизанного районичка. Да, кстати, если останутся силы, я готов напялить и службу охраны, но к этим парням особенного предубеждения не испытываю…

На этот раз малыши притихли. Смех оборвался, они недоуменно переглянулись, уже не скалясь. Вероятно, до образовательных курсов по высокопарным оскорблениям в их классе ещё не дошли…

— Вам известно моё имя?! — повторил я вопрос, чуть раньше днём заданный слугам норы фер вис Фиитчи, но почти не рассчитывая на правильный ответ.

— Говорящий Кусок фер вис Дерьма! — нервно прыснул метатель.

— У тебя нет клички, странная собака, над которой ставили опыты в секретных кухнях Нижнего Города… — с чуть меньшей уверенностью, но всё же дерзко бросил третий парнишка, доселе молчавший.

— Ты ошибка природы! — пискнула его соседка.

— Ясненько… — протянул я. Улыбнулся широко и миролюбиво, — любопытные версии. В очередной раз подтвердившие ваше скудоумие… Но, может, вы хоть угадаете, что это за жилет?

И чуть шире раскрыл пальто на груди, демонстрируя чёрно-жёлтую клетку.

— Шутовской костюм! — нервно выкрикнула чу-ха с плохими зубами. — Тебя наняли пугать первогодок на чьём-то семейном

празднике!

Остальные снова рассмеялись, но не очень-то уверенно.

А вот по глазам дальнего выскочки, что неуверенно упоминал про местных безопасников, я убедился, что он-то знает. И постепенный поворот событий его не очень-то радует. Впрочем, можно было спорить, что паренёк едва ли станет разменивать авторитет на разумно-трусливое предупреждение сверстников…

— Это жилет казоку, глупые малыши, — так же спокойно сказал я.

Смышлёный сглотнул комок, прижал уши и сделал нерешительный шажок назад. И даже что-то прошептал ближайшему дружку, заставив того нахмуриться. А вот на камнеметателя и самок упоминание казоку впечатления не произвело, вынудив меня с теплотой в голосе пояснить:

— Это значит… — и пусть я живу не в вашем паршивом районе! — так вот это значит, что в моей власти в любой момент вернуться сюда с сотней чёрно-жёлтых братьев, найти ваши вистарские норы, пробраться в них глубокой ночью и вырезать каждого. Молча и без пощады. Целыми семействами, сисадда? И, что самое удивительное — никто во всём Тинкернальте даже не догадается, почему такие жалкие говнюки вдруг разом скрутили хвосты…

О да, теперь они точно перестали смеяться.

Переминались с лапы на лапу, тревожно поджимая хвосты и бегающими взглядами посматривая на жилет. Заготовленный камень выпал из пальцев, она из самочек жалобно всхлипнула.

Не могу сказать, что обожаю пугать детишек. Ну, разве что вот таких, заносчивых и заигравшихся пуще нужного. Впрочем, если начистоту, *такого* эффекта я не ожидал.

— А теперь, малявочки, — доверительно попросил я, одёргивая драгоценный жилет, — скипели отсюда на*уй, и чтобы ни звука…

Мелко закивав, подёргивая ушами и боязливо облизывая губы, все пятеро сорвались с места в сторону ближайшего парка, словно только и ждали моего разрешения.

Усмехнувшись, я качнулся на пятках с чувством выполненного долга. Пожалуй, нужно рассказать Нискиричу, что его грозные «Дети» известны даже в Тинкернальте…

А затем я обернулся к фаэтону, выдохнул: *«сука…»*, и довольная улыбка исчезла с лица с той же скоростью, с какой сбежали подростки. Потому что в нескольких метрах от переднего бампера «Барру» обнаружилась истинная причина неподдельного испуга молокососов. Причина, меньше минуты назад бесшумно материализовавшаяся прямо за моей спиной.

Там, где тени деревьев очертили на полотне дороги почти ровную границу полусферы, притаился чёрный лакированный «Крейс». Рядом на тротуаре, застыв в позе почтительного ожидания, стоял альбинос Жи-ми.

Сегодня мелкий душегуб был одет в синий комбинезон дистант-пилота из службы обслуживания ветростатов. Неподвижный, он сверлил меня красными раскосыми глазёнками, одним видом сообщая, что слышал каждое слово в могучей перебранке с детьми…

Гадёныш улыбнулся. Сделал плавный шаг в сторону и приоткрыл глянцево-угольную дверь длинного фаэтона. Что ж… как всегда вовремя, иначе и не скажешь!

Я закрыл «Барру». На негнущихся ногах подошёл к «Крейсу», лихорадочно соображая, что могло понадобиться Красной Вистар, да ещё и в более привычной для сучки среде обитания. Не глядя на Жи-ми, нырнул внутрь, окунаясь в знакомые ароматы свежевычищенного салона и сладковатой качественной дайзу.

На сиденье напротив, разумеется, собственной персоной обнаружилась Магда.

На этот раз в узком платье, неожиданно светлом, почти розовом. Поверх была наброшена короткая кирпично-красная куртка, пошитая по лекалам униформы ракшак — угловатая, с множеством клапанов, кармашков и отстежных погончиков.

Вот только ракшак вряд ли носят янтарные пуговицы, да и крохотная красная сумка с электронным кальяном в комплект униформы тоже не входят. На левом ухе Алой Суки элегантно угнездилось кепи, отчётливо стилизованное под офицерскую фуражку.

Легко щёлкнула дверца — это Жи-ми привычно скользнул за приборную панель, одновременно запищав идиотский напев. Ха, дерьмоглазый беляк всё ещё боится, что я его «заколдую»…

— Мимо проезжала? — вместо приветствия спросил я Магду, зачем-то натягивая перчатки. — А может, живёшь неподалёку? Хороший районч ик, чистый, одобряю… Сам подумываю присмотреть здесь…

— Не глупи, Ланс, — благодушно улыбнулась та, и даже позволила себе кокетливо отмахнуться. — Разве наша встреча может быть случайной прихотью судьбы?

— Как ты меня нашла?

Чу-ха профессионально притушила зубастую улыбку и взглянула на меня, как сам я только что изучал неразумных школьников:

— Ланс, ты дурак?

Как-то уж чересчур часто мне стали задавать этот вопрос.

Впрочем, временами действительно да… И это я ещё пытаюсь избежать слежки со стороны джинкина-там?!

Однако мне удалось не позволить грузу эмоций отразиться на лице и переспросить со всей возможной учтивостью:

— И что же тебе нужно на этот раз?

Красная Вистар неторопливо затянулась из изящной трубки кальяна. Посмаковала дым «карамели» на языке, выдохнула в приоткрытое окно. С интересом осмотрела улицу, яркие лужайки, дорогие особняки и ажурные мостки над чистейшим каналом Трёх Желаний; вздёрнула морду:

— Это тебе что *тут* забылось, Лансик?

Я на секунду задумался, сообразив, что едва ли не впервые с момента принудительного знакомства в Штольне мы встречаемся не на привычной территории Бонжура или сопредельных перенаселённых районов.

— Работа, знаешь ли…

Она надменно фыркнула:

— В Тинкернальте?! Ох, глупыш, не смеши…

И действительно засмеялась, умело выводя меня из душевного равновесия.

— Это, Магда, знаешь ли, называется карьерный рост, — сдержанно ответил я, постаравшись не закипать. — Если твой ублюдочный белозадый карлик проверит, на приборной панели моего фаэтона лежит универсальный пропуск, выданный клиентом.

— Уже проверил, — снисходительно кивнула Алая Сука. А затем склонила голову и дёрнула свободным от кепи ухом: — Так значит, наш отсталый мальчуган действительно смог добиться успеха?

Я ответил за мгновение до того, как взвесил возможные риски:

— Ну, ведь тебе же удалось…

Магда подобралась. Глаза блеснули, мне в лицо нацелился крепкий коготь, блестящий красным лаком.

— Захлопни пасть, терюнаши! Думаешь, я всегда буду позволять тебе фамильярничать?!

— Нет, — честно сознался я, кляня себя за несдержанность. — Полагаю, только до тех пор, пока буду тебе полезен.

Байши! Хитрая, могущественная и очень изворотливая тварь напротив меня совершенно права — сейчас не время для провокаций. Потому что с недавнего времени я отвечаю не только за сохранность своей драгоценной шкурки, но и… в общем, нужно быть аккуратнее. Многим аккуратнее.

Впрочем, вис Мишикана не была настроена на длительную ругань.

— Совершенно точно, Лансик, — милостиво признала она, и тут же потребовала: — Именно поэтому я хочу прямо сейчас услышать, как дела у Нискирича. Что-то интересное, сисадда?

Я едва удержался, чтобы шумно не перевести дух. Речь ни об «Уроборос-гуми», ни о моих новых клиентах и, хвала Когане Но и Двоепервой Стае, уж точно ни о Ч'айе.

Ха! До чего же мелочные проблемы беспокоят нынче «Голубой Лотос»! Ох, Магда-Магда, пронюхала бы ты, какие супы *на самом деле* завариваются в западной части гнезда…

— А знаешь, — оживился я, заставив её покоситься с неподдельным интересом, — ведь у меня действительно кое-что есть для тебя! Новое и весьма любопытное.

— Что ж, — разрешила она, неторопливо затягиваясь дайзу и откидываясь на спинку широкого кресла, — удивляй.

Спешить я не стал, стараясь пояснениями и паузами придать информации ещё больший вес. За последующие десять минут обстоятельно рассказал о грибной ферме, её устройстве, проводимых работах и реконструкции генокодов; пересыпал список имён, прокомментировав почти все.

Не обращая внимания на скучающий вид чу-ха, пояснил про развитие мягкого передела и обязательную заботу о мирных жителях Бонжура. «Вспомнил», как буквально вчера к Нискиричу пришли сразу трое видных мешочников, держащих не меньше дюжины лавок по всему району, а ещё — определённо, — носы по ветру; как они заверяли казоку-хетто в преданности и обещали убеждать коллег последовать их примеру. Упомянул про деликатный перехват филиалов «Сияющего Пути».

Чуть после я зачем-то рассказал Магде не самую свежую сплетню про то, что у перспективного флангового защитника штормбольной команды «Стальной шип» сменился личный агент.

Случилось это после того как прежний — глуповатый и жадный, — сломал хвост и две лапы в результате неудачного падения с балкона. И да, хоть новость напрямую не соотносилась с вотчиной «Детей заполночи», моя собеседница не могла не знать, что традиционно «Шип» вышел именно из Бонжура, а Нискирич до сих пор беспокоится за успехи ребят. Равно как и за их доходы, особенно накануне «Боли и радости».

Ещё я намекнул про появление вонючих «Кислотных шутов», откровенно игнорируемых «полосатыми рубашками» и «Лотосом». Напоследок также раскрыл, что в ближайшее время «Дети заполночи» заберут под свой контроль несколько крупных комплеблоков района.

Мелко ёрзавшая на протяжении всего рассказа в привычной хвостатым манере, Магда совсем по-домашнему потянулась. Раздражённо махнула кальяном, приказывая замолчать. Что ж, я и не сомневался, что мешочники, штормболисты и переделы жилых комплексов входили в сферу интересов и первейших забот Алой Суки.

— …кстати, «Лазоревое облако» тоже станет нашим, — с каждым словом всё больше утихая, закончил я, и послушно умолк.

Бровь Магды изогнулась, едва не упёршись в козырёк кепи.

— *Нашим*? Лансик, ты всерьёз причисляешь себя к этим ублюдкам?

На этот раз я промолчал. Что ж, не так уж всё безнадёжно, если в нужный момент Ланс фер Скичира умудряется-таки удержать язык за зубами?

Но не успел я похвалить себя, как чу-ха в красном уточнила:

— Расскажи-ка чуть подробнее про войну. Нискирич готов вцепиться в «Прыгунов»? А может, даже в «Жёлтых котелков»?

И вновь я не поспешил с ответом. О чём бы ни шла речь в предыдущие четверть часа, время настоящих вопросов настало только сейчас…

— Детали передела Нискирич не обсуждает даже с Когтями и лидерами штурмовых групп, — осторожно ответил я, старательно взвешивая слова. — Одно могу утверждать точно — «Дети» не посмеют покуситься на друзей «Диктата». А ещё знаю, что конфликт не выплеснется за пределы Бонжура, и поэтому у городских властей нет никаких основа…

— Байши, Ланс, умолкни! — вновь оборвала меня Магда, и раздражённо дёрнула усами. — Тоже мне, новость. Я знаю, что конфликт останется в границах района. И ты знаешь, что я знаю. Так зачем скармливаешь очевидное? Не в попытке ли скрыть важное, пока я буду с аппетитом жевать подброшенный кусок дерьма про захват очередного молла?

Возможно, мне стоило в очередной раз насторожиться и задать себе вопрос, о сокрытии чего важного толкует чу-ха, и не прознал ли «Лотос» о появлении Ч'айи? Но вместо этого я вдруг задумался о наисвежайшем сне на переднем сиденье «Барру»… и о том, почему в эту секунду слова Магды так ярко перекликнулись с его беспокойными обрывками?

Ответил сдержанно, даже не осознав, что от вызывающего тона перешёл к непривычно уважительному:

— Прошу прощения, госпожа Мишикана, но я не совсем понимаю…

Та напряглась. Спрятала кальян в сумочку, аккуратно

уложила хвост на колене.

— Ты нужен мне совсем не для того, — прошипела Магда, — чтобы я отчитывалась перед руководителями прочих направлений и отделов Штольни, что у меня самый диковинный стукач. Лансик, мне нужна правда. И детали. Даже самые незначительные. И не про вшивых штормболистов, сисадда?

Я ещё раз покатал в голове полученную от Нискирича информацию. Ответил честно, искренне раздосадованный, что Алая Сука недовольна очередным доносом:

— Чего ты от меня ждёшь?! — Дерзость вернулась, угрожая самообладанию. И безопасности… — Чтобы я спровоцировал Нискирича на полномасштабную уличную войну, а затем раскрыл планы по её проведению? Мы оба знаем, что Скичира не задумал ничего крупного… — И без паузы, чтобы напором скрыть растерянность: — А вы бы лучше вспомнили о «Кислотных шутах» в Бонжуре, это вовсе не безобидная шутка!

— Зашей-ка пасть, — устало огрызнулась Магда. — Так будешь разговаривать с подстилками из уютных домов… К чему ты клонишь? Ждёшь, что я отправлю Жи-ми лично отлавливать «Шутов»?

Я судорожно вздохнул.

— Мне казалось, у твоей организации есть возможности заставить тетронов выполнять свою работу…

Она фыркнула. Оскалила белоснежные резцы, улыбнулась и покачала головой, словно в очередной раз убедившись в моей неразумности.

— Байши, ну до чего же наивный уродец… Ты что же, милый Лансик, сейчас заговорил о *правосудии*? Всерьёз? Об этом славном удобном мифе, прикрывающем подлинные желания, возможности и контрвозможности сильных этого гнезда? Глупый терюнаши… правосудие — это *наше* средство для потакания *вашим* редким запросам. Запросам слабых. Чтобы вы ненароком не переоценили собственное ощущение силы. И упаси Когане Но уличные казоку отмахнуться от системы Смиренного Прислуживания, вообразив, что в их власти самим устанавливать порядки и наказывать виновных…

Я ответственно сохранил невозмутимое лицо. Предельно невозмутимое. Да что там?! Я видел куда более выразительные бетонные стены, чем выглядел в тот момент сам!

На деле же меня потряс монолог Красной Вистар. И даже не очевидным смыслом, а продолжительностью и напором. Байши, пожалуй, этой дамочке действительно не ст **о** ит раньше времени знать, что Нискирич собрался подменить «полосатых рубашек» Бонжура и стать народным героем комплеблоковых ущелий…

— Мне никогда не понять вашего двуличия… — покорно признал я, и в подделке чувств снова не было нужды.

Почти минуту Магда наблюдала за мной сквозь утекающий из салона дым первосортной «карамели».

— Прикидываешься отчаянно глупеньким, терюнаши? — наконец улыбнулась она.

— Просто стараюсь выучить правила игры, за которую меня усадили силой. К тому же завязав глаза.

Красная Вистар отвела взгляд и постучала когтем по гаппи, пересыпая кому-то вовне пакеты свежей информации о грибной ферме. Вдруг снова нацелила мне в лицо длинный скрюченный палец.

— Ты танцуешь между жаркими кострами, Ланс, — тихо прошипела она. — Помни, я слежу.

Мне оставалось лишь кивнуть. Да, Магда, я знаю о танце… И, кажется, знаю кое-что ещё, осталось лишь уложить воедино несколько бесформенных фрагментов. Возможно, я даже успею сделать это до встречи с посланцами Шири-Кегареты…

— Выметайся, — велела она. Устало откинулась на широкую спинку безупречно-удобного сиденья. — Но напоследок порадуй меня, сисадда? Уж больно приятно слышать эту фразу из твоей страшненькой пасти…

Врать не стану: вспыхнув, первым делом я собирался послать Алую Суку в путешествие на край огромного *уя, откуда бы она сиганула в не менее огромную…

Но через мгновение я своевременно вспомнил про Ч'айю, а потому:

— *Мне не покинуть Юдайна-Сити живым…*

— В точку! — оскалилась Магда вис Мишикана. — А теперь вышвырни свою бесхвостую жопу из моего фаэтона!

Выбираясь на яркий солнечный свет, я задумался, что едва ли не впервые за время общения с «Голубым Лотосом» излюбленная присказка Красной Вистар напугала меня по-настоящему. Впрочем, развить гнетущую мысль не позволил ворох прочих — суетливых, азартных, связанных с работой и необходимостью как можно скорее вернуться в подвальную нору…

Задумчиво (даже не проследив за отъездом «Крейса») я дошагал до фаэтона Сапфир и тяжело забрался внутрь. Побарабанил пальцами по панели, повертел бриллиантовый пропуск, едва смочил губы паймой. А затем включил двигатель, развернулся, и решительно покатил к особняку фер вис Фиитчи.

На этот раз на широком крыльце меня поджидали сразу четверо, все самцы-храбрецы. Пока я выруливал по подъездной дорожке, слуга-привратник не только успел кликнуть к входу

самых крупных, но и вооружил их палками.

Оставив «Барру» на прежнем месте, я беззаботно помахал отважной четвёрке и неторопливо двинулся к ступеням. Волоски на шее приподнялись, ладони под перчатками стали неприятно влажными, сердце стучало всё быстрее.

Окажется ли задуманное сложнее поимки и допроса скользкого слибу на орбитах «Аркады»? Едва ли. Но если я сейчас налажаю… это станет самым грандиозным провалом Ланса Скичиры за всё время его успешной работы по решению деликатных вопросов…

— Убирайся! — рявкнул один из слуг в белых костюмах.

Остальные молчали, тревожно подёргивая усами и прижимая уши; костяшки пальцев на дубинках побелели, кончики хвостов мелко трепетали. Знакомого Нервного в рядах защитников не наблюдалось, но я был готов спорить, что абсолютно вся прислуга особняка сейчас наблюдает из-за штор.

— Ты больше не переступишь этого порога без личного разрешения госпожи! — добавил Смелый, для пущей понятности замахнувшись. — Убирайся и жди, когда тебя пригласят, нахальный выродок!

— Очень интересная идея, пунчи, — поднявшись на середину лестницы, я понимающе покивал и даже улыбнулся, — но у меня есть другая.

И вынул бриллиантовую карточку. Ах, да, и ещё «Молот».

— Без паники, — попросил я, опустив башер к бедру и глядя в распахнутые глаза чу-ха. — Давайте пройдём внутрь, сиссада? Не хочу никого пугать, но, боюсь, иначе вы не выполните мою просьбу.

Один из слуг со стуком отбросил палку. Второй осторожно прислонил к колонне и поднял лапы. Оставшиеся двое следовать примеру не спешили, но было заметно, что в атаку их тоже не тянет. Что ж, беззаботная жизнь в Тинкернальте размягчит любого…

— Не трудитесь поднимать тревогу и вызывать тетронов, — продолжил я, медленно наступая на четвёрку и словно воздушной подушкой вдавливая в открытую дверь особняка. — В случае необходимости это сделают те, кого я собираюсь пригласить. С вашей помощью, конечно же, потому что кто лучше первоклассной прислуги знает полный состав знатного семейства?!

Не оборачиваясь и не отрывая взгляда от самцов в белых одеждах, я прикрыл входную дверь и небрежно качнул башером в сторону гостиной справа.

Выбравшиеся в холл слуги (минимум пятеро) заворожено

наблюдали за оружием в моей руке, даже не пытаясь угрожать или бросаться в бой. Их я тоже пригласил проследовать в указанную комнату. Там отогнал к дальней стене, убрал «Молот» в кобуру (не застёгивая), после чего медленно и внятно обрисовал свою просьбу. Настоятельную, если так можно сказать.

Конечно, сначала слуги не поверили терюнаши.

Затем подчинились, поднимая «болтушки» и следуя инструкциям.

Страх и потрясение всё ещё окутывали группку в белом, словно песчаная буря. Но я подмечал и смирение. В конце концов, если дерзкого мутанта, осмелившегося повторно ворваться в особняк с башером наперевес, и передадут тетронам, то пусть этим зрелищем насладятся и хозяева…

Затем я выгнал слуг из гостиной.

Оставшись один, перетащил узкий овальный столик в центр комнаты, выложил на него разряженный «Молот», а сам уселся в кресло на самом видном месте и помолился Когане Но, чтобы штурмовики тетронов (если таковые первыми перешагнут порог) успели оценить обстановку до того, как возьмутся шпиговать меня фанга…

Приглашённые начали прибывать через полчаса, за которые я с одинаковым рвением боролся со сном и желанием опустошить флягу. Первым вошёл шкурохранитель, мне незнакомый, но похожий на мордоворота Чинанды-Кси, словно близнец.

Скользнув в гостиную через боковую дверцу с башером перед собой, он осмотрелся, неторопливо принюхался, заметил оружие на столике, мои поднятые руки.

Подступив, здоровяк спрятал «Молот» в карман. Молча качнув собственным стволом, заставил встать и раскинуть руки, умело ощупал и избавил от ножа и кастета. Так же угрюмо кивнул на кресло, призывая сесть и не делать резких движений.

После его сигнала в комнату вошли ещё двое бойцов в неприметных, но стильных плащах. Сразу за ними порог начали переступать хозяева, одним видом подтверждавшие успешность моего безумного плана — все они были взбудоражены, заинтригованы, немного напуганы, и все без исключения предвкушали нечто интересное.

Которое, буду честен, я и собирался им дать…

«Ломкая горечь»

Куо-куо, мои любознательные, куо-куо! Пусть мир царит под вашими крышами.

На связи снова станция «Ломкая горечь» и новые результаты любопытных расследований, проведённых нашим одноимённым агентством, независимым и всевидящим.

О чём же Чапати расскажет вам сегодня, спросите вы? Сейчас узнаете.

Пока жалкие ублюдочные банды Бонжура готовятся к следующему этапу схватки, от которой может пострадать любой невинный, нашему немаленькому району остаётся лишь терпеливо пережидать и молить тетронов хоть о номинальном прикрытии…

Но даже когда славный Бонжур замирает, агентство «Ломкая горечь» и Моноспектральная Чапати продолжают работу, и сегодня мы расскажем слушателям о самом свежем открытии.

Важно помнить, что начинала расследование моя сестра, да позволит ей Когане Но с лёгкостью переродиться в достойном воплощении! Именно она проделала б **о** льшую часть работы, а Возрождённая Чапати и её верные помощники только завершили дело…

Так о чём же пойдёт речь, с нетерпением спросите вы?

Чапати ответит, мои неугомонные — сегодня мы станем говорить о ещё одном способе казоку (этих мнимых благодетелей Бонжура) заработать денег на дорогую еду и не менее дорогих подстилок. И о том, чем не гнушаются подонки при перехвате друг у друга этого способа.

Да, многие из вас угадали: Чапати снова будет говорить о Косоглазом и его «Детишках». Но вот только не об их нахальной торговле наркотиками или «вооружённом покровительстве» торговцев, об этом знают даже дети…

Моноспектральная хочет потолковать о попытках завладеть добропорядочными сферами заработка. Теми самыми, что в теории должны помочь Нискиричу Скичире не только отмывать грязные деньги, но и в конце концов получить заветный статус уважаемого и законопослушного жителя гнезда.

Мои несравненные, вы вообще когда-нибудь задумывались, что приносит дельцам Юдайна-Сити наиболее стабильный доход? Да что уж там?! Огромный доход! Нет, мои умненькие, это снова не наркота и выпивка. На них в Бонжуре спрос стабильный, но частенько плавающий…

Ла-адно, Моноспектральная Чапати не станет мучить вас, и

ответит первой: самым постоянным спросом в любом районе гнезда пользуются жратва, секс и смерть. И сегодня мы обсудим смерть, способную обогащать.

Если точнее, станем шептать об известных каждому слушателю крематориях сети «Сияющий Путь», которых только в нашем Бонжуре можно насчитать не меньше семидесяти.

Ну и что же в этом такого преступного, глупая Чапати, спросите вы?

Провожать опустевшие тела сородичей в последнее странствие и облегчать их душам путешествие в огненных струях — почётная и уважаемая работа, скажете вы.

Да, признаете вы, владельцы похоронных костров получают немалые деньги, но заработок на смерти лишь часть нашей культуры и неизбежность жизненного пути…

А Чапати на это расскажет вам, что за последние двадцать один день сразу пятеро уважаемых чу-ха, до того управлявших филиалами упомянутой сети крематориев под негласным покровительством «Вёртких прыгунов», вдруг скрутили хвосты или пропали при загадочных обстоятельствах.

Пятеро за три недели, сисадда?

Сейчас Чапати не станет нагружать слушателей их именами и точными сводками, всю информацию вы сможете найти в специальном пакете, прикреплённом к записи этого выпуска.

Перечислю лишь, что двое известных крематоров пропали после вечернего визита в уютный дом «Вспышка», причём пропали бесследно и внезапно, свидетелей якобы нет. Через несколько дней ещё один угодил в страшную аварию, его фаэтон выскочил из силового коридора и рухнул с Тысячи Дорог с высоты в пару сотен метров.

Четвёртый несчастный скончался дома, причём вместе с супругой и сразу тремя детёнышами. Официальная причина? Острая пищевая аллергия, вызвавшая летальное удушье. А пятый бедолага стал жертвой ограбления на парковке фаэтонов всего в квартале от рабочей конторы. Причём даже у тетронов нет сомнений, что имела место банальная инсценировка…

Мы всё равно ничего не понимаем, скажете вы. Зарабатывавшие на смерти да и пришли к ней. Такова судьба, покорно см **и** ритесь вы, такова неизбежность уже упомянутого жизненного пути…

Да вот только Чапати пояснит вам, мои наблюдательные: незадолго до описанных выше событий все права на 34 крематория от пяти свежих хладноносых были чудесным образом переписаны на знакомых и старших детей известного вам Нискирича Скичиры.

Нужно отметить, что официально новые собственники не имеют ни кланового статуса, ни даже какого-либо случайного отношения к «Детям заполночи». Но если вам интересно — подробный список имён и их увлекательные биографии тоже прикреплены к выпуску…

Двинемся дальше? Двинемся!

Конечно, «полосатые рубашки» привычно утверждают, что передача трёх десятков объектов сети «Сияющий Путь» была оформлена корректно и без нарушений.

Однако Чапати продолжает настаивать (подробные доказательства с комментариями умелых мицели-йодда агентства «Ломкая горечь» также хранятся в пакете данных с открытым доступом), что все документы дарения, передачи, завещания и иной формы наследования были подделаны. Причём либо сразу же после, либо ровно накануне ликвидации каждого из несчастной пятёрки.

Наши глаберы с трудом, но нашли-таки ряд подтверждений этой откровенной фальсификации. Глаберы тетронов — не сумели. Почему же, спросите вы, мои недоверчивые? Чапати ответит, что это открытый вопрос…

Так какой же, спросите вы затем, вывод хочешь сделать ты, Моноспектральная Чапати, из описанных событий? Но на это я лишь промолчу, сисадда?

Желает ли Нискирич Скичира легализовать часть своего наследия, технично привлекая к процессу родню и подставных слибу? Пожалуй.

Готов ли наркоторговец и убийца идти для этого на самые крайние и жестокие меры, как привык делать с малолетства? Тут сомнений тоже нет.

Способен ли он стать безукоризненным чу-ха, без стыда носящим подлинный, а не самовручённый статус «фер»? Только не для Чапати и всех, кто знает правду…

Валяйте, мои сладенькие, изучайте приложенные Чапати пакеты. Внимательно и без спешки.

Сопоставьте графики и почитайте доклады глаберов нашего агентства. Передайте результаты расследования «Ломкой горечи» тем, кто ещё не слышал о грызне на рынке крематориев. А потом обсудите вопрос с друзьями и родными. И осознайте же наконец, какое чудовище управляет нашим районом…

Мне же остаётся лишь вернуться к работе.

Кстати, мои наверняка потрясённые, спешу сообщить, что следующим расследованием Моноспектральной Чапати станет доскональное изучение слуха, что на севере Бонжура (и даже за его границами в Колберге) активизировались некие штурм-

бригады без опознавательных клановых знаков.

Быть может, кто-то из вас тоже слышал, что юркие отряды головорезов нападают на фабрики по производству поддельных товаров известных дзайбацу из Уробороса и Пиркивелля? Что уничтожают производственные линии, запугивают работников и даже убивают охрану? Ах, да… Фабрики, чтобы вы знали, по почти подтверждённой нами информации принадлежат «Диктату Колберга»…

Конечно, мои проницательные, вы можете возразить, что это больше похоже на очередное обострение противостояния престарелого Хадекина фер вис Кри с его вечным противником — казоку «Уроборос-гуми».

Но что-то подсказывает Чапати (а своему чутью Моноспектральная доверять умеет), что в дело вступает ещё один игрок, и новое расследование агентства попробует подтвердить этот факт.

Нискирич, вэй-вэй, ты ведь нас тоже слушаешь?! Тебе наверняка не терпится узнать, что именно «Ломкая горечь» раскопает на этот раз? О, щедрый благодетель Бонжура, Моноспектральная Чапати уверена, что не терпится…

На этом закончим, мои единодушные. Желаю мира, но далеко не всем!

Берегите себя!

Глава 9
ШЕСТЬ СВЯЩЕННЫХ КОРОВ

Говоря откровенно, я ощущал себя очень странно. И дело было не только в успокоившемся пульсе, полной готовности к предстоящей работе или подозрительной чёткости мышления.

Просто до этого мне никогда не доводилось иметь столь близких дел с вистар. Всю жизнь в Тиаме я старался обходить их высокомерное сословие стороной и презрительно наблюдал со стороны, натыкаясь на плату той же монетой.

Они были откровенно *другими*. Существами, даже не предполагавшими настоящую цену денег, беззастенчиво вытирающими лапы о таких, как Сапфир, Нискирич или Подверни Штанину. Несмотря на кричащую неестественность меня самого, вистар подчас казались ещё более чужеродными организмами Юдайна-Сити.

И вот я (к слову, безоружный) вдруг осознал себя в целой стае таких чу-ха. Охотно подчиняющихся опасной прихоти и дерзновенно-хозяйским распоряжениям ободранного терюнаши. Причём в самом сердце богатейшего района для избранных…

Впрочем, не то, чтобы подчиняющихся…

Всё ещё восседая в кресле посреди просторной гостиной особняка фер вис Фиитчи, я подмечал и недовольно вздёрнутые усы, и жаркие шепотки ругательств, и недовольно оскаленные зубы.

Но всё же они собрались — почти все, кто совсем недавно побывал на представлении в «Пламенном колесе», так и не дождавшись драматичной развязки.

Я не был уверен, что слугам удалось выловить полный состав, но вистар собралось немало. Едва-едва по размерам помещения, позволявшего выдерживать вежливые дистанции и не оттаптывать друг другу хвосты.

Аширна тоже пришла. Хотя вот её приезда-то я почти не ждал, даже несмотря на чуть иной, нежели высланный прочим, текст «приглашения». На этот раз младшая госпожа фер вис Фиитчи была одета совсем по-другому — в деловом стиле, без малейшего намёка на погребальные узоры в нарядах…

Становилось жарко, но я не спешил снимать пальто. Во-первых, чтобы не нервировать застывших по углам молчаливых стрелков, прибывших в особняк почти с каждым из высокородных гостей. Во-вторых, чтобы лишний раз не волновать богачей видом подмышечной кобуры, пусть и опустошённой.

Я улавливал, словно порывы чистого весеннего ветра: они всё ещё оставались недоверчивы, стараясь скрыть это азартом и предвкушением.

Да, именно так вистар и воспринимали всё происходящее вокруг — как потенциальное представление, организованное исключительно в их честь. Вот и сейчас они возбуждённо переговаривались, спорили и пытались угадать исход сбора.

Побросав важные дела ради откровенно провокационного призыва, они и в мыслях не держали возможность западни и не умели даже в полной мере напугаться, наивно полагая, что границы Тинкернальта берегут их шкуры лучше любой брони…

На старте второго получаса томительного ожидания напряжение почти достигло критической массы. Всё чаще к моему креслу подходили надменные самцы и самки, задавая витиеватые вопросы, смыслы которых сводился даже не к *«что всё это значит?»*, а к *«когда же всё начнётся?»*.

О, да, утёкшего в злословии времени вполне хватило, чтобы окружавшие меня чу-ха в богатых одеждах и ярких украшениях наконец-то почуяли ещё не пролитую кровь. И уж сегодня-то Ланс фер Скичира постарается их не разочаровать…

Чинанда-Кси фер вис Фиитчи, как и хотелось, прибыла последней. Сложно сказать, специально ли, но определённо эффектно — вдова вплыла в душную переполненную гостиную следом за знакомым мне шкурохранителем, смерив виновника собрания взглядом такой силы, что у кресла едва не подломились ножки.

Госпожа Фиитчи была одета в привычное серо-коричневое одеяние, скромное и недорогое лишь для тех, кто не умеет верно оценивать вещи.

Кивнув двум десяткам родственников, она знаком велела охраннику оставаться у дверей и мелким шагом направилась прямиком ко мне. Заметила в дальнем полутёмном углу сестру, прищурилась, задумчиво покрутила на запястье «каменный» браслет.

— Господин Скичира, — едва слышно прошипела самка, останавливаясь в шаге от кресла, — надеюсь, у вашего бесцеремонного и явно оскорбительного вторжения найдётся хоть сколь-нибудь достойное объяснение, способное удержать меня от немедленного вызова сил правопорядка или приказа нашим собственным…

С улыбкой глядя на «собственные силы правопорядка» особняка, я медленно показал им раскрытые ладони, а затем так же медленно поднялся на ноги. Сложив руки в почтительном жесте, вежливо поклонился Чинанде-Кси. Кивнул:

— Безусловно, госпожа фер вис Фиитчи, я всё объясню прямо сейчас…

— Слуги жалуются, что вы угрожали им! — чуть громче зашипела она. — Оружием!

Родственники вокруг делали вид, что продолжают непринуждённо болтать и обмениваться сплетнями. Но я видел, как навострились уши, как жадно ловит каждое слово окружавшая нас стая.

— Им, несомненно, показалось, — с новым поклоном соврал я.

— Действительно?! — фыркнула Чинанда-Кси. — И если сейчас я отсмотрю слепки с камер наблюдения, там не будет ничего… эдакого?!

— Это ваше законное право, госпожа… — только и оставалось вздохнуть мне, всем видом выражая раскаянье. — Но прошу вас сделать это чуть позже. И если через половину часа вы будете по-прежнему считать, что моя выходка стала пустой растратой драгоценного времени семейства вис Фиитчи, вы вольны распорядиться мной, как будет угодно…

Бровь Чинанды взлетела. Опустилась. Ноздри раздувались, усы мерно поднимались и опадали. Глядя в мои глаза, она всё ждала, когда жалкий человечек подавленно отведёт взгляд, но я был готов.

— О, господин Скичира, — тихо сказала чу-ха, с повторной демонстративностью опустив уважительную приставку, — вам действительно стоит объясниться. Начинайте же, пока я — да и все мы! — не растеряли последние крохи терпения. Что это за балаган? Что значат странные сообщения, отправленные нашими слугами под вашим вооружённым давлением?!

И она подняла гаппи, над которым завис свето-струнный слепок надиктованного мной послания: *«С неотложной срочностью приезжайте в родовую нору семейства фер вис Фиитчи. Что бы вы сказали, если бы Нурсет оказался жив?»*.

Я чудом удержал от рождения довольную улыбку.

Да, превосходно! На фоне предвкушающих скандал родичей Чинанда-Кси казалась не просто взбудораженной, но откровенно напуганной. И это было для меня более чем кстати…

— Вы решили дерзостно поиздеваться над изнурённой вдовой?! — прорычала та, а голос её весьма убедительно дрогнул. — Поверьте, Ланс, при всей моей набожности и неукоснительном соблюдении Параграфов Свитка, я умею быть очень…

— У меня и в мыслях не было издеваться над вами, госпожа фер вис Фиитчи, — перебил я с мягким давлением, снова сцепляя

пальцы в уважительный символ. — Если моё художественное предположение для привлечения внимания оскорбило вас, буду готов принять любое заслуженное наказание…

Она быстро облизнула губы и прикоснулась к керамическому символу Двоепервой Стаи на шее. Переступила с лапы на лапу, выглядя так, будто действительно ожидала любимого супруга, готового вот-вот появиться из-за портьеры.

Теперь на нас уже пялились открыто, совсем не отворачиваясь и даже не пытаясь замаскировать подслушивание пустопорожней болтовнёй.

— Едва ли ваше оправдание можно назвать достойным, Ланс… — отрезала Чинанда-Кси, но я разобрал в её голосе нотки возвращающегося взвешенного спокойствия. — Извольте же, наконец, в должной степени объясниться.

— Конечно, — я покорно кивнул. И добавил громче, на всю гостиную, чтобы расслышали даже в дальних углах: — Я ещё раз внимательно изучил дело о гибели Нурсета фер вис Фиитчи. Взвесил факты. И почти готов объявить об окончании дела!

Что ж, а вот это была истинная правда.

Я действительно всё взвесил, совсем недалеко отсюда, на тенистой парковке для дорогих фаэтонов. А ещё внутри одного такого, чёрного и опасного, нос к носу с Алой Сукой. Но пока совершенно точно не собирался уведомлять Чинанду-Кси, что не собираюсь искать мышь в тёмной комнате, если там её и вовсе может не оказаться…

Вдова отступила на шаг. Глубоко вздохнула, облегчённо поникая плечами и сразу смягчившись. Выдавали лишь когти, всё ещё постукивающие по искусственному камню гаппи.

Пригладив волосы, я позволил себе неторопливо обойти кресло, в котором провёл последние сорок минут. Ещё раз нашёл взглядом Аширну — подрагивающими пальцами та наливала себе из гостинного бара. Что ж, добротная выдержанная пайма куда лучше яда из крохотного ритуального пузырька, не так ли?

— Хватит, Ланс! — простонала Чинанда-Кси, дёрнув подбородком. — Вы организовали это эксцентричное представление — я уверена, мои родственники в должной мере оценили интригу, — но не пора ли перейти к ответам?

Я кивнул, осторожно потёр ладони и шумно втянул тяжёлый вязкий воздух, наполненный ужасающими ароматами парфюма вистар. Сказал ещё громче, чтобы на этот раз стало слышно даже слугам, подслушивающим за многочисленными дверьми гостиной:

— Прежде чем начать, я прошу сопровождающих покинуть комнату!

Сопровождающие, как и ожидалось, предложение драного выскочки приняли с наглыми наплевательскими оскалами, едва ли не синхронно почесав уголки глаз кончиками оттопыренных мизинцев.

Их хозяева, однако же, взволнованно переглянулись. Я почти физически ощущал, что ставки уже сделаны, и с азартного крючка начавшегося представления не сорвётся ни один из моих зрителей.

Первой знак подала Чинанда-Кси, излишне нервно махнув личному верзиле. Следом за ней — медленно, один за другим, — к шкурохранителям стали поворачиваться остальные вистар.

Безопасники супились, пытались робко возражать. Но вот один, а за ним и целая цепочка бойцов уже поплелись на выход, недовольные, злые и скрытно скалящие зубы. Перед тем, как последний закрыл за собой дверь, он нашёл меня взглядом и демонстративно чиркнул по горлу острым когтем, точь-в-точь как совсем недавно это сделал слепок Господина Киликили…

Угрожающий жест едва не сбил с толку, но я справился и зычно озвучил следующую из заготовленных реплик:

— Прежде, чем начать, хотел бы уточнить ещё один момент.

Чинанда-Кси определённо теряла терпение. Но остальные… они были в восторге. Я видел это по горящим глазам, высунутым языкам, подрагивающим усам и вздыбленной шерсти. Многие последовали примеру Аширны, наполняя бокалы; кое-кто расселся по диванам и креслам, в предвкушении заламывая пальцы.

— Могу ли я рассчитывать, что в случае успешного раскрытия дела мне будет гарантированно переведена вся положенная сумма? — спросил я, не глядя ни на кого конкретно.

Вдова надулась, словно шар ветростата. Её рыжеватая шерсть приподнялась, уши затрепетали. Беспокойство длилось недолго, и через миг Чинанда-Кси вновь владела собой, вернувшись в образ хладнокровной высокородной госпожи.

— Двоепервой Стаи ради, господин Скичира, за кого вы нас держите?! — Она рывком вскинула «болтушку» и суетливо поцокала по ней когтем. — Вот, получ **и** те. Но знайте — если это блеф, я стребую всё обратно до последней рупии!

— Без сомнений.

Гаппи на моём запястье завибрировал. Мельком взглянув на текст уведомления, я кивнул с трудно сдерживаемой радостью — обещанная сумма действительно пересыпалась на мои ячейки.

— Отлично! — провозгласил я. Зачем-то застегнул чёрно-жёлтый жилет, словно его тугие объятья могли помочь сохранить концентрацию. — Тогда начнём!

По гостиной прокатился многозначительный вздох.

Что ж, действительно самое время приступить к делу…

— Итак, все вы созваны здесь — пусть и не совсем пристойным образом, — в качестве свидетелей. — Я снова понизил голос, вынуждая шепотки стихнуть, а присутствующих — ловить каждую интонацию. — Потому что сейчас одному из находящихся в этой комнате будет задан ряд важных вопросов.

Чинанда-Кси скривилась и бросила быстрый взгляд на сестру.

— Мне казалось, — с издёвкой прокомментировала она, — вам будет достаточно встречи с Аширной в «Пламенном колесе»…

Я неторопливо обошёл кресло, искоса наблюдая за вдовой. Ту ещё не отпустило от вопиющей дерзости наёмного расследователя и необычности самой ситуации. Да, это очевидно — обычно вистар привыкли держать всё под контролем, а тут…

— Вопросы, госпожа фер вис Фиитчи, — пояснил я, вплетая в слова умиротворяющие нотки «низкого писка», и остановился напротив Чинанды, — будут заданы вам.

Её глаза распахнулись, вспыхнув пламенем неприкрытой злобы.

— Что за чушь вы несёте, Скичира?! — Она ощерилась, а кольцо родственников подалось в стороны, словно те узнали о заразности знатной самки. — Я наняла вас, специалиста по решению деликатных вопросов, чтобы вы разнюхали правду вокруг смерти моего супруга, а не устраивали салонных игр! Если нашему семейству понадобится развлечение, я обязательно приглашу вас на ужин в честь…

— Нет-нет, госпожа фер вис Фиитчи, — я решительно оборвал её, заставив пятнистый влажный нос задрожать от гнева, — это вовсе не салонная игра! Я действительно пытаюсь докопаться до правды. И даже разоблачить убийцу уважаемого Нурсета фер вис Фиитчи. Прямо сейчас, в том числе.

Я повернулся в сторону Аширны, но смотреть при этом продолжал в глаза её сестре:

— В местах, откуда я родом, говорят так: *«улица шепчет»*. Я более чем уверен, что этот шепоток донёсся и до зелёных холмов Тинкернальта. А потому все вы — в той или иной степени, — знаете, что у меня имеется ряд определённых способностей…

— Которыми вы не удосужились в полной мере воспользоваться в «Колесе»! — едва ли не выплюнула Чинанда-Кси.

Но время вежливых диалогов прошло, и я проигнорировал замечание.

Не стану врать, её трепет меня забавлял. Да что там?! Я упивался ситуацией и лишь надеялся, что вдова не испортит всё

раньше времени, вернув охрану.

Окружающие ловили каждый вздох, многие с приоткрытыми пастями, посверкивая посеребрёнными зубами и почти не моргая.

— В вашем присутствии, — торжественно объявил я, обращаясь ко всем сразу, — сейчас я с лёгкостью применю свои способности на госпоже Чинанде-Кси фер вис Фиитчи!

Теперь её шерсть встала дыбом по-настоящему, на всём теле, это стало заметно даже через нарочито-грубые блузку и юбку, стилизованные под накидку кочевников. Хозяйку особняка переполняли искреннее негодование и… ужас, которого я упорно добивался.

Впрочем, броню вистар не так-то просто пробить, и через считанную секунду Чинанда вернула спокойную стать. Взирала молча и презрительно, как будто бы сверху вниз, хотя и была ниже меня ростом.

— Что-то не так? — осведомился я, и для придания вопросу дополнительной наивности не нужно было стараться. — Клянусь, госпожа Чинанда-Кси, все мои уточнения будут сделаны исключительно по делу. Никаких пикантных подробностей или семейных секретов!

Она шумно сглотнула. Облизала губы, подрагивающими пальцами пригладила шерсть на макушке. А затем бросила с такой уверенной надменностью, что на мгновение я вновь усомнился в своём безумном плане:

— Я дарю вам ровно десять минут, Ланс. Этого хватит на завершение вашего позорного самоуничижения? И чтобы убраться без очередного скандала? Но по их истечению я верну охранников в гостиную. Желаете поговорить? Давайте. Но я до сих пор не понимаю, зачем было устраивать всё *это*…

И она плавно обвела присутствующих лапой, будто родственники разной степени вдруг превратились в предметы интерьера. Впрочем, никто из вистар и не подумал оскорбиться — от нетерпения зрителей воздух комнаты накалился до такой степени, что Нискирич смог бы разжечь о него свою «бодрячковую» тугокрутку.

— Свидетели очень важны, — спокойно ответил я.

Затем неспешно пронзил расступившееся кольцо чу-ха, с нагловатой небрежностью сунулся в хранилище бутылей, налил в бокал чудесной паймы (машинально отметил, что у этого бара я бы определённо задержался). Добавил:

— Причём свидетели вашего, госпожа Чинанда-Кси, уровня. Ни чета мне самому или подобным обитателям Бонжура…

Вернувшись к центру комнаты, я облокотился на кресло и покрутил маслянистый напиток на просвет. Глоток приятно обжёг

горло, при этом мои глаза не отрывались от мелкой мимики на морде Чинанды.

— Кроме того, — соблазна вновь бросить взгляд в сторону Аширны было очень трудно избежать, но я справился, — сейчас здесь находятся чу-ха, уже испытавшие на себе мой талант!

Я указал бокалом на первого попавшего в поле зрения самца средних лет. Тот, конечно же, пискнул и подался назад; протестующе забормотал, но едва слышно. Рука с паймой поплыла по рядам, будто выискивая, и остановилась напротив разодетой в бежевое самки, совсем молоденькой. Та ахнула, чуть не вскочила с кресла, а остальные с хищным интересом уставились на «выбранных» родичей. Тогда я наугад ткнул в третью и четвёртую жертву, и публично потерять самообладание моим мишеням не позволила только густая кровь баловней судьбы.

п.3.; г.9; ч.2

Стая начала переглядываться, гадая, кто ещё в прошлом мог стать объектом чар таинственного терюнаши…

— Присутствующие здесь чу-ха смогут словом вистар подтвердить, — продолжал я, уверенно развивая инициативу, — что наша беседа пройдёт честно, без жульничества, подтасовок или принуждения. Они станут гарантами того, что ваши ответы будут даны без давления и принадлежат исключительно вашему разуму.

Чинанда-Кси брезгливо охнула. Морда её задрожала, чудом справляясь с недопустимостью оскала. Героиня представления вздёрнула подбородок и прикоснулась к гаппи:

— Хватит неслыханных глупостей, Ланс… Пожалуй, я не стану дарить вам обещанные десять минут, а средства, переведённые на…

— Мне будет достаточно минуты! — воскликнул я, заставив вздрогнуть всех без исключения. Подступил ближе, сунул бокал ближайшему самцу (безропотно подхватившему), прижал ладони к вискам и навис над Чинандой-Кси. — Я начинаю и прошу полнейшей тишины!

Впрочем, последняя просьба была излишней — гостиная тут же погрузилась в безмолвие. О, до чего же хвостатые выродки любили подобные игры…

Лапа Чинанды-Кси безвольно опустилась вдоль тела. Не отпуская взглядом притихшую, будто бы сморщившуюся вдову, я с откровенным драматизмом сказал ей в глаза:

— Шесть священных коров,
позабыли про кров,
и отправились в дальнюю даль…

Теперь я находился так близко к самке, что ощущал запах её дыхания. Видел, как побледнела кожа под рыжей шкурой, как увлажнились забегавшие глаза. Нет, она не отшатнулась, и даже снова приподняла «болтушку», чтобы дать сигнал тревоги, но новые строчки заставили её вздрогнуть.

— Миновав реку вплавь,
их осталось лишь пять,
и бедняжку мне вовсе не жаль.

Пасть Чинанды-Кси приоткрылась, дыхание стало хриплым и тяжёлым, будто она взбежала на третий этаж. Теперь хозяйка особняка даже не пыталась скрыть страх, буквально выплёскивающийся из её взгляда.

— Вы чувствуете, как тяжелеют веки, госпожа фер вис

Фиитчи? — вкрадчиво спросил я и прищурился.

Она просипела неразборчивое, тонко всхлипнула. Зрители вокруг нас покорно и нерушимо молчали, будто я приказал им «низким писком». Кто-то медленно и болезненно осел на диван, кто-то прикрыл уши лапами.

— Пять священных коров,

заготовили дров,

чтоб на ужин похлёбку сварить…

Врать не стану, меня так и подмывало покоситься на Аширну. Но я силой воли заставлял себя не отводить глаз от ломавшейся Чинанды.

Паломницу мелко потряхивало. Она взмахнула лапой, пытаясь то ли ухватиться за амулет Двоепервой Стаи, то ли избавиться от наваждения…

Я не дал ей передышки:

— По рогам — топором!

И уже вчетвером,

больше не о чем тут говорить…

Теперь фер вис Фиитчи изо всех сил сдерживалась, чтобы позорно не запищать от ужаса. Мои глаза превратились в щёлки, я ещё ближе надвинулся на чу-ха, как если бы собирался поцеловать ту в пересохший нос:

— Сейчас ваша воля становится моей. Вы будете отвечать честно и правдиво.

Чинанда кивнула, пока ещё нерешительно, почти робко. Сейчас надменная госпожа выглядела откровенно жалко. Но я не поддался состраданию, наравне с окружающими меня крысами испытывая азарт, беспощадную страсть и желание причинять боль:

— В дождь решившись идти,

не меняя пути,

всем препонам и бурям назло…

Молчание вокруг нас стало таким плотным, что его можно было кромсать. Обычно беспокойные, не умеющие и пары минут пробыть неподвижными, чу-ха окаменели, словно «писк» был адресован сразу двум дюжинам вистар. Притихли даже слуги и охранники, шебуршание которых я слышал из-за дверей.

— Вверх по горной тропе,

насмехаясь судьбе!

И одну в небеса унесло.

Ещё сильнее понизив голос, как обычно делал перед применением фонетического фиксатора, я почти вплотную приблизил лицо к морде Чинанды-Кси и ласково предупредил:

— Не пытайся сопротивляться! Попробуешь, и твоя воля

будет навсегда сломлена. Ты сойдёшь с ума. Ответишь мне лживо — твой мозг закипит.

Она снова кивнула. На этот раз сильнее, увереннее, а из левого глаза скатилась слезинка. Стараясь не переусердствовать с кровавым упоением палача, я чуть отстранился и задал резкий вопрос:

— Это ты отравила Нурсета?

Губы Чинанды-Кси дрогнули. Слёзы полились куда обильнее, оставляя кляксы на псевдоробе кочевника. Исказившись в гримасе, самка чуть слышно взвыла сквозь стиснутые зубы, и я не смог понять, то ли от страха перед Бесхвостым Джадуга, то ли от жалости к погибшему супругу.

Вдова молчала.

Молчали родственники.

Моя спина взмокла от недоброго предчувствия… но тут Чинанда чуть слышно прошептала:

— Да.

Гостиная снова охнула, шумно и разом, взрезая тишину многоголосым бритвенным клинком. От этого эмоционального взрыва Чинанду словно прорвало. Стиснув кулаки, она злобно оскалилась и выпалила мне в лицо, будто хотела отшвырнуть правдой:

— Он не имел права выбирать эту суку вместо меня! Это несправедливо! Трахать дрянь на моих глазах… почти не скрываясь… после стольких лет!

Я вздрогнул всем телом, едва не потеряв равновесия. Одно дело, ожидать успешной реализации рискованного плана. И совсем другое — внезапно получить этот сладкий результат.

Подняв палец, словно хотел закрыть Чинанде пасть, я невероятными усилиями не позволил себе перевести дух:

— Как ты это сделала?!

— Трехкомпонентный яд, — устало выдохнула та, всё ещё неотрывно глядя мне в глаза, будто и вправду удерживаемая невидимой нитью чародейства. — Взаимодействие времени, воздуха и алкоголя… у него были любимые бокалы… да, были, он уже три года не позволял никому из них пить… никому, кроме этой суки! Оставалось дождаться момента, когда байши снова захочет запрыгнуть на моего Нурсета…

Оборачиваться не было нужды, но я был готов спорить на весь гонорар от Чинанды Фиитчи, что взгляды окружающих сейчас приковались к Аширне. Та молчала, стиснув винный фужер так, что стекло начало крошиться под когтями; хотела вмешаться, растерзать и прикончить очень важным вопросом, и мне пришлось бить на опережение.

— Почему не погибла Аширна?

Морда Чинанды вытянулась в хищном оскале.

— Потому что я не собиралась убивать сестру… Противоядие… я подмешивала ей в чингу и супы, ещё за много дней… я хотела, чтобы тварь видела смерть Нурсета… хотела, чтобы она страдала… как страдала я!

Я отступил на шаг. Ещё на один. Упёрся задницей в подлокотник кресла. Протянул руку вправо, и в пальцы послушно ткнулся отданный чуть раньше бокал. Осушив его протяжным глотком, я шумно вздохнул.

Наверное, можно было продолжить уникальный допрос. Спросить о деталях, мотивах, собственном участии вдовушки… но смысла в этом было не больше, чем сострадания в сердце Чинанды-Кси.

Отбросив пустую стекляшку на кресло в центре комнаты, я равнодушно отвернулся и подошёл к окну сквозь расступившихся зрителей. Отодвинул портьеру, наслаждаясь оседающим на Тинкернальт вечером, едва слышно щёлкнул задвижкой оконной рамы.

Затем крутанулся на пятках и внимательно осмотрел их — неподвижных, оторопевших, онемевших от увиденного. Кроме этого, обстоятельно прикинул дистанцию до Чинанды и попытался предугадать, на что будет способна разъярённая самка…

Но она просто плакала. Без приступов, без надрыва, с прикрытыми глазами, молча поливая слезами керамический символ Стаи и ткань «робы». Затем умоляюще скрестила лапы на груди, хлопнула влажными ресницами, и мне показалось, что сейчас вдова рухнет ниц.

— Молю… — прошептала Чинанда, не замечая, казалось, никого вокруг. — Молю, господин фер Скичира… любые деньги! Только расколдуйте меня обратно…

Взяв с ближайшего столика оставленный одним из вистар бокал с паймой, я сделал задумчивый глоток. Ответил хрипло, устало, вдруг ощутив себя так, будто на руках выволакивал из болота застрявший фаэтон:

— О чём вы говорите, госпожа фер вис Фиитчи? О моих умениях? Прошу прощения, но они не были применены… Стишок, что вы услышали — безобидная детская считалка, я запомнил её на улицах Бонжура. Как бы то ни было, спасибо за честность.

Чинанда превратилась в статую, а над гостиной пронёсся очередной потрясённый вздох. Пальцы вдовы скрючились, заставив меня податься назад, к заблаговременно приоткрытому

окну.

Челюсть самки заходила туда-сюда, будто перемалывая камни. Из горла вырвался очень странный сиплый звук.

— Уважаемые вистар, — громко сказал я, ненароком сдвигая портьеру за спиной, — вы всё слышали. Ланс фер Скичира клянётся сохранить детали дела в полнейшей тайне, а передавать ли дело тетронам — решать исключительно вам! Как говорит мой пунчи: высокоморальные принципы могут позволить себе исключительно высокообеспеченные чу-ха… поэтому, исходя из ваших представлений о чести и справедливости… в общем, свою работу я считаю выполненной.

— Ах… ты… борф… — прорычала Чинанда-Кси, с этого дня едва ли принадлежавшая к семейству вис Фиитчи.

Она скользнула вперёд, напрочь растеряв последние крупицы благочестивого образа служительницы Двоепервой Стаи. А я (проклиная себя, что не удосужился получше спрятать кастет) едва не сиганул на подоконник…

Но тут вмешалась Аширна.

Я не успел разглядеть, каким образом та пробилась к сестричке из задних рядов, каплей раскалённого масла оказавшись в самом центре гостиной. Зарычав и с треском ухватившись за край псевдокочевничьей блузы, она развернула Чинанду к себе и с элегантного замаха обрушила на её голову полупустую бутылку дорогущего вина в ударе, которому бы позавидовал задира из отбросного «Хлума»…

Что ж, вот тебе и представления о чести вистар.

Бутылка лопнула, под визжание самок обрызгав стоявших поблизости дождём выпивки и осколков. Моя недавняя заказчица ойкнула, закатила глаза и тяжело рухнула рядом с креслом. Родственники подались к стенам, значительно расширив живой периметр с сёстрами внутри.

В главную дверь, размахивая башерами, ворвались четверо шкурохранителей; в другую, потрясая уже знакомыми дубинками, свора слуг-самцов. Все они застыли, глядя на мои благоразумно вскинутые руки, на сцепившихся хозяев, на отвисшие челюсти остальных… и медленно опустили оружие.

Ухватив Чинанду за ворот, Аширна встряхнула её, будто пустотелую куклу.

— Ах ты драная тварь! — взвизгнула она, замахиваясь для пощёчины. — Решила, что я сама скручу себе хвост, и дело с концом?! Всё продумала?! — Удар был сильным, а кольца на пальцах Аширны рассекли избиваемой десну. — Специально наняла такого известного малого, как Ланс… Посчитала, я просто не справлюсь с давлением, а таланты терюнаши — жалкие

уличные выдумки?!

И расхохоталась, вскинув морду к потолку, причём так недобро, что мне стало не по себе.

— Все вон! — рявкнула она, чуть не заставив меня снова шагнуть в окно.

Однако уже через мгновение я понял, что хозяйский рык предназначался слугам и охранникам, испарившимся из комнаты быстрее, чем я успел моргнуть.

Хлопнули двери.

Аширна фер вис Фиитчи снова наклонилась, капая на сестру слюной.

— Да, сука, ты очень верно двигала меня к последней черте… Думала, я окончательно сломаюсь от позора, когда на глазах семейства меня допросит гнусный мутант…

Что ж, признаюсь как на духу, это было весьма обидно. Но я разумно рассудил, что недовольство и комментарии пока лучше оставить при себе.

— А он, дрянь, меня спас! — взвизгнула Аширна, отвешивая Чинанде очередную оплеуху.

Затем чу-ха обернулась, находя «гнусного мутанта» мутным от ярости взглядом, и вдруг кивнула. Легко и едва заметно, но что-то подсказало мне, что этот простой наклон головы будет стоить многих официальных клятв в стиле: *«господин фер Скичира, вы обязаны знать, что отныне у вас имеются должники среди вистар нашего семейства»*, и так далее.

Осознав, что дышу через раз, я склонил голову в ответном поклоне.

— Я могу быть свободен?

Оказалось, это произнесли мои собственные губы, немного чужеродные, ужасно пересохшие и почти онемевшие. Однако ответила вдруг не Аширна, а Чинанда, безвольно болтавшаяся в её захвате.

— Клянусь Двоепервой, ублюдок… тебе это так не сойдёт…

Я не успел ни напугаться, ни ответить. Потому что бывшая любовница покойного Нурсета фер вис Фиитчи вдруг выдала сестре такой пинок в живот, что ту стошнило на ковёр.

— О, дрянь, поверь, тебе тоже, — она оскалилась и плюнула Чинанде на спину.

Ноги понесли меня к выходу. Не то, чтобы понесли… я видел дождевых червей, двигающихся быстрее меня в тот миг, но всё же.

Вдоль окон и расшитых портьер, не сводя взгляда с сцепившихся самок… пробираясь через боязливо расступавшихся вистар… бочком и приставным шагом я направился к дверям, через которые и вошёл в гостиную бесконечным часом ранее.

Провожаемый двумя десятками испуганных, недоверчивых, брезгливых и даже ненавидящих взглядов, выскользнул за порог, прикрыл створку и только тогда выпустил из лёгких скопившийся воздух.

Холл был наполнен прислугой и бойцами, усиленно делавшими вид, что происходящее в зале собраний их совершенно не касается. Подступив к нужному шкурохранителю, я с улыбкой протянул руки. Тот недовольно зарычал, но вложил в мои ладони «Молот», кассету, нож и кастет.

Поблагодарив кивком, я рассовал арсенал по положенным местам, и без оглядки зашагал к входным дверям.

Да, как и предполагалось, дело оказалось совсем несложным. Впрочем, если строить на блефе *всю* свою работу, рано или поздно мне основательно переломают рёбра…

Спускаясь по бесконечным ступеням крыльца к «Барру» (сейчас рабочая малышка Сапфир была едва заметна среди скопления дорогущих фаэтонов, на которых прибыла родня Чинанды и Аширны), я в который раз задумался, до чего же эти чу-ха интересный народец…

Атакуют, даже когда справедливо загнаны в угол. Обвиняют в воровстве, когда крадут сами, причём в ужасающих объёмах. Яростно стыдят за хамство и грубость, первыми наступив на хвост и услышав в свой адрес хотя бы намёк на упрёк. Ругаются на замусоренные улицы, сами позволяя детёнышам засирать проспекты Юдайна-Сити обёртками, бутылками и объедками. Поносят смирпов за недостаток комфорта в кварталах, первыми увиливая от уплаты обязательных гнездовых сборов…

Закрывшись в фаэтоне, я откинулся на спинку и прикрыл глаза.

Как ни крути, а было нервно, даже пальцы подрагивали.

Однако же — теперь домой, к Ч’айе, моему странному цветку!

Выезжая с территории вис Фиитчи, я хотел было оставить бриллиантовый пропуск в воротной консоли, но всё же решил забрать на память. Попетляв вокруг особняка и убедившись, что на хвосте не болтается ни одного паразита, я направил «Барру» к выезду из Тинкернальта. Если за мной и приглядывали, то делали это до безобразия чисто и профессионально…

Зелёные лужайки, не самые высотные постройки и отдраенные тротуары оставались за спиной, уступая место скоростным коридорам над деловыми районами. Вместе с картинкой за окнами фаэтона менялось и моё настроение, от напряжённо-скованного переходя к осознанию чистой победы.

Несмотря на жуткую измотанность, я всё острее ощущал себя счастливым! В какой-то момент даже начал напевать, невнятно и

немелодично, явно пытаясь повторить странный мотив из головы.

Что бы ни говорила Ч'айя… как бы ни реагировала на воспоминания минувшей ночи… я всё же сбросил оковы мучительного воздержания, осуществив мечту долгих семи лет! На счетах покоился внушительный взнос за блестяще проделанную работу, способный помочь мне почти рассчитаться с долгами перед Аммой фер Скичирой!

Меня умело прикрывал от неприятностей сам Песчаный Карп (с огромной вероятностью, ибо кто же ещё?)! Магда отцепилась с допросами, получив очередной кусок мяса и убравшись восвояси! Нискирич и не думал совать нос в дела пасынка, одновременно почти не втягивая в разборки «Детей заполночи»! Да, ещё оставался обещанный разговор с Моноспектральной Чапати, но его я собирался откладывать как можно дольше…

Оставляя за кормой узкий пограничный мыс между Уроборосом и Пиркивеллем, я улыбался, напевал и даже раскачивался в неудобном кресле, будто подтанцовывая.

Пожалуй, если бы в тот солнечный момент мне открылось, что произойдёт дальше, радость была бы не столь яркой…

Глава 10
ТАК ВАЖНО МЕНЯ БРОСИТЬ?

Начало уличного шествия я заметил на подъезде к Бонжуру, ещё на спуске с Тысячи Дорог. Даже когда силовые коридоры закончились и фаэтон пришлось опустить на колёса, с высоты сложнейшей развязки пёстрая змея празднующих просматривалась весьма хорошо.

Шумная, костюмированная и потрясающая надувными фигурами толпа плыла на запад, на каждом перекрёстке пополняясь сотнями новых гуляк. Чу-ха вообще не дураки до одури поорать и напиться на регулярных уличных фестивалях, а уж на таком-то, как Канамара-ац'ри…

Стараясь не вырываться из плотного потока окружавших меня гендо и фаэтонов, я рассматривал огромные надувные и светострунные пенисы, покачивающиеся и мерцающие над шествием — символы Каменного Плодородия. Прикинул дальнейший путь и возможные препоны, беззлобно выругался… растущий фестиваль медленно катился к площади Канамару, что значило — через весь Бонжур.

Я мысленно перекроил маршрут возвращения, а яростно засигналивший «Барру» Сапфир сместился к вспомогательной эстакаде. Нырнул на стартовую, подпрыгнул в подвернувшуюся силовуху. Гуляния вынуждали брать южнее с последующим виражом в сторону Виривага-Ню, иначе мне на родные улицы транспорт было не приткнуть.

Внизу шумели, дули в трубы, барабанили и веселились так, что я даже сбросил скорость. Покосился вниз, на пёструю тысячеглавую реку, над которой колыхались трёхметровые члены, и невольно улыбнулся.

Праздник плодородия всегда казался мне забавным. И весьма неприличным, к слову. Но если в прошлые годы я сознательно (и по понятным причинам) его избегал, то после недавней ночи… Интересно, намекнуть Ч'айе о торжественной дате, или всё же поостеречься?

Я снова улыбнулся, едва не поцеловав бампером парящий впереди фаэтон.

В толпе, закутавшись в специальные ритуальные полотна, то здесь, то там предавались плотским утехам; на обочинах процессии спешно возводились лёгкие матерчатые палатки, где любая парочка (а иногда и целая группа) могла за малую плату принести символическую жертву Каменному Плодородию Тиама.

Я вернул внимание силовому коридору.

Да уж (Благодетельная Когане Но свидетельница!), в этом прекрасном мире все постоянно друг друга дрючат… Шири-Кегарета — свою доверчивую казоку; Нискирич — отборных дорогих онсэн и вражеских хетто; вистар — рабов и родственников; дворовая шпана — покорных двухрупиевых кукуга из уютных домов; Аширна — свояка Нурсета…

Снова мелькнуло жаркое воспоминание о Куранпу, этом странном образе не менее странной девчонки в моей норе. Но развиться ему не позволило отсыпанное на гаппи сообщение.

Я невольно хмыкнул. Пробормотал:

— Ты что, байши, мысли читать научилась?..

И открыл на бортовой консоли свето-струнный слепок Аширны фер вис Фиитчи. Вторая вдова сталелитейщика была одета в тот же костюм, что и во время разоблачения сестрицы, но на голове сейчас покоилась лёгкая вуаль с символами смытого позора.

— Господин Скичира, — без приветствия произнёс слепок твёрдым, чуть вибрирующим голосом, — я сделала эту запись, потому что мне было бы очень непросто сказать дальнейшее в настоящем разговоре…

Нахмурившись, я попробовал поставить слепок на паузу, но консоль ответила писклявым отказом.

— Впрочем, вы поймёте, что после событий в «Колесе» особенного желания повторять таковой у меня нет… — с печальной улыбкой добавила Аширна.

А я выругался, на этот раз громко и с чувством, высматривая место для экстренной парковки. Бросил «Барру» вниз и влево, лихорадочно высматривая свободный посадочный коридор под навесными мостками, рекламными конструкциями и даже бельевыми верёвками.

— Я не помню нашу беседу в парке, господин фер Скичира, — продолжила чу-ха на записи, — но помню её последствия. Скажу откровенно, мне до сих пор не по себе от ваших… умений.

Стараясь не упустить ни единого слова, я, наконец, углядел свободный пятак на дне вспомогательного колодца и направил фаэтон в переулок.

— Первое, за что я хотела бы поблагодарить, — кивнула Аширна, — как вы всё прекрасно продумали… Как дали понять, что в комнате находятся ваши бывшие клиенты, которые не дадут соврать, но при этом не указали на меня… Давление тоже было оказано блестяще, в лучших традициях вистар… мастерски… И считалочка, да, она тоже показалась мне забавной. Я не помню ту, с «Колеса», но эта отныне осела в моей памяти до самой смерти…

Мне удалось-таки втиснуть «Барру» в пустынный проулок, куда не заглядывали даже самые разнузданные гуляки Канамара-ац'ри. С проспектов доносился шум, но он почти не мешал слушать откровения спасённой вистар:

— Вероятно, господин фер Скичира, вы ждёте объяснений? — Она вздохнула, оправила шаль, и задумчиво уставилась в сторону. — Не знаю, что я наговорила вам в «Колесе», но да… мы с Нурсетом действительно спали. Уже не один год. Мне неведомо, знала ли об этом Чинанда-Кси, но поверьте — я терзалась каждый из прожитых во лжи дней. Нурсету тоже было неспокойно. Он хотел расторгнуть контракт с Чи… оставить её очень богатой, очень, но жить со мной… вы знали, что это я их познакомила?

Я чуть не кивнул, на секунду забывшись, что имею дело с записью. Происходящее казалось волнительным. Меня, мягко скажем, не так часто находили после выполненной работы. Особенно те, кого по заказу я должен был довести до самоуничтожения…

— Ах, как причудлива жизнь, — вторя моим мыслям, невесело усмехнулась Аширна. — Я могла умереть вместе с Нурсетом, если бы не сработало противоядие… могла умереть в «Пламенном колесе», если бы не вмешались вы…

По спине прокатились мурашки, будто бы чу-ха на слепке и правда умела проникать в чужое сознание.

— Но, быть может, моя жизнь ещё для чего-то нужна этому миру, да?

А вот на этот вопрос я не ответил бы, даже ведя с Аширной фер вис Фиитчи полноценный диалог. Да что там? Я и сам бы с удовольствием задал его кому-то мудрому и всеведущему…

— Благодарю вас, господин фер Скичира! — Та сложила лапы и коснулась ими лба в почтительном жесте. — Когда будет закончено делопроизводство, мои помощники перечислят вам щедрую премию. Если вдруг возникнут сложности, если Чинан… — Она запнулась на полуслове, и даже вуаль не помешала заметить, как непросто ей произносить имя сестры. — Если кое-кто сумеет извернуться и начнёт портить вам жизнь, сразу свяжитесь со мной или поверенными. Я решу любой вопрос.

Моя бровь изогнулась. Краски стали ещё ярче, шум праздника приятнее. Премия! Неожиданно, но до чего же пьянит!

— Разумеется, — продолжила Аширна, всё ещё глядя немного в сторону, чем напомнила мне Нискирича, — излишне напоминать, что всё случившееся должно остаться в строгой тайне. Запись, которую вы активировали, закодирована от пересыпания вовне и будет стёрта после завершения… Благодарю вас ещё многократно…

Она снова коснулась лба сжатыми лапами.

— Пусть хранит вас Двоепервая Стая…

Улыбнулась с оскалом:

— …впрочем, сестра в очередной раз доказала, что можно верить в высшее добро и самопожертвование, одновременно планируя *такое*… Подумать только… узнать, что я пойду к Нурсету перед «Загоном», хладнокровно смазать бокалы, а потом поехать виниться в «Созидательное Отрицание»… — Она встряхнулась. — Впрочем, теперь это лишь пыль памяти… Светлого неба над вашей норой и незапятнанной судьбы, господин фер Скичира.

На этом слепок погас, оставив меня в тишине и одиночестве.

На мгновение мелькнула мысль: а что, если это был Песчаный Карп в обличии Аширны? Я тут же погнал эти мысли, ведь так было недолго загреметь на одну больничную койку с Зикро…

Потрогал колечко Аммы. Что ж, если вистар готовы платить премии, то могут и дальше изменять друг другу, и даже вне праздника Каменного Плодородия. Отключив «болтушку» от бортовой консоли, я осмотрелся и только сейчас сообразил, куда опустил — едва ли не уронив, — старенький фаэтон любимой синешкурки…

Охнул, машинально открывая дверь.

В салон тут же ворвались полноценные звуки фестиваля, по шее крутанул порыв ветра. Выбравшись из «Барру», я осмотрелся с кривой улыбкой, не в силах поверить совпадению — запись Аширны вынудила меня забиться в один из многочисленных и совершенно пустынных переулков улицы Киопти.

В очень знакомый переулок, куда я не заглядывал уже много лет…

При очередном (и не первом за последнее время) воспоминании о Пяти-Без-Трёх по спине снова прокатился морозец. Я прикрыл дверь фаэтона, задумчиво прошёлся по кругу.

Сложно вычленить, чем именно переулок потянул меня вновь. Говоря по чести, нужно было падать в «Барру» и на полной скорости мчать к знойной и неприступной Ч’айе, с благодарностями отпускать Сапфир и проверять разбухшие счета.

Но чудесное настроение, приступ воспоминаний и эйфория от завершённого дела накатили так плотно, что я вынул из рюкзака «Сачирато» и медленно двинулся к знакомому подвалу. Надевая очки, подумал, что давненько не использовал прибор и вообще почти забыл, каково это, таскаться по тёмным норам и тоннелям…

Несмотря на плотность заселения этой части Бонжура,

переулок был пуст. Более того, нужный мне спуск тоже казался заброшенным едва ли не с тех самых злополучных времён. Символы на стенах стёрлись до полуразличимых линий, многие были задуты из баллонов с краской или заклеены объявлениями, рекламой и молитвами с призывами процветания на улицу и район.

Потайной вход нашёлся ровно там, где я и запомнил. Настроив «Сачирато», я осторожно отодвинул в сторону лист гофрированной жести, ещё раз осмотрелся и нырнул в темень. Оказавшуюся в точности такой же вонючей, как и в воспоминаниях…

Стараясь дышать ртом, я с интересом двинулся вперёд. Несмотря на то, что мне довелось побывать в «храме» всего пару раз, каждый поворот, каждый свисающий с низкого потолка кабель казались знакомыми, как в родной норе.

Наверное, мне стоило развернуться и уйти.

Хорошее настроение смело вихрем тягостных воспоминаний. Я вспомнил дикое пламя в глазах Пяти-Без-Трёх; тягучее пение его последователей; смрад десятков немытых хвостатых тел, и исступление, в котором чу-ха тянулись к чужеродному образу, запретному и обманчиво-святому.

Пожалуй, мне не стоило даже спускаться в подвал… но в душе шевелилось тревожное, зудящее, тянущее вперёд ещё раз взглянуть на остатки алтаря.

Чего я ждал под этими низкими сводами?

Выжившего-таки одинокого Пять-Без-Трёх, добровольно изувеченного, изможднного голодом и грязным стрихом; брошенного всем миром, в полузабытьи терпеливо дремлющего у серой стены в ожидании моего возвращения? Или повторной волны ложного всесилия, вызванного перекормленным самолюбием?

Голоса в голове молчали, как и музыка улиц…

На пороге «центрального зала» я остановился, брезгливо принюхиваясь сквозь смешение оттенков самой отвратительной вони. Различил еду… недавно приготовленную… Невольно хмыкнул, осознав, что сквозь гниение и ароматы склизкой тины на стенах пробивается запах настоящего жареного мяса.

Задумался, что это странно, ведь обычно местные торчки предпочитали грызть раздаваемые Подмастерьями Двоепервой Стаи галеты или заливать кипятком дешёвые жировые капсулы. Предположил, что им могло повезти изловить нерасторопного пса; медленно направился к центру «молельни».

Припал на колено, разглядывая бесформенное пятно костровища. Довольно свежего, хоть и остывшего. Рядом

обнаружились складной вертел, дряхлые пожитки и разделочные доски. Отбросив их палкой, я увидел разделанную тушу.

После чего резко поднялся на ноги и расстегнул кобуру.

Потому что дворовые собаки, по грустному стечению обстоятельств попадающие в пасть к безнорым наркоманам, не носят удобных спортивных ботинок, курток и рюкзаков…

На меня напали, едва я успел выхватить башер.

Чуть позже я размышлял, что окажись незваный гость обычным чу-ха, ублюдки навалились бы ещё на входе. В моём же случае, вероятнее всего, они настолько ошалели от чужеродных вида и запаха, что пару минут элементарно приходили в себя.

Однако ж, пришли…

Снаружи грохотали барабаны и кимвалы, верещала и стонала тысячами глоток перевозбуждённая толпа, взрывались петарды и шутихи. А в грязном забытом подвале на меня бросалась дрянь совершенно отвратительного вида.

Чу-ха напал сверху, пробравшись по стяжкам многочисленных потолочных кабелей; дёрганный, будто капля на жаровне, худой и длиннохвостый; он был одет в пёстрое тряпьё, а на правой верхней лапе носил устройство сродни сложному шприцу или распылителю.

Обернувшись на шорох и выдернув «Молот» из кобуры, я едва успел прикрыть лицо вскинутым предплечьем — по левому рукаву, разбрызгивая капли на «Сачирато» и скулу, — ударила тонкая струя шипящего, тут же ядовито-обжёгшего, заставившего взвыть и отпрыгнуть.

Очки, к счастью, не повредило. Отскочив и оскалившись, я без труда рассмотрел ублюдка среди проводов и без раздумий всадил в тощий живот сразу пяток фанга. Тот заверещал, разжал хватку, рухнул и плотно запутался в провисших кабелях; вздрогнул, испустил на пол длинную струю обжигающей жидкости, и тяжело обмяк, медленно покачиваясь.

Я отскочил от костровища, тряся облитой рукой и сбрасывая на пол тяжёлые, маслянистые и дымящиеся бусины кислоты. А из проёма слева показался второй выродок, такой же худой и пёстрый.

Этому я не позволил даже вскинуть распылитель. «Молот» щёлкнул ещё три раза, в морде борфа открылось три новых алых глаза, и тот с протяжным хрипом завалился на спину.

Прижавшись к стене в том месте, где Пять-Без-Трёх когда-то ставил нелепый алтарь, я присел на колено, выставил башер, задержал дыхание и прислушался.

По замусоренному бетону соседних комнат, спешно затихая в удалении, скребли когти удирающих крыс. Несколько секунд их

писк и шуршание ещё доносились до меня, но затем всё стихло, а я мог только посочувствовать подвалам тех комплеблоков, куда уроды доберутся подземными ходами…

Убедившись, что окружающая тьма отвечает лишь пульсацией крови в моих ушах, я торопливо перезарядил «Молот», почти разряженную кассету спрятав в карман. Бережно ощупал обожжённую щёку, беззвучно выругался и осторожно — вдоль стеночки, с оружием на уровне груди, — двинулся в сторону выхода.

Байши, вот говорил же себе, что нужно двигать в нору?!

Так какого, спрашивается, *уя?!

А если бы суки оказались чуть прово…

Замер: датчики «Сачирато» зафиксировали звуки в соседнем помещении. Едва слышные, не нарастающие, теперь я разбирал их и сам. Приподняв «Молот», быстро выглянул в проём, отступил, рассмотрел зафиксированную очками картинку… и торопливо вошёл.

На трубе под потолком висели трое: грузная взрослая самка; парнишка, на вид чуть моложе Прогиба; и старик. Все они были связаны так плотно, что и хвостом не шевельнуть, морды опутали кляпы, и только подросток пытался дёргаться, чуть задевая боком бетонную стену. Глядя на припасы «Кислотных шутов», я пожалел, что не могу заново убить двух тварей, напавших на меня в молельной.

Спрятав башер, я выщелкнул клинок ножа и принялся бережно срезать пленников с трубы. Самка почти не двигалась, но слабое дыхание улавливалось. Старый чу-ха был мёртв, причём, по всей видимости, уже не первый день.

А вот паренёк — едва я разрезал верёвки и сковывавшие лапы провод **а**, — зарычал, щёлкнул зубами в сантиметре от моих пальцев и рванул прочь с такой скоростью, что меня обдало пылью.

Что ж, разве его можно было винить?

Я ещё раз прислушался и убедился, что «Шуты» не вернулись. Выбрался из проклятого подвала. Дрожащим пальцем пролистал ячейки гаппи, соображая, кого именно вызывать. В итоге остановился на Пио. Пусть здоровяк являлся бригадиром по сбору дани, а не силовиком, в голову первым почему-то пришёл именно он.

— Куо-куо, братишка! — Слепок Пио показал мне скрещённые пальцы. — Как сам?

Я не стал тратить время на приветствие или пустую болтовню. Кратко, максимально ёмко и информативно обрисовал казоку-йодда ситуацию, дал как можно более точный адрес и

запросил группу зачистки.

Пио слушал в суровом молчании, деловито отмечая что-то на невидимой консоли, и пообещал быть через десять минут.

Вернувшись к «Барру», я тяжело упал на водительское сиденье, щедро глотнул паймы и осмотрел ожоги. К счастью, сильнее прочего пострадало пальто — из проплешин на рукаве даже проглядывала экранирующая сетка. «Сачирато» почти не задело, лишь оплавив обод оправы. А вот на лице следы всё же остались, зудящие, опалившие кожу и лишь чудом не прожёгшие левую скулу до кости.

Я обеззаразил отметины нифотехом. Мазнул по лицу «жидким бинтом», ругаясь предельно беззвучно, чтобы лишней мимикой не помешать препарату застыть. Осторожно глотнул ещё паймы.

Можно ли назвать везением случайное обнаружение мелкого логова «Кислотных шутов»? Или же случившееся можно назвать как раз *невезением*? А то, что струя ублюдка не попала мне, скажем, в глаз? Или что говномесов не оказалось пять, двадцать или даже больше? А спасение незнакомых чу-ха, пусть и не всех?

Так, господин Скичира… теперь вы точно катите домой! На*уй испытывать судьбу, когда в норе вас ждёт горячая подруга и полный кошелёк!

Фаэтон в воздух я поднимал так быстро и неосмотрительно, что сорвал десяток проводов и верёвок с подштанниками. Развернулся под цветистую брань из окон, и рванул вперёд с такой скоростью, что вздрогнул и сам.

Над процессией Канамара-ац'ри пришлось немного нарушить правила… Ну, может, не так уж и немного… Ладно, признаю честно, правила воздушного движения я нарушил основательно и грубо — на малой высоте прошёлся поперёк фестиваля, едва не врезавшись в пару надувных членов; и погнал к «Куску угля»…

Успокоиться удалось только на въезде в гараж комплеблока, после ответного вызова Пио, который сообщил свежие новости — отряд «Детей» прибыл на место, самку откачали, след борфов взяли и начали преследование.

Поставив «Барру» на привычное место, я ещё несколько минут посидел в тишине, и только потом скидал в рюкзак разбросанную аптечку, «Сачирато» и разряженную кассету башера. Двинулся к лифтам. Уже дожидаясь кабины, запоздало вспомнил, что следовало убедиться в отсутствии хвоста… но махнул на это рукой.

Спустился под гаражи, дошёл до нужной двери. И замер.

В сознание вползь знакомый страх: а что, если Ч'айи нет внутри? Если её нашёл фер Шири-Кегарета? Или Нискирич? Или

она вообще сбежала, больше не желая меня видеть? Что, если за время моего отсутствия девчонки не поделили сущую мелочь, и Сапфир причинила ей вред?

Я стиснул кулаки.

Хорошее настроение, купавшее меня в своих лучах ещё час назад, испарилось под звуки мысленной какофонической музыки; на смену ему пришли привычная тревожность, нервозность и ожидание беды… Помотав головой, я потянулся было к фляге, но решил притормозить. Ещё раз осмотрел полутёмный коридор подвала и осторожно отбарабанил условным стуком.

п.3.; г.10; ч.2

Ч’айя открыла так быстро, будто ждала у порога.

Глаза её распахнулись, губы украсила обворожительная улыбка, и через секунду я уже вваливался внутрь, едва справляясь с желанием поцеловать девушку. Невольно оттёр её от двери, торопливо закрыл створку, запер замки. И обомлел от вида пустой комнатёнки:

— А где Сапфир?!

Ч’айя хмыкнула, явно забавляясь моим замешательством.

— Дома, полагаю. Или на работе. У неё, знаешь ли, есть и свои дела.

— И ты *позволила*?! — Мои брови поползли на лоб, а пальцы непроизвольно потянулись к «болтушке».

Улыбка Ч’айи погасла, на лбу прорезалась морщинка.

— Вообще-то, Ланс, — отвердевшим голосом ответила она, — я же её и выставила. Ты, значит, весь день где-то шляешься, а Пияна обязана тратить своё драгоценное время?!

Я чуть не поперхнулся, только сейчас сообразив, что уже пару лет не называл Сапфир настоящим именем. Впрочем, перевести дух и продемонстрировать оплошность мне не позволили — девушка продолжала:

— Когда мы закончили, я отправила её домой. Нет, Ланс, не переживай, я не скучала. Нет, я не голодала. Нет, дверь я тоже никому не открывала. Хотя, к слову, в неё никто и не стучал.

— Закончили что? — глуповато переспросил я, сбитый с толку такой мощной контратакой.

Ч’айя сделала пару шагов назад, теперь глядя на меня с откровенным вопросом во взгляде: *«нет, Ланс, ты правда такой дурной? или слепой?»*. А дурной и слепой, наконец, заметил.

Девчонка уже не заматывалась ни в одеяло, ни в балахон моего «домашнего халата».

Теперь на ней были надеты знакомые тёмно-синие брюки, ставшие уж **е** и короче настолько, что приоткрывали соблазнительные лодыжки; рубаха, почти не поменявшая покроя, разве что немного приталенная; голубой жилет, тоже почти не пострадавший от ножниц и иглы; и двубортный френч, основательно «утянутый» в поясе и плечах. Длину рукавов портнихи пощадили, элегантно закрепив в закатанном виде…

Нетронутым остался лишь трехконечный галстук с круглой бляхой зажима-фиксатора и строгими накладками на концах витого кожаного шнура… и я вдруг испытал ревностное желание тут же его надеть.

Не то, чтобы последний из предпоследних даров Чинанды-Кси так уж мне нравился… Но чтобы кто-то… кто-то извне с такой лёгкостью отнимал моё… так бесцеремонно, так легко… и я при этом не испытывал желания зарядить ему кастетом… В общем, скажу откровенно, в этот момент меня обуревал вихрь самых противоречивых чувств.

— И вот ещё! — с гордостью добавила девушка, выставляя ножку и демонстрируя грубоватую, но удобную обувку из цельного листа выделанной свиной кожи. — Выкройка очень хитрая, я бы без Пияны не сообразила, а собирается легче лёгкого, на единственный шнурок!

Кивнув, я вдруг ощутил приступ непрошено-тёплых воспоминаний о Стиб-Уиирта и своём первом хозяине Джу-бир-Амрате, мастерившем точно такие же тапки для хождения по острым камням…

— Ну, так что скажешь? — нетерпеливо поинтересовалась Ч'айя, и я вдруг услышал грозные нотки.

— Ох, байши… прости-прости! — Я скользнул взглядом по голой лодыжке, выше, ещё выше, и вдруг почувствовал, что против воли в штанах снова набухает. — Это просто шикарно! Ты отлично выглядишь, Ч'айя! Вы настоящие молодцы!

Что ж тут ещё добавить?

Она и правда выглядела великолепно, а уж как перешитый костюм стал подчёркивать стройную фигуру! Меня вдруг стрельнуло шальной мыслью, что той жаркой ночью кое-кому следовало записать свето-струнный слепок… шансы на повторение пока были минимальны, а вот запись пригодится всегда…

Недавний разговор с Магдой, разоблачение убийцы Нурсета, неожиданная стычка с «Шутами» и освобождение пленников-припасов вдруг стали такими незначительными, словно и не происходили в реальности. Осталась лишь девушка напротив, настоящая, живая, дурманящая запахами и формами…

— Это всё Сапфир, — твёрдо повторила Ч'айя, мгновенно разрушив царство моих потных фантазий. — Я на подхвате была, в основном кроила и сшивала она…

— Вы не ругались? — спросил я, вдруг ощутив, как пересохло в горле.

Скинул рюкзак, разулся, прошёл к пищевому комбайну и напился воды.

— Вот ещё, — легкомысленно отмахнулась кареглазая. Сняла френч и жилет, будто и надевала-то, лишь бы дождаться меня да покрасоваться; аккуратно сложила. — Твоя подруга оказалась очень мила. И умна, кстати. А ещё, Ланс, ты определённо не

замечаешь, с какой заботой она к тебе относится.

Я хотел возмутиться. И даже обернулся с твёрдым намереньем. Но тут же выяснил, что купленная фер вис Фиитчи рубашка весьма тонка, и сейчас через неё ощутимо просвечивает шикарная грудь Ч'айи.

— Рад, что вы поладили, — пробормотал я, спешно отводя взгляд. И вдруг спохватился: — Но как, ради Когане Но, ты так быстро отшелушила нательный комбинезон?!

На руках, шее и лице девушки действительно почти не осталось прозрачной плёнки, на избавление от которой у меня лично ушёл не один день в жаркой пустыне. О недавнем образе «подарка в капсуле» напоминали лишь небольшие тонкие диски, по-прежнему лепящиеся к вискам Ч'айи.

— Выяснилось, что плёнка неплохо растворяется под действием соляного раствора и сухой чинги. Только с этим пока не вышло. — Кончиками пальцев она прикоснулась к пластинкам и недовольно поморщилась. — Словно к коже пришиты…

— Сойдут… — кивнул я. И с тоской задумался, что девчонка определённо смышлёнее меня. — Силой отодрать не пробуй…

Она нахмурилась, будто я брякнул что-то на редкость очевидное. Добавила:

— Кстати, с Пияной мы не поладили, а сдружились!

О, просто шикарно! Я провёл в Тиаме семь бесконечных лет, и до сих пор не завёл никого, кого смог бы назвать своим *другом*. Ч'айя провела здесь пару скоротечных дней, и у неё появилась настоящая подруга.

— Ланс! — вдруг воскликнула она, а я чуть не выронил стакан. — Ты ранен?!

Подступила, потянувшись к щеке. Заставила почти отшатнуться, но вовремя сдержаться ради ещё одного, пусть и мимолётного, прикосновения.

— Ах, это?! — с усмешкой уточнил я, стараясь казаться невозмутимым. — Царапина, супом облился. Заживёт, не бери в голову…

— Дай посмотреть! Не дёргайся, сиди спокойно.

Скрывать не стану, мне была приятна забота Ч'айи.

Поэтому я дал усадить себя, стянуть пальто, а затем несколько минут терпел, пока девушка (сквозь зубы ругаясь на мою беспечность) счищала засохший «бинт» и заново, куда более старательно и терпеливо, повторяла процедуру обеззараживания. При этом у меня вставал, будто надувной над шествием Канамара-ац'ри…

— Опять пил? — тихо спросила она, находясь близко-близко. Спросила с лёгким недовольством, но привычно, будто обыденно.

— Работа такая… — пробурчал я, стараясь дышать в сторону.

— Итак?

Ч'айя отступила, осматривая обновлённый мазок «жидкого пластыря».

— Вийо?

— Ты закончил свои «важные дела»?

— Ах, да, конечно! — Воспоминания о гонораре и премии с новой силой разлили тепло в груди. — Всё получилось! Не знаю точно, как, но получилось, и я заработал нам кучу денег.

Она упёрла руки в бока, склонила голову, одной позой вопрошая: *«нам?»*.

Я было думал смутиться, а затем покосился на Ч'айю снизу вверх и понял, что та вроде даже и не против озвученной формулировки…

— Вот только, — добавил я с виноватым пожатием плеч, и в карих глазах недобро полыхнуло, — мне снова нужно убежать… Ненадолго, всего на пару часов…

Её скулы отвердели, на лбу прорезалась завитушка морщины. Втянув воздух через нос, девушка отошла варить чингу.

— Прости, Ч'айя… — пробормотал я, собирая аптечку и не поднимая глаз. — Так нужно. Просто… ты появилась в моей жизни в очень странный её период…

— Действительно? — с прохладцей уточнила она. — Так может, и мне поискать себе заделье? Что-то важное и интересное, скажем? Способ заработка? Или хобби?

— Не говори так! — Я чуть не вскочил. — Не сейчас… пока тебе нельзя… наружу.

— Так может, — зарядив комбайн, она развернулась ко мне и снова встала в грозную позу, — ты всё-таки расскажешь, что происходит?

— Это трудно… — Мда, иногда говорить правду куда сложнее, чем врать. — И долго. Но я расскажу, клянусь. Только чуть позже, ладно? А ты пока посиди тут… хотя нет!

Я всё же вскочил, заставив её вздрогнуть. Начал собирать вещи, сумбурно взвешивая в уме все возможные риски.

Карп открыто объявил о перемирии, если не союзничестве; Нискирич не докучал; Сапфир была в курсе; неизвестная ночная угроза больше ничем себя не проявляла…

— Мы вернёмся. Наверх! В нормальную нору, сисадда? Там ты сможешь, пусть и не в полной мере, пользоваться Мицелиумом! А ещё там удобнее, и не так тесно!

— Допустим, — она кивнула. Отпила из своей чашки, протянула чингу и мне. — И как же ты планируешь провести меня через подъезд среди белого дня?

Зажужжал замок закрываемой сумки. Щёлкнули застёжки рюкзака. Только тогда я тоже отпил горячей чинги и поднял взгляд.

— У меня есть один план… Он включает в себя использование контейнера из прачечной…

Ч'айя вспыхнула, чуть не пролив напиток на белоснежную рубаху. Села на диван, скрестила ноги и молчала, пока не допила. А пила она бесконечно крохотными глоточками. Наконец:

— Хорошо. Но только самый чистый бак.

— Клянусь, — я прижал руку к груди, — самый чистый и удобный!

А уже через четверть часа катил этот самый чистый и удобный контейнер по коридорам подвала к лифту. Ч'айя — укрытая одеялом, халатом, пальто, сумкой, рюкзаком и прочим скарбом, прихваченным при отступлении из резервной норы, — ругалась сквозь зубы. Дышала редко и ртом, стараясь лишний раз не вдыхать ароматы защитного купола, который я создал из ароматических масел, способных отбить запах человеческого тела.

Гаппи завибрировал, когда контейнер уже вкатывался в пустой лифт. *Обычный* гаппи, к моему облегчению. Я подумал было решительно сбросить, но увидел профиль вызывающего, и замер.

Вот только что я размышлял об отсутствии у себя настоящих друзей, и тут же собирался расширить имеющуюся пропасть. Да, в другой момент, пожалуй, я бы вызова действительно и не принял, но…

— Куо-куо, Зикро! — достаточно громко (чтобы слышала Ч'айя) и бодро сказал я, приняв сигнал без свето-струнного слепка. — Рад, что ты не забываешь старого друга!

— Если это действительно ты, Ланс, — хрипло ответил глабер в моём заушнике, и я с ужасом осознал, что он снова не жуёт, — бросай все дела и вали. Я думал о нашем последнем разговоре, и решил предупредить. Не знаю, куда ты спрячешься, но беги от зла… Меня найти больше не пытайся, я отхожу от дел.

— Погоди, пунчи, погоди! — Вздрогнув всем телом, я, тем не менее, попытался говорить с прежним задором. — Не част **и**, хорошо? Что случилось, друг? Ты готов встретиться и поговорить?

Акс-Иушиппи будто не слышал. Бормотал тихо и сумбурно, как скованный холодом.

— И вот ещё, терюнаши… Я всё чаще думаю об этом… говорят, наши предки жили под землёй, где бесконечно сражались с Бансури и его плотоядными змеями. Тогда над нами был раскинут Мицелиум, настоящий, божественный, больше, чем

паутина или облако на небе… Он помогал, он позволял перебрасываться информацией из одной крепости-гнезда в другую, и никакие демоны не могли этому помешать… Ланс, сегодня эти демоны захватили Мицелиум. Мицелиум переродился, он снова с нами, но уже не помогает, а грозит смертью…

— Зикро, пунчи, да не таратор, — снова попробовал я, начиная понимать, что уже не достучусь до глабера. — Ты хочешь мне на что-то намекнуть?

— Мицелиум стал опасен для чу-ха… и для тебя тоже! — почти взвизгнул Кирчик. — Знаешь, какой инструмент управления стаей самый мощный?! Убедить членов стаи, что в какой-то момент — может, в своих норах и тёплых кроватках, — за ними никто не наблюдает! И всё! Они твои! Упиваются ложной свободой, оставаясь под прицелом, но не зная правды!

Он дышал шумно и быстро, будто после бега. Казалось, я слышу, как стучат его зубы.

— Владыка Мицелиума — настоящее воплощение Бансури… Опасайся его, терюнаши, опасайся и не доверяй… не имей дел с демоном, он всегда на шаг впереди…

— Пу-унчи, — протянул я, не спеша выбирать нужный этаж. Двери рискнули сойтись, но моя нога не позволила. Ч'айя в баке недовольно заворочалась. — Не всё так просто, как кажется… как казалось нам обоим во время налёта на «Мост». Давай встретимся, нужно это обсудить. Поверь, без тебя мне не разобраться во многих…

— Я пересыпал пакет, — будто не слушая, продолжил бормотать глабер, а гаппи мигнул сигналом входящего сообщения. — Это прощальный подарок. Там информация. Она не относится напрямую ни к твоим расследованиям, ни к тебе лично… Но может быть интересной. Хоть и невесёлой. Терюнаши, сто раз подумай, прежде чем открывать этот пакет, сисадда?

У меня снова пересохло в горле. Что такого «невесёлого и интересного» мог подарить мне спятивший мицели-йодда, уверовавший в демоническую сущность джинкина-там? Что-то о Шири-Кегарете? Тёмных делах отчима? Или о моём происхождении?

— Ты всё равно не угадаешь, — пискнул Зикро, заставив меня в который раз задуматься об умении отдельных чу-ха читать мысли, — просто… когда утихнет ветер… ты можешь прочитать. Или удалить. Потому что в первом случае узнаешь нечто не самое приятное про одного из своих знакомых.

Я похолодел и обрадовался, что Ч'айя в эту минуту не видит моего лица. Зикро говорил о ком-то из «Детей заполночи»? Или…

о себе?

— Может, пояснишь? — осторожно уточнил я, осознав, что тон разговора решительно изменился.

— Нет, — просто ответил Кирчик Акс-Иушиппи. — Куо-куо, Ланс, больше ты меня не увидишь.

И оборвал сеанс.

Несколько секунд я молча пялился в подвальную стену сквозь распахнутые двери лифта. Затем встрепенулся, вспомнив про задыхающуюся под горой вещей девчонку. Бросил в пустоту громко, с деланной бравадой:

— Конечно, братишка! Увидимся на днях! Я тоже буду рад обнять старого друга!

Вынув из кармана обломок хаси, ткнул в нужную ячейку настенного клавиатона. Байши! Ну почему всё происходит так потрясающе вовремя?! И что за пакет он мне прислал?

Один из виртуа-Лансов в голове возопил о необходимости немедленно изучить данные. Остальные посоветовали ему заткнуться и дождаться подходящего часа. Затем лифт прибыл на мой этаж, и загадки полоумного глабера стали окончательно второстепенными.

Вытолкав контейнер наружу, я хмуро оглянулся на зависающую у дальнего окна стайку молодёжи, и торопливо зашагал к норе. Парочка подростков фыркнула, задрав носы; одна самка начертила на лбу охранный знак; ещё один молокосос украдкой показал мне оттопыренный мизинец.

Вкатив убогий транспорт Ч'айи в жилище, я первым делом запер дверь, проскользнул в гостиную и внимательно обошел пустую нору, невольно поразившись, как легко заразиться чужой тревожностью… Казалось, с тех пор, как мы покинули моё скромное обиталище ради ещё более скромного, прошли годы.

— Выбирайся!

Осторожно опустив контейнер на бок, я помог девушке вылезти из-под одеяла и тяжёлой сумки. Разулся, откинул ботинки в прихожую.

— С кем ты говорил?

Она раздражённо выпуталась из ремней и полотнищ. Встала, одёрнула рубаху, развязала шнурки кожаных тапок и тоже выставила обувь в коридор.

— С другом, — как можно равнодушнее ответил я.

— О, Ланс Скичира, у тебя есть друзья?

Ч'айя улыбнулась, едва не распалив во мне огонь настоящей обиды.

На миг в её глазах проскользнуло что-то знакомое, что я уже встречал минувшей ночью, будто бы призрачная тень Куранпу. Но

уже через мгновение ветер сменился — вспомнив о россыпях зеркал на стенах, кареглазка рванулась в угол, вертясь на месте и со всех сторон разглядывая обновки.

— Вот центральная консоль, вот экраны, — зачем-то пояснил я, наблюдая, как она заново примеряет жилет и френч в разных комбинациях. — Только не спускайся в Мицелиум, хорошо? Вообще не открывай доступ, сисадда?

Я старался говорить без паники, ростки которой во мне зародил-таки Зикро:

— Не делай окна прозрачными, никуда не выходи, никому не открывай… Впрочем, ты знаешь. Там еда, вот кровать…

— Насколько я помню, — с улыбкой (чуть более доброй, чем фразой ранее) спросила Ч'айя, и перехватила мой взгляд в отражении, — ты обещал обо мне заботиться?

— Обещал, — я кивнул, деловито раскладывая вываленные из контейнера вещи. — Это и делаю. Поверь.

— И тебе так важно меня бросить? — Она игриво прищурилась, чуть не заставив отказаться от всех вечерних планов. Снова приложила голубой жилет к груди, повертелась. — Или всё же мы можем перекусить и…

Я так и не узнал, что именно предлагала Ч'айя после потенциального ужина. Потому что гаппи на моём запястье снова ожил гадкой закольцованной змеёй, заставив удивлённо распахнуть глаза. Вот уж чьего-чьего, а этого вызова я никак не ожидал…

— Байши… Прости, детка, — пробормотал я с *крайне* рискованной задумчивостью. Пожал плечами, зашёл в закуток рабочего кабинета и активировал заушник. — Ланс фер Скичира слушает…

В течение пяти последующих молчаливых минут я вдумчиво, насколько позволяло время, подобрал и обновил рюкзачный набор. Сжевал энергетический батончик. С неохотой снял чёрно-жёлтый жилет, подтянул бронекуртку и надел (бездумно, просто захотелось) удавку новомодного галстука. А затем, стараясь не обращать внимания на гневный взгляд Ч'айи, снова покинул любимую нору и девушку, которую пообещал защитить.

— Только, пожалуйста, — попросил напоследок, бережно убирая двуцветный символ казоку в шкаф, — эту вещь не перешивай…

Кареглазка не ответила и демонстративно прошлёпала в пищевой блок, предоставив мне самому выкатывать в коридор пустой бельевой бак и запирать замки.

praeteritum

Впоследствии я встречаю Первого Подмастерья ещё дважды.

Всего два раза. Ничтожно мало, но для последующих ночных кошмаров мне хватает с лихвой.

Первая встреча происходит аккурат после Ночи Переосмысления, когда улицы Бонжура пугающе пустуют, а суетливые чу-ха разбредаются по норам обжираться в кругу семьи в честь наступления нового годового цикла.

Конечно, саму Ночь я послушно провожу вместе с Аммой фер Скичира, Нискиричем и сонмом его наложниц и детей, имён которых никак не могу запомнить. Но едва разгорается Первый День, осторожно ускользаю в гнездо, непривычно свободное от шумных толп.

Теперь сопровождающего мне уже не выделяют.

Его успешно заменяет компактный башер с индивидуально подогнанной рукояткой, который отчим подарил мне за несколько дней до праздника. В деле оружие ещё не побывало, но — торчащее из-под новенького пальто, — своё дело по сохранению безопасной дистанции и вежливого тона выполняет исправно. Ему помогает чёрно-жёлтый кулон официального кандидата в казоку, который я тоже ношу на виду.

Пять-Без-Трёх находит меня на смотровой площадке Жёлтого Холма, у подножия которого пересекаются Вивирага-Ню и Вивирага-Да. Я прикатываю туда на гендо в цветовой схеме «Детей». И не успеваю толком распробовать привезённую с собой бутыль паймы, как калека выныривает из-за старинного каменного забора со сложенными у лба ладонями.

Почти не удивившись, я невольно гадаю, следил он за мной или терпеливо поджидал…

— Я должен показать, светлоликий, — смиренно говорит он после многословного приветствия.

Глаза чу-ха лихорадочно блестят. Но шерсть под залатанным балахоном выглядит куда лучше, чем во время нашей первой встречи. Мне начинает казаться, что он реально завязал.

— Идём, — говорит он дальше, — тебя покорно ждут… Они готовы, Нагината, идём…

Треть бутыли паймы во мне и пока безымянный башер за ремнём легкомысленно соглашаются с интригующим приглашением. Разумеется, я прекрасно помню кровавую схватку в тупике безымянного переулка. Но столь же часто вспоминаю и его проповедь… до сих пор не в силах понять, как к этому отнестись…

Поэтому я иду за Пятью-Без-Трёх вниз по склону.

Он шагает на два корпуса впереди, постоянно оглядываясь и скалясь редкими зубами в обрамлении подгнивших от стриха дёсен. Одежду бродяга не сменил, но бережно зашил десятки нанесённых в драке прорех. И даже украсил на спине символом нагинаты — широкого изогнутого клинка на мощной двуручной рукояти.

Изучая примитивный рисунок, я трусливо не решаюсь прокомментировать.

Пять-Без-Трёх ведёт меня на запад по Виривага-Да, затем сворачивает на улицу Киопти. Озираясь и запоминая дорогу, осознаю, что в этом районе Бонжура бываю крайне редко и совсем не знаю местных лабиринтов.

Подвыпившие компании обходят нас стороной и громко вопят щедрые пожелания в новом году. Случайные встречные подозрительно косятся, но и среди них одарить благословлением предпочитает большинство. Даже такого уродца, как я — сегодня это хорошая примета, способная даровать настоящую удачу до следующей Ночи…

На Киопти, почти целиком занятой лавками мешочников и ростовщиков, мы сворачиваем в пустынный переулок. Безликий, неброский, заставленный старыми фаэтонами со скрученными колёсами, мусорными баками и распределительными коробами. В переулок, очень похожий на тот, где Пять-Без-Трёх дрался с «отступниками», разве что чуть пошире и в зоне действия силового коридора.

Здесь Первый Подмастерье Нагинаты Когане Но останавливается и снова гнёт горбатую спину в почтительном поклоне. Затем озирается по сторонам и сдвигает в сторону здоровенный гофрированный лист с непристойными рисунками. Указывает на открывшийся лаз.

Я распахиваю пальто и поправляю башер за поясом. Если чу-ха и замечает демонстрацию, виду не подаёт. Первым скрывается в полумраке. Следую за ним, всё ещё размышляя — не ошибся ли?

Спускаемся в подвал, неторопливо бредём по полутёмному коридору, минуя один поворот за другим, и пригибаясь под свисающими с потолка кабелями. Чтобы гость не переломал ноги, проводник подсвечивает крохотной лампадой. Вопреки ожиданиям, я совершенно не испытываю страха. И взвешиваю в уме, что станет с мозгом и фанатизмом беспалого, если применить на нём моё зарождающееся умение…

Пахнет пылью и гнилью, чуть позже — мощными благовониями. Я заматываю нижнюю часть лица тонким шарфом, лично скроенным в швейных мастерских Нароста. Пять-Без-Трёх заискивающе улыбается на ходу, для него местные запахи вполне приятны.

Мы попадаем в зал, просторное прямоугольное помещение с низким потолком.

Свет даёт единственная лампа над входом, но я всё равно сразу замечаю столик у дальней стены. На нём несколько чашек с ароматическими маслами, пара выключенных портативных светильников, статуэтка Когане Но с отколотым уголком и набор пяти Безмятежных Детёнышей. За столиком, возвышаясь и поблёскивая, видна плоская ростовая фигура, вырезанная из прозрачного пластика. Силуэт грубый, топорный, но мне трудно не узнать в нём собственный…

Реальность основанного Пятью-Без-Трёх храма наконец-то пробивает щит беззаботного хмеля. Мне становится жутковато. Затем тревожно. И вдруг — весело. В тот момент я окончательно верю, что добротная пайма способна превратить в увлекательное приключение абсолютно любое событие…

А ещё (кроме чуть нервного веселья) я ощущаю гордость. Умиротворение, приходящее с щедро потешенным самолюбием. И жар внезапного озарения, когда снова задумываюсь, как сильно Пять-Без-Трёх может оказаться прав…

Они действительно здесь, дожидающиеся своего Подмастерья.

И меня.

Больше двух десятков чу-ха распластались вдоль стен и тянут к Нагинате когтистые пальцы. Многие бессвязно бормочут.

Пять-Без-Трёх оборачивается ко мне с довольным видом, будто предлагая оценить приложенные усилия. Конечно, я должен быть горд. Я должен быть польщён. Я должен быть удовлетворен… Он говорит:

— Когда вслед за тобой в Тиам придут прочие посланники Когане Но, мы будем готовы. Приказывай, светлоликий, и мы исполним!

Веселье испаряется. Как и любые мысли о реальности особого предназначения.

Вместо ответа Первому Подмастерью я едва не блюю себе на примитивную самодельную обувку, и торопливо покидаю храмовый подвал. Калека кричит в спину, что паства станет терпеливо ждать. Его эхо преследует меня даже в переулке…

Через неделю после Нефритовой Декады я узнаю, что последователи уходят.

Им наскучило.

Они не готовы вечно караулить приход воинства светлоликих орудий Когане Но.

Улицы слышат об уникальном терюнаши, шепчут обо мне. В деталях знают подробности моей инициации в «Дети заполночи». Но так и не дожидаются огненного урагана, в вихрях которого

на Тиам снизойдёт остальное воинство Благодетельной и вычистит скверну Юдайна-Сити до самых глубоких ям Такакханы.

И потому они уходят, больше не желая верить в избранность бесхвостого казоку-йодда, пусть и такого необычного…

Последнюю возможность увидеть Пять-Без-Трёх я нахожу во время рутинного рейда по кварталам Бонжура. В этот период «Дети» всё чаще берут меня с собой в деловые поездки по району, и я подозреваю, что за этим снова кроется прямой приказ Нискирича.

Я внимательно и молча наблюдаю за переговорами с членами мелких подконтрольных казоку; привыкаю к зрелищу наказания штрафников и запоминаю, как выбивают долги; вижу и запоминаю, как рядовые чёрно-жёлтые помогают простым чу-ха с проблемами в торговле или кормят с грузовых фаэтонов, раздавая еду самым нуждающимся и оголодавшим. Впитываю мягкую и незримую, но при этом чудовищно-злую силу, на которой держится и которой дышит Бонжур…

Когда фаэтон «Детей» минует улицу Киопти, прошу водителя опустить транспорт.

Мне послушно подчиняются, хотя я до сих пор не понимаю собственного статуса внутри семейства.

Говорю парням, что скоро вернусь. Выбираюсь наружу, и почти сразу нахожу знакомый серый переулок. Вздыхаю, недолго мнусь, но осознаю, что решение принято ещё в фаэтоне. Иду к подвалу. Оттягиваю гофрированный щит.

На этот раз я даже не передвигаю «Молот» под стрелковую руку — новенькая двуцветная жилетка на моей груди отпугивает шваль едва ли не эффективнее выстрела.

Ориентируюсь по запаху и подсвечиваю карманным фонарём, медленно минуя коридоры и выхожу в главный зал.

Лампа над входом разбита. Примитивный алтарь почти развален, столик лишился ножек и криво лежит на бетоне. Прозрачной человеческой фигуры за ним больше нет, а плошки для ароматических масел пусты.

Вдоль стен темнеют силуэты всего четырёх-пяти чу-ха. Сначала мне кажется, что подвальники приветствуют меня традиционным распластыванием… но совсем скоро понимаю, что все они изогнулись в наркотическом трансе.

*Чуть позже я узна **ю**, что Нискирич фер Скичира прослышал про Пять-Без-Трёх и его паству. Что, впрочем, вполне логично и ожидаемо…*

Однако старый ублюдок не начинает ломать лапы и рубить хвосты. Вместо этого отчим привязывает к Киопти и прилегающим переулкам специальных толкачей. Они продают калеке и его последователям стрих даже ниже себестоимости.

Обряды верующих в Нагинату Когане Но становятся ярче.

Затем хаотичнее.

А затем паства начинает стремительно редеть, и отнюдь не от скуки…

Своего Первого Подмастерья я нахожу у дальней стены. Почти у алтаря, замотанного в изодранное одеяло и воняющего дерьмом. Рядом валяются инъекторы и железные напёрстки, в которых улица плавит стрих.

За прошедшее время Пять-Без-Трёх ощутимо сдал и изувечился. Даже в неверном свете фонарика замечаю, что хвост чу-ха обрезан почти у самого основания, рана опасно кровоточит и жутко пахнет. Шерсть почти вся сбрита, словно Подмастерье пытался подражать облику «посланника Когане Но». Огромные крысиные резцы безумец стачивает почти под корень. Причём, судя по всему, тоже сам и очень грубо.

Я стою над его тщедушным полуобнажённым телом, едва удерживаясь от слёз.

Думаю, что Пять-Без-Трёх в забытьи. Но он неожиданно ведёт сопливым носом. Переворачивается. Слезящиеся, слипшиеся от гноя глаза приоткрываются, и я вижу, как лихорадочный блеск ложной веры смешивается с наркотическим экстазом.

Он едва дышит от гигантской дозы в своих венах, но меня всё же узнаёт…

Чу-ха поднимает лапу и тянет вверх ладонь, на которой не хватает пальцев. Говорит с трудом, с придыханием, шепеляво и неразборчиво. Пересиливаю себя, стараюсь не морщиться от жалости и отвращения, и медленно опускаюсь на колено. Прислушиваюсь.

— Рано или поздно… тебе придётся поверить в себя… так, как это сделал я, — лепечет Пять-Без-Трёх. — Не бойся, несокрушимая Нагината Когане Но… Ты спасёшь всех нас, только победив собственный страх перед судьбой…

Из беззубой пасти лезет зеленоватая пена, тело содрогается. Сложно понять, то ли Первый Подмастерье вновь провалился в наркотический транс и даже не вспомнит о визите, то ли на моих глазах скрутил отсутствующий хвост…

Встаю и, не оглядываясь, ухожу из проклятого подвала «напёрсточников».

Именно в тот день я накрепко усваиваю, что шальные мысли подчас разрушают сознание слабых ничуть не хуже чистого стриха.

Задвигаю массивный железный лист так, чтобы он скрывал спуск в бывший храм Нагинаты. Вспоминаю, что так и не узнал настоящего имени Пяти-Без-Трёх…

Глава 11
КОНЕЧНО, КРОВЬ

Спускаясь на лифте, я подумал, что количество посещённых мной подвалов и подземных парковок на условную единицу времени в последнее время становилось опасно великим…

Перешёл в оговоренное крыло, миновал ряды потрёпанных, как и «Барру» Сапфир-Пияны, фаэтонов; заметил замечательных старых друзей, приблизился.

— Давно не виделись, бледный, — просипел чу-ха с имплантом-респиратором на морде, и небрежно встряхнул скрещёнными пальцами.

— К сожалению, не так уж и давно, — я улыбнулся и откинул капюшон. — Всё ли благополучно, вы не голодные?

— Мы не голодные, Ланс. Ты готов?

Безносый Прикус отлепился от фургонного борта, который выжидательно подпирал, и шагнул мне навстречу. Морда его поднялась, будто «Добродетельный Садовник» вынюхивал.

Да, именно таким я его и запомнил — упакованного в индивидуальную тактическую броню, с многоточечной ремённой системой подвеса ассолтера и мягкой пластинчатой чешуёй на свёрнутом к поясу хвосте. Шлем с забралом, специально разработанным под вживлённые нос и челюсть несостоявшегося тетрона, висел на поясе.

В этот момент мне очень хотелось удрать. Вежливо попрощаться, прыгнуть в ближайший лифт и рвануть на любой из подвернувшихся этажей. Но если бы «Садовники» прибыли в «Кусок угля» по душеньку Бледношкурого, уже давно бы входили в его нору через окна, предварительно выбив стеклопакеты парой направленных взрывов…

Не спеша отвечать Прикусу, я осмотрелся.

Посреди полосы движения, нахально перекрывая дорогу добропорядочным чу-ха (если таковые вообще бывали) застыли два фургона «Шишама» — мощные, проходимые, без бортовых окон, вроде бы даже усиленные бронелистами. Отчасти похожие на тот, в котором мне довелось совершить незапланированную прогулку от лапшичной Щупа…

Кроме Прикуса у фаэтонов обнаружился здоровяк Панго и Рёбрышко, как обычно донельзя неприметный, словно бы прозрачный, почти сливающийся с транспортом за спиной. Как и безносый лидер стаи, «Садовники» носили бронезащиту и шлемы на поясах, однако оружия на подвесах или за спинами я пока не

увидел.

Оба лениво помахали, заставив ощутить себя (в жалкой безрукавной бронекуртке-то и с единственным башером под мышкой) почти голым…

— Кто-то пояснит, что происходит? — спросил я с ленцой, якобы безразлично, на самом деле начиная медленно вскипать от тревоги.

— Гхмм, — проворчал Прикус, склоняя голову и рассматривая меня с ног до макушки, — а мне сказали, бледный будет в курсе.

— Очаровательно, — я кивнул, — могу уточнить, кто именно сказал?

— Ты меня проверяешь? — Наёмник вздёрнул металлический наносник и с присвистом фыркнул. — Ты знаешь правила, бледный, заказчик остаётся неизвестным. Чаще всего, конечно. Связь через «мицуху» и посредника. Будь спок, твою шкуру мы сохраним без царапин… ну, ты ведь наш уровень знаешь.

Я кивнул со всем возможным спокойствием.

— Значит, вы меня сопровождаете?

— В указанное место, — подтвердил Прикус. — Остальные инструкции на месте.

Вот, значит, как… Что там сказал Господин Киликили в своём виртуальном воплощении? *Кое-что сломать для общего блага*? Под прикрытием вооружённого до зубов отряда «Добродетельных Садовников», так? С последующими инструкциями «на месте», так?

Один из виртуа-Лансов подал мысль всё же отказаться, но остальные разумно предположили, что в таком случае меня повезут силой…

Байши, и ведь какая бритвенная ирония! Прикус и его стая на заказе у Карпа…

— И что, — уточнил я, подбородком указывая на специальный кронштейн для супрессора на массивном поясе Панго, — мы собрались воевать? Может, я резво сгоняю за собственным ассолтером?

— Нет нужды, — твёрдо ответил Прикус, не распознав иронии в моём голосе. — Гхмм, руководитель операции утверждает, что сопротивления почти не ожидается. Но нужно быть готовыми, и это нам по нраву.

— Яри-яри! — чуть громче нужного поразился я. — Руководитель? И это не ты, Прикус?

— Нет, — мягко раздалось из-за моего плеча, заставив похолодеть. — Командовать поездкой буду я.

Я обернулся, ошеломлённо наблюдая, как он выбирается с

переднего сиденья второго «Шишама». Первые секунды не узнал его в упаковке из матовой брони и без привычного костюма, но когда осознание пришло… Изучая моё дрогнувшее лицо, Прикус недоверчиво нахмурился.

Черношкурый, плечистый, он носил тактические доспехи с той же элегантностью, что и неизменный серый пиджак. Прежними остались лишь крупные очки в хромированной оправе (начинкой явно не уступавшие «Сачирато») да врощенные в челюсть выдвижные, чуть изогнутые клыки-импланты. Шлема «специалист по решению незаурядных задач» не носил, что позволило ему сохранить залакированную набок чёлку. На правом бедре покоился башер в удобной кобуре.

Заметив, что Прикус внимательно изучает мою реакцию, фер Сакага улыбнулся — в привычной ему манере, почти не обнажая ослепительно-белых резцов, — и мимолётно приставил палец к губам, предупреждая о недопустимости проговориться.

— Можешь называть меня просто господином Сэ, терюнаши, — дружелюбно проворковал Первый Коготь «Уроборос-гуми», приближаясь к нам с наёмником. — Кто ты, я прекрасно осведомлён, как и мой господин. Как меня также проинформировали, с уважаемыми «Садовниками» ты уже знакомство водил.

Даже в броне Пыльный выглядел, будто только что покинул модный салон; чёлка была безупречной. Я почувствовал, как тревожность внутри стремительно меняется на гнев.

— Водил, — признал спокойно, стараясь не стискивать зубы. — Однажды путешествовали вместе…

Я покосился на Прикуса и Панго. Вероятно, «корчеватели сорняков» даже не помышляли, на кого работают этой ночью. Интересно, что бы они сказали, если бы поняли, что именно визитной карточкой фер Сакаги я указывал им прошлую цель в вонючем зале «Бойцовской стойки»?

Впрочем, скорее всего, ничего — наёмники Такакханы хорошо знали своё дело…

Вот же циничная сука Шири-Кегарета! Бойцы, ворвавшиеся в его казоку-шин, в его личную укромную нору, теперь здесь и работают моим эскортом под предводительством Первого Когтя, едва не отнявшего мою жизнь. И отнявшего её у Прогиба, пусть и не лично…

Голос в голове настоятельно посоветовал отказаться.

Как можно тактичнее, по возможности.

Или даже через конфликт.

Связаться с Карпом, обложить его трёхэтажной бранью, потребовать объяснений… Второй голос посоветовал прекратить

истерику, потому что в случае отказа разномастная стая на двух «Шишама» вполне могла обнаружить существование Ч'айи.

А значит, будем плясать со змеями.

п.3.; г.11; ч.2

Сакага, будто уловив мой настрой (пожалуй, это было нетрудно), пощёлкал когтем по гаппи. В тот же миг в заушнике — без входящего вызова или необходимости принять, — зазвучал знакомый голос, в который раз убеждая в силе и возможностях Господина Киликили.

— Я тебя ощущаю, Ланс. Не пугайся, это личный защищённый канал.

Настроенный до мельчайших вибраций и оттенков, тон Песчаного Карпа одновременно успокаивал и преисполнял уверенностью:

— Ты доволен йодда, которых я собрал для твоей защиты? Математический анализ твоей личности показал, что в компании чу-ха, которым ты уже доверял в опасном и безрассудном, не побоюсь этого слова, деле, ты будешь спокойнее на 63 %…

Я не совсем понимал, почему джи-там не общается со мной напрямую, а ведёт себя подобно Аширне фер вис Фиитчи, опасавшейся компрометации столь сомнительным знакомством. Однако следующие слова Карпа начисто выбили этот вопрос из моей головы:

— Ты сделал правильный выбор, согласившись на мою просьбу! Сейчас я не могу поговорить с тобой лично, но эта и последующие записи подбодрят и в деталях пояснят, что делать дальше. Ланс фер Скичира, поверь, ты был рождён для великих дел. Рождён настоящим воином, отважным и умелым, способным в одиночку изменить ход истории.

Я ощутил, как по спине рассыпали горсть колких снежинок. Одновременно в груди вспыхнул жгучий пожар, в висках забарабанила кровь, а ладони под перчатками вспотели.

— Знай, Ланс, — тихо сознался бесплотный голос, — что ты вырос достойным сыном своих родителей, чья слава в прошлом гремела яростно и красиво. Прости, что не мог рассказать этого раньше. Но обещаю, что совсем скоро открою всю правду… Я слышу тебя, не подведи!

Вероятно, я нехило изменился в лице, потому что Прикус недоверчиво подступил и искоса, с лёгкой настороженностью заглянул в глаза.

— Бледный? Ты стал ещё белее… — посетовал он, переводя недоумевающий взгляд на господина Сэ и обратно.

— Всё в порядке, — просипел я, до боли растирая кожу на висках. — Померещилось кое-что… не обращайте внимания…

— Гхмм… — кивнул наёмник. — Знакомое ощущение, пунчи.

Иногда все мы слышим смех Того, У Кого Нет Пасти… Но не бзди, бледный. Мы тебя один раз прикрыли, не подведём и сейчас.

Я вынул из рюкзачного кармана бутылку воды, высосал почти половину. Сакага терпеливо ждал, Прикус и остальные «Садовники» тоже не торопили.

— Значит, — спросил я сразу всех, утирая рот проплавленным рукавом пальто, — всё же придётся стрелять?

Прикус хитро прищурился, и мне оставалось лишь догадаться, что его обезображенная морда под маской-имплантом сейчас растянулась в улыбке.

— Вот тебе простая загадка, бледный, — прохрипел он. Демонстративно развёл лапы в стороны, словно держал на ладонях что-то увесистое: — У чу-ха есть два сосуда. В одном находится молодое вино, в другом — густое масло. Чу-ха перевернёт их одновременно и медленно, — Прикус сделал вид, что наклоняет воображаемые бутыли, — что прольётся первым?

— Вопрос с подвохом? — я хмыкнул, стараясь избавиться от всё ещё звенящих в ушах слов Шири-Кегареты. — Предположу, что вино…

— Нет, бледный! — хохотнул наёмник, плавно сводя пустые ладони перед мордой. — Первой прольётся, конечно, кровь. Но я хочу ещё раз повторить распоряжение господина Сэ.

Он легко, но уважительно поклонился Пыльному:

— Если запахнет жареным, тебе стрелять не придётся.

— Кто ещё в сборе?

Я спросил это только чтобы приглушить начавшийся в голове спор. Предупреждения Зикро наслаивались на напутствия Киликили, а на заднем фоне что-то бормотал призрак Пяти-Без-Трёх…

— Ты всех знаешь, — просто ответил Прикус и мотнул башкой. — Во втором фургоне Цена, Као-ду и Миката. И Ханжа, кстати. Хотя братишка до сих пор не простил тебе чудесного полёта над гнездом… И пойманную фанга тоже.

Он вдруг по-дружески потрепал меня по плечу, и даже подмигнул:

— Но вообще это счастливый состав, пунчи! А ещё здесь ты — наш талисман, с которым мы прошли «Мост» почти без царапин. — У Пыльного непроизвольно дёрнулась губа, на миг даже обнажив выдвижной клык, но наёмник не заметил. — Кстати, бледный, ты едешь с нами.

Конечно, Прикус имел в виду порядковый номер фаэтона, но сейчас я уловил в его словах совсем иной смысл…

Байши, что случится с Ч'айей, если я не вернусь с вечерней прогулки? Зачем я вообще (особенно после разговора с глабером!)

доверился Песчаному Карпу?! Снова уверовал в историю со спасением мира? В *«конструктивное сотрудничество для достижения общей цели»*? Почему не уточнил деталей и рисков?

Ах, да, наверное, потому что я идиот…

Стянув рюкзак на одно плечо, я послушно забрался в указанный фаэтон. Панго, засипев от натуги, залез следом, и фургон жалобно просел под его тушей. Пыльный устроился напротив, задумчиво изучая безупречные когти. Ребро нырнул за приборную консоль, а рядом на сидушку опустился Прикус.

В салоне оказалось темно, и я вынул «Сачирато». Подумал, что это вызовет вопросы, но в мою сторону не взглянул даже фер Сакага.

Настройка очков позволила более внимательно рассмотреть броню окружавших меня чу-ха, многоточечную систему крепления оружия, шлемы и гелевую чешую для защиты хвостов. Сами стволы обнаружились на торцевой стенке, и от вида внушительного арсенала мне снова стало неуютно.

— Мне нужно поговорить с твоим хетто, — негромко сказал я Сакаге.

— Сейчас это невозможно, — невозмутимо ответил тот, продолжая инспектировать коготь.

— Ты уж постарайся, — надавил я, почти не скрывая звучащей в голосе ненависти.

— Увы, терюнаши, это случится позже.

— Куда мы, байши, едем?!

— Узнаешь на месте. Уверяю, что обладаю всеми необходимыми инструкциями.

— Сука… — одними губами прошипел я.

Пыльный чуть приспустил очки и в темноте опасно блеснули глаза хищника; но бросил он равнодушно, беззлобно:

— Стильный галстук.

Кусок дерьма определённо считал, что всецело управляет ситуацией…

Первый фургон двинулся к выезду. Ребро тоже завёл двигатель, и наш «Шишама» мягко тронулся, вторым номером выруливая из подземного гаража «Комплеблока-4/49». Потянувшись, Прикус прямо на ходу задвинул дверь и вызвал у меня непроизвольные сравнения с крышкой кремационной капсулы…

Окон, как я и заметил ранее, не было; от водителя отгораживала прочная перегородка с закрытым лючком, а поэтому меня снова (как памятной ночью у забегаловки Щупа) лишили малейшей возможности следить за дорогой.

Первые несколько минут я пытался честно считать повороты,

но почти сразу бросил это бесполезное занятие — довольно скоро фургоны поднялись в силовые коридоры, и взяли (кажется) курс на юг гнезда.

Окружающие молчали. Тишину так и подмывало разрушить дурацкой шуткой, но я внезапно осознал, что даже мне сейчас не до этого.

Сняв перчатки, помассировал пальцы, затем шею и виски.

Если дело, в которое меня втянули, так серьёзно, то почему Господин Киликили не послал на него половину многочисленного воинства «Уроборос-гуми»? Допустим, он не хочет официально втягивать в неприятности уважаемую казоку, с этим разобрались…

Но раз здесь сам Сакага для контроля и передачи инструкций, значит, игра всё же стоит масла в лампах… А «Добродетельными Садовниками» можно будет пожертвовать без угрозы оставить следы. Как и мной, что весьма вероятно…

— *Если испугаешься, беды не избежать,* — бросил мне Ширикегарета во время мицелиумной встречи.

Так почему, несмотря на все внешние предостережения и личные страхи, мне казалось, что альтер казоку-хетто сказал-таки правду?

Мягко паря в коридорах, фургоны синхронно перестраивались в потоках движения, и я был готов спорить, что водители не нарушали ни единого правила. Парили долго, почти час, за который Панго беззаботно задремал, и я (даже с бурлящим внутри комком неприятных чувств) чуть не последовал его примеру. Но стоило «Шишама» опуститься на колёса, а толчку вернуть меня к реальности, страхи вернулись в полной мере…

Бронефаэтон снова двинулся вперёд, теперь чуть быстрее, но заметно переваливаясь на рыхлых барханах. Неужели мы на окраинах? Геджеконду? Или вовсе покинули гнездо?

Ещё через десяток минут, когда я уже был готов задать повторный вопрос под угрозой отказа в операции, фургон остановился. В наступившей тишине зашелестела металлом полозьев сдвигаемая дверь первого транспорта.

«Садовники» без лишних слов надели шлемы и потянулись к арсенальной переборке; разбирали оружие и защёлкивали на подвесах. Панго, чуть не врезав мне по затылку тяжёлым прикладом, закрепил на поясе знакомый по «Слюдяному мосту» двухкассетный супрессор. А вот к тактической «мицухе» отряда, по всей видимости, на этот раз бледного никто подключать не собирался…

На секунду меня вернуло в щемящую пучину власти, опьянявшей во время командования отрядом наёмников, готовых

по моему первому приказу бросаться под фанга, готовых прикрывать и убивать…

Но наваждение прошло, едва Прикус откинул дверь и мягко вынырнул наружу. В салон ворвались холодный ночной ветер и тишина, крайне неестественная для крупных районов Юдайна-Сити.

Остальные «Садовники», определённо висящие на закрытом канале, покинули фаэтон вслед за вожаком. Сакага, покорно подтянувший лапы и хвост, чтобы не мешать высадке, вежливо улыбнулся и кивнул на дверь.

Пришлось выбираться из фургона, причём Пыльный едва не наступал на пятки. Спрыгнув с высокого порога, я покрутил бёдрами и потянулся со скукой, которой определённо не испытывал. Тем временем внимательно осмотревшись и пытаясь не упустить ни единой детали, способной помочь в случае непредвиденного.

«Шишама» стояли посреди пустынной заброшенной улицы в окружении развалённых остовов ветхих пятиэтажек. А ещё снаружи оказалось едва ли не столь же темно, как в салоне.

На меня, привыкшего к круглосуточной иллюминации Бонжура и прилегающих районов, такой контраст оказал эффект непроглядной ночи. Только повертев головой и немного подстроив очки, я убедился, что за границами развалин разливается знакомый уличный свет, хоть и болезненно-бледный.

Судя по всему, мы оказались в Ниточке — весьма крупном и распластанном районе чуть южнее Бонжура и западнее Гариб-базара, совсем дряхлом, почти превратившемся в геджеконду. Но всё ещё тлевшем жизнью почти полноценной гнездовой территории и даже, по слухам, с неким количеством промышлявших здесь полудиких казоку.

Вдоль тротуаров высились внушительные барханы песка, наметённого ураганными ветрами. Автоуборщики едва ли совались на эти улицы ближайшую пару лет, а потому кое-где высота наметов достигала вторых и даже третьих этажей. Несколько остовов брошенных фаэтонов выглядели такими трухлявыми, что грозились рассыпаться в пыль от неосторожного прикосновения.

Стараясь не выдавать тоску, я смотрел на далёкое северное зарево, омывавшее оставленную за кормой привычную жизнь в её столь же привычных красках и ритме. Проследив за сосредоточенным взглядом фер Сакаги, повернулся на юг. И выяснил, что заброшенная улица, на которой мы остановились, метров через сто упиралась в не менее мёртвый парк развлечений «Хари'н'ханси», чья огромная вывеска ещё чудом не грохнулась

оземь.

Окружавший парк красивый забор покосился и местами завалился внутрь под давлением песка. Внутри виднелись поржавевшие туши аттракционов вроде «Тарелка визга» или «Памп-Шамп». Ободранные ветром модульные здания «Зеркального лабиринта ужасов» или цирковой арены ещё сопротивлялись забвению и стихии, но выглядели крайне грустно.

Местами над аллеями парка смогли-таки уцелеть нитки перегоревших гирлянд и выгоревших на солнце вымпелов, сейчас они тревожно похлопывали под порывами с окраин. Кустарники засохли и вымерли. Многочисленные закусочные были разграблены до последнего винтика. По пустынным парковкам не бегали даже псы.

Вот уж точно, парк «Радость и смех»… и урадоваться, и ухохотаться от одного только вида… Ну просто вылитый брат-близнец респектабельного летающего, посещённого мной совсем недавно…

И ещё мне определённо не показалось — Ниточка явно выглядела обесточенной, а её далёкие улицы омывались таким слабым и мертвенным светом, словно из района откачали всю мощность.

Списав странное сравнение на усталость и неприятные ожидания, я ещё раз ритмично покрутил корпусом и несколько раз присел. Пыльный наблюдал за гимнастикой искоса и с явным презрением.

Остальные деловито проверяли и перепроверяли оружие, причём настолько ловко и заразительно, что меня тоже подмывало осмотреть «Молот». Мимо нас с Сакагой прошёл, нарочито пролязгав боевым протезом, Ханжа. Оскалился мне в лицо, показал зубы, но промолчал.

Прочие «Садовники», казалось, присутствия знакомца-терюнаши не замечали вовсе — выбравшиеся из первого фаэтона молчаливый Миката, бывший казоку-йодда Цена и бесполое Каоду в мою сторону даже не посмотрели.

Ребро и Миката ударили себя по шеям одноразовыми инъекторами; Панго и Ханжа, словно на разудалой вечеринке, набивали ноздри щепотками светлого порошка.

Меня передёрнуло. Едва ли «Садовники» принимали именно «Явандру». Но от одной только мысли о даже теоретической возможности очередного соседства с этой дрянью тело начинало колотить…

— Стрелять мы не станем, а боевые препараты примем для бодрости? — негромко спросил я Пыльного, но тот не удостоил

ответным взглядом.

— Тебе не говорили, что стрельбы не будет, — отрезал чу-ха, настраивая тактическую консоль на левом предплечье. — Тебе сказали, что стрелять станут другие.

— Может, пришло время рассказать, что мы тут делаем? — осведомился я, на этот раз чуть более дружелюбно (внутри кипя от желания вбить кастет в выдвижные клыки Пыльного).

— Всему своё время, Ланс, — черноспинка покачал башкой. И скомандовал Прикусу, терпеливо ожидающему поодаль: — Начинайте поиск.

— Байши! — с восхищением охнул я, подтягивая лямки рюкзака. — Так мы *это* ещё даже не нашли!

— Не повод для тревоги, терю.

Сакага улыбнулся, не обнажая зубов, и отошёл к первому фургону.

— Миката, пошёл! — вслух распорядился Прикус, и от группы «Садовников» отделился кусок ночи.

Сливающийся с руинами, барханами и даже звёздным небом, закутанный в умную шкуру-котокаге, Миката закрепил на ассолтере массивный прицел для точного боя и бросился к световой мачте на границе парка.

— Ребро, запускай! — бросил вожак наёмников.

Бывший ракшак коротко кивнул, вскрыл подсумок на боку и швырнул в воздух горсть тонких матовых дисков размером со слоёную лепёшку-юбин. Диски застыли над головой «Садовника», а затем — подчиняясь приказам его предплечной консоли, — с тихим жужжанием устремились к распахнутым воротам «Хари'н'ханси» на высоте в два роста.

Сакага, то и дело косясь и не выпуская меня из поля зрения, открыл пассажирскую дверь первого «Шишама». Выдвинул строенную консоль на раздвижном кронштейне, разложил складные клавиатоны, активировал свето-струнные экраны, и я наконец смог рассмотреть полноценную карту парка и окрестностей. Подступил ближе, стараясь глазеть без привлечения лишнего внимания.

Ветер усилился, заставив накинуть капюшон и крепко задуматься о глотке паймы. Вздохнув, я мужественно отказался от идеи в этот не самый подходящий момент…

Тут-то из парка и послышался стрёкот ассолтеров. Только припав на колено с взведённым «Молотом» в руке я осознал, насколько взведён сам. Цоканье когтя Рёбрышка по крохотной консоли ускорилось, трескотня выстрелов стала чаще.

— Заметили? — лениво поинтересовался Пыльный, не отрываясь от раздвижного командного центра.

— Гхмм… — откликнулся Прикус, изучая собственную картинку. — Да, господин Сэ. Но срисовать местоположение мы успели.

— Тогда начинайте.

— Все встали по местам! — зычно приказал вожак «Садовников», снова заставив меня на секунду ярко, до давящей боли в затылке вспомнить «Слюдяной небесный мост», наползающий на террасу ветростат Белохвоста и короткий бой в казоку-шин Песчаного Карпа… — Работаем!

Наёмники двумя группами вошли на территорию парка, быстрым шагом, вскинув оружие, умело и расторопно. С мачты защёлкал ассолтером невидимый Миката, прикрывавший наступление.

— Значит, сопротивления не ожидается? — покивал я, приближаясь к фаэтону и не спеша прятать «Молот».

Сакага только покосился (мне так показалось за непроницаемыми хромированными очками чу-ха) на башер, и вежливо оскалился. Слепки за его спиной изменились, стали заметны трансляции с тактических камер на шлемах наёмничьей стаи.

«Садовники» без особенной спешки продвигались в глубину парка.

Панго метко давил супрессорным шквалом противников, засевших в старых жестяных кабинах, пустых ларьках или за изгородями аттракционов. Ребро активировал уже знакомый мне щит, прикрывая себя и здоровяка; он легко управлялся с оружием и одной лапой, не забывая поливать позиции врага из ассолтера на груди. Као-ду перемещалось по тылам, незримо и умело, стреляя в размытые силуэты практически в упор и пару раз даже воспользовавшись внушительным ножом.

Без устали хлопотал ассолтер Микаты.

Прикус, Цена и Ханжа действовали второй группой, с флангов обрушивая кинжальную пальбу на точки, дистанционно вскрытые Микатой. Вожак наёмников был скуп на фанга, его безлапый приятель много ругался и не жалел светошумовых капсул, а Цена в знакомой мне кровожадно-уличной манере не оставлял за спинами ни одного раненого…

Кто бы ни закрепился на тёмных аллеях «Хари'н'ханси», умениями он явно уступал атакующей стае.

Открытые пространства незнакомые мне чу-ха перебегали напролом, даже не пытаясь пригнуться; укрытия использовали слишком прямолинейно, и не думая купировать фланговую угрозу; не выручало ни наличие многочисленных ассолтеров, ни пары супрессоров — кое-как укреплённые гнёзда «Садовники»

вычистили так быстро, что хоть в боевое пособие помещай.

Наблюдая за сражением, я только вздыхал — подобный разгром могли бы учинить накачанные имплантами кубба, нападi они на Гариб-базар и столкнись с вялым сопротивлением разношёрстных отрядов Купеческих Военизированных Артелей. Кто бы ни выставлял охрану заброшенного парка, он явно поскупился на профессионалов…

А ещё, всматриваясь в дёргающиеся на экранах фигуры, я всё никак не мог понять, кто именно был противником «Добродетельных» и командовавшего ими Сакаги.

С равным успехом это могли оказаться йодда другой казоку. Или головорезы местной шайки. Или тетроны. Или даже, упаси Когане Но, «Лотос», и тогда Магда точно отрежет мне яйца… Впрочем, чахлые способности обороняющихся сводили на нет любые серьёзные опасения.

Стрельба затихала. Это было слышно с нашей позиции, это же подтверждали данные с командного пункта Пыльного. Умения окопавшихся в старом парке развлечений оказались сильно ниже уровня подготовки «Садовников», за семь скоротечных минут полностью подавивших сопротивление.

Ага, то самое, которого «почти не ожидалось»…

Сглотнув неприятный комок, я спрятал башер в кобуру, но застёгивать всё же не стал. Машинально проверил кастет, нож, зачем-то оправил бронекуртку.

Пыльный на моё присутствие внимания демонстративно не обращал. Время от времени отвечал на отчёты в заушнике, пощёлкивал когтями по клавиатонам и изредка принюхивался к ветру.

Наконец он кивнул сам себе, сложил три раздвижные консоли в компактный брикет, задвинул кронштейн вглубь «Шишама» и повернулся. Поза, взгляд из-под непрозрачных очков-сканеров, покойно висящие вдоль тела мускулистые лапы фер Сакаги — всё это показалось мне весьма настораживающим.

— Нам пора, Ланс, — просто сказал он, мотнув головой в сторону утихшего парка.

— Да что ты?! — я оскалился, с трудом удержавшись от шага назад. — Туда? Серьёзно?!

Сакага вздохнул и двинулся ко мне… плавно обогнув вздрогнувшего, почти поверившего, что сейчас тот набросится. Сделал несколько шагов от брошенных фургонов, обернулся и улыбнулся в своей раздражающей манере:

— Не заставляй себя заставлять, терюнаши. — Он почти ласково поманил когтями, каждый из которых вдвое увеличивался в длину по приказу его мозгового имплантата. —

Или хочешь выполнить лишь половину приказа моего казоку-хетто?

Я вздохнул, вынул из рюкзака бутылку и снова напился. Подумать только, водой, не паймой! А затем задумался, что фер Сакага, в сущности, ничего не знает. Ни о моих переговорах с Песчаным Карпом, ни о взаимных угрозах, ни о записи с напутствием и упоминанием моих родителей. Ни о, естественно, истинной сути своего господина.

Он был лишь костяшкой моннго, пусть и не самой дешёвой. Но всё равно безвольной, выполняющей привычную работу по тем рецептам, что доступны его ограниченному бандитскому сознанию…

— Ладно, — кивнул я, подтягивая рюкзак и шагая в сторону парка. — Идём…

Даже если Сакага удивился, то виду не подал. Двинулся следом, мягко, почти бесшумно, и я прикинул, что по уровню боевой подготовки Пыльный едва ли уступает любому из сопровождавших нас «Садовников».

Мы вошли в «Хари'н'ханси».

п.3.; г.11; ч.3

Наёмников видно не было, но я знал, что они наблюдают за нами из темноты. Очень странной парой мы с Пыльным двинулись по центральной аллее под прихлопывание старых дырявых вымпелов на верёвках.

Остовы аттракционов навевали жуткую тоску. Тёмные, крупные, возвышавшиеся справа и слева, они отчего-то напомнили мне пробиваемую ветрами пустыню, усыпанную бетонными хребтами заброшенных, неведомых построек древнего Тиама…

Однако куда больше тоски нагоняли трупы защитников, изрешечённые фанга, они попадались чуть ли не на каждом шагу. На втором десятке я перестал считать, но всё ещё всматривался в неподвижные тела, безуспешно пытаясь рассмотреть нашивки кланов или иные опознавательные знаки.

Все убитые казались совершенно разными, будто наугад собранными с улиц и спешно вооружёнными новенькими ассолтерами. Одеты бедно, часто неопрятно; среди них встречались даже откровенные подростки, совсем молокососы, в основной массе босолапые.

На третьем десятке тел я в очередной раз отдал должное высокому профессионализму чу-ха, нанятых мной для штурма «Небесного моста».

А вот раненых среди побеждённых не оказалось, дурной знак…

Мы продолжали шагать, сворачивая там, где указывал фер Сакага.

Не скажу, что ситуация была непривычной — на этапе ритуального посвящения в казоку мне доводилось участвовать в паре боевых операций «Детей заполночи», и всякий раз меня негласно опекали, окружая опытными бойцами и аккуратно оттирая от передовой. Но одно дело, стоять в рядах собратьев, и совсем другое, тащиться за ненавистным ублюдком по усыпанным трупами аллеям…

Путь окончился у неприметной кирпичной постройки в дальнем конце парка.

Као-ду провожало нас взглядом огромных тактических окуляров под козырьком шлема. Позицию бесполый занял на ржавой вагонетке миниатюрного скоростного транзита, умевшего взлетать на дугу монорельса, а потом стремительно падать с неё на умопомрачительной скорости.

Панго, деловито переоснащая супрессор новыми дисками,

засел поодаль. Прикус, сопя из-под вечной маски, подпирал бледно-красную стену у железной двери.

Одноэтажный домишко оказался непримечательным и скромным — обычная техническая постройка среди нагромождений таких же. Вот только если бы не уйма энергетических кабелей, ведущих к нему по земле и воздуху с ближайших мачт.

— Как ваши? — спросил Сакага, обгоняя меня на последнем десятке шагов.

— Цена ранен, — хмыкнул Прикус, неопределённо дёрнув плечом. — Но в строю.

— Отлично сработано, — кивнул Пыльный. — Господин будет доволен.

— Гхмм… нам ждать гостей?

— О, безусловно, новых вводных пока нет, — улыбнулся посланник Господина Киликили, заставив меня вздрогнуть от простоты произнесённого приговора. — У вас всё та же четверть часа на подготовку оборонительных рубежей.

— Принято.

«Садовник» двинулся в темноту, бормоча в закрытый канал тактической «мицухи».

Я остановился:

— Ты, байши, шутишь?!

От кирпичной стены и двери, к которой меня вёл черноспинка, отделяли три шага. Фер Сакага терпеливо обернулся.

— Ланс, ты утомил, — тихо сказал он, обнажая клыки. — Завали свою уродливую пасть и входи, пока я не заставил силой.

Какое-то время мы мерили друг друга взглядами из-за непроницаемых очков, словно собирались на скорость выхватывать башеры для нелепого поединка. Затем я глубоко вздохнул и взялся за дверную ручку.

Что ж, это точно не казнь. Но я всё ещё решительно ничего не понимал…

Внутри здание оказалось даже проще, чем снаружи. Лёгкие перегородки выломали, освободив квадратное помещение примерно семь на семь шагов, мусор старательно замели к углам.

В центре возвышался массивный серый куб больше двух метров высотой, по виду металлический, напоминавший причудливый сейф с вереницей круглых окошек по периметру; в ближайшей к входу стене тонули выдвижные консоли.

Под основание куба, сплетаясь и объединяясь, уползали кабели, проброшенные снаружи через высверленные в кирпиче дыры. Две потолочные лампы светили тускло и постоянно

мерцали; внутри устройства размеренно полыхало зелёным, причём едва ли не ярче.

Кажется, теперь становилось понятно, почему Ниточка погрузилась в полумрак… что, впрочем, никак не объясняло природу угловатого монолита.

Фер Сакага за моей спиной запер дверь на засов. Расстегнул броневоротник, снял и привесил к поясу шлем.

— Не отвлекайся на то, что услышишь снаружи, Ланс, — негромко велел он, медленно обходя куб и ловко переступая через нагромождения толстых кабелей. — Ясно? Парням тоже приказано не мешать нам ни в коем случае. Что бы ни случилось, сисадда?

Я кивнул, хотя никакого понимания не было и в помине.

— Допустим… Но что дальше?

Пыльный остановился справа от меня на расстоянии вытянутой лапы, поднял гаппи и чиркнул когтем.

— Слушать, — просто ответил он.

А в мой заушник снова ворвался бесплотный голос его грозного господина.

— Ланс, я тебя вижу, — сказал фер Шири-Кегарета, волшебством выверенного тона заставив вспотеть и приготовиться к чему-то важному. — Знаю, ты много лет терзался мыслью, а не *избранный* ли ты, так? Знаю, что в какой-то момент эта мысль покинула твоё сознание… Ты устал и сдался. Я ощущаю и понимаю. Но, что, если я скажу, что ты сдался чуть раньше времени?

Я перевёл взгляд на терпеливо выжидающего Пыльного, но тот определённо был лишён возможности слышать речь казоку-хетто.

— Не мне винить тебя, Ланс фер Скичира, — продолжал тот. — И я не стану. Потому что точно знал, что нужный миг настанет. И что только мне по силам в целости сохранить тебя в нашем непростом и весьма опасном мире, и подготовить к его защите…

Байши! Существо, ещё недавно открыто угрожавшее мне смертью, а затем возопившее о спасении чуть ли не всего Тиама, только что открылось, что всё это время охраняло беззащитного Ланса Скичиру, оставаясь его благодетелем и защитником?!

Я порадовался, что «Сачирато» скрывают глаза, иначе бы моя реакция уж точно позабавила Сакагу…

— Перед тобой устройство, не имеющее ни аналогов, ни названия, — сказал Песчаный Карп, и я в который раз поразился, до чего точно джи-там научился подражать живым. — Внутри — угроза нашему существованию.

Меня потянуло к кубу, заставило осторожно заглянуть внутрь.

Чу-ха с чуть растрёпанной чёлкой наблюдал расслабленно, но дистанцию между нами по-прежнему не увеличивал. Боязливо протерев припыленное оконце, я приник к толстому стеклу и чуть не присвистнул.

Внутри, закреплённый в изящном проволочном зажиме, покоился знакомый камень, безжалостно выдранный из объятий старинного кулона. Со всех шести сторон в него целились сканеры, без устали полосовавшие остаток украшения тонкими яркими лучами. Каждые две-три секунды широкие вуали поочерёдно омывали осколок, словно купающийся в приятном зелёном свете.

Карп на записи молчал, словно знал, что происходит в кирпичном домике посреди «Хари'н'ханси». Выдержав драматическую паузу, он всё же добавил:

— Эта необычная консоль защищена самым наилучшим образом, Ланс. Борта сейфа, в который помещено устройство, не разрушить даже прицельным ударом кастура. Взрыв тоже не поможет. Но слева сбоку ты можешь найти пульт. Отстегни клеммы с маркерами Р1 и Р3.

Я скосил глаза, тотчас убедившись в точности указаний джинкина-там. Зачарованно, будто загипнотизированный «низким писком», протянул руку и щёлкнул задвижками.

В нише лязгнуло, горизонтальная крышка откинулась на уровне груди и превратилась в столешницу, а изнутри выполз клавиатон — совершенно непривычного вида, с выпуклыми кнопками, в точности дублирующими отверстия для когтей.

Из серой брони над устройством ввода выдвинулись два компактных экрана. Слева от консоли с шипением сдвинулась переборка, за которой открылась узкая глубокая ниша — внутри блестели три кольцевидных зажима.

— А теперь слушай, Ланс, и слушай внимательно, — прошептал Князь-Из-Грязи в моей голове. — Остановить начавшийся опасный процесс сможешь только ты. Введи комбинацию, которую я пересыпал на твой обычный гаппи, а затем помести в зажим обнажённую руку, и позволь устройству завершить начатое…

Я невольно отступил от куба, причём настолько неуверенно, что фер Сакага тут же подобрался. Что ж, вероятно, у Первого Когтя были личные установки насчёт моей нерешительности…

— Всего лишь капля твоей крови, Ланс, — сказал джи-там тоном, от которого кружилась голова. — Если сделаете быстро, то успеете покинуть район, пока мои недоброжелатели не пришлют

подкрепление. Ланс фер Скичира, я нижайше и безропотно молю тебя о немедленной помощи. Сейчас спасти гнездо можешь только ты. Равно как и принять путь избранного, о котором мечтал…

Вероятно, я выругался вслух, потому что Сакага с интересом взглянул на меня поверх очков. А в следующую секунду снаружи снова застрекотали ассолтеры. Машинально выхватив башер, я заметил, что чу-ха тоже обнажил оружие. Ещё через пару ударов сердца выяснилось, что запись окончена.

Сакага дёрнул носом, призывая успокоиться, и даже демонстративно застегнул набедренную кобуру.

— Как я и говорил, господин Скичира, — с улыбкой произнёс он, — не стоит волноваться и отвлекаться. Прошу, делайте свою работу. Уверен, вы получили самые исчерпывающие инструкции.

Не спеша прятать «Молот», я ещё раз взглянул на «болтушку» и убедился, что очередная запись джинкина-там действительно окончена. Байши… И это всё, что виртуальный мудак хотел мне сказать? Здесь, под огнём до сих пор неведомого противника?

Я облизал губы и удержался, чтобы бросить башер в кобуру и покрутить колечко. Финал ночной поездки выглядел таким… *зловещим*, что у меня задумали обмякнуть колени. А может, фер Шири-Кегарета говорил правду? В конце концов, если всё взвесить, мицелиумный паразит ни разу меня не обманывал… Не пытался отправить в печь крематория, не брал в плен…

От воспоминаний о гибели Прогиба защемило в груди. Я покосился на Сакагу, но «Сачирато» надёжно скрыли тяжёлый взгляд.

Ведь братишку из «Детей заполночи» убил вовсе не Господин Киликили, так?

Пыльный оставался неподвижен. Я был готов спорить на весь гонорар и премию за дело фер вис Фиитчи, что он даже не догадывался о необычности происходящих событий.

Но с той же уверенностью я мог предположить, что борф получил чёткие приказы и любой ценой заставит меня совершить задуманное его хозяином. Если потребуется — силой. Даже если Карп предупредил его о недопустимости причинения вреда. Просто потому что Сакаге бы это очень понравилось…

Вероятно, меня выдал не взгляд, а поза.

Может быть, запах, о котором я беспечно забыл.

Но Пыльный внезапно приблизился. Надвинулся почти вплотную, приспустил очки и осторожно повёл носом. Холёный, уверенный в себе, готовый действовать решительно и жёстко.

— Не стоит медлить, господин Скичира, — язвительно заметил он, вздёргивая левое ухо и будто прислушиваясь к

возобновившемуся снаружи бою. — Какие бы указания мой достопочтимый казоку-хетто ни передал вам во второй записи, действовать нужно быстро.

Я тоже стянул забрало верных «Сачирато» на грудь. Чёрный чу-ха в серых доспехах находился совсем рядом, с интересом заглядывал в глаза, и едва-едва — но вполне демонстративно, — выдвигал искусственные клыки.

В моей голове заиграла музыка, которую хотелось называть «джазом»…

Наверное, дальше я действовал по наитию. Остановись в тот миг хоть на секунду, и анализ возможных рисков перевесил бы всю решимость. Заставил бы отказаться от безумства, подчинил бы волю поступить иначе и благоразумнее. Да, определённо, мной двигала незамутнённая злость и подпитанная ею спонтанность.

— Каково это было, убить Разрушителя? — громко спросил я Сакагу, чуть подаваясь вперёд. — Самого достойного и именитого казоку-йодда «Детей заполночи»?!

— Чего?!

Пыльный оскалил резцы, абсолютно не ожидая подобного вопроса. Усы встопорщились, а мимические мышцы на морде задвигались, когда тот попытался сообразить, об убийстве какого из «Детей» вообще идёт речь, и причём тут он сам.

— Девять крохотных мышат сговорились не дышать! — скороговоркой выпалил я, приковав его взгляд. — Один вдруг затих не шурша, и осталось лишь восемь мышат!

Не было нужды переходить на «низкий писк». Не было необходимости взламывать сознание ненавистного чу-ха, давить его, подчинять и зачаровывать. Я грубо наседал, пытаясь сбить с толку, и у меня получалось — фер Сакага почти отступил, а губы затрепетали и обнажили нарощенные клыки.

— Задохнулся второй насовсем, и мышаток осталось семь! — почти выкрикнул я. Эхо пронеслось по квадратной комнате, ударило в куб с кулоном, отскочило от стен. — У третьего лопнул глаз, и шесть уже мышек сейчас!

— Заткнись, выродок! — прошипел посланник Господина Киликили, а в его зрачках вспыхнул запоздалый страх понимания. — Быстро завали поганую пасть!

— Четвёртой не устоять, и вот уж мышей только пять!

— Замолкни или умрёшь! — взвизгнул Пыльный, выдвигая титановые зубы.

И всё-таки вскинул лапы к прижатым ушам, словно собираясь ладонями отгородиться от опасных звуков. Всего на секунду, но мне хватило…

«Молот» поднялся легко и плавно, почти без шансов быть отведённым в сторону. Три фанга одна за другой впились в подбородок черноспинки, с чмокающим присвистом вылетев из затылка и ударив в кирпичи.

Пыльный захрипел, издал протяжный писк, а через мгновение в мои рёбра ударило слева, чуть не сбив с ног. Ахнув, я подался в сторону и чуть не разрядил в голову ублюдка остальную кассету башера… но тут глаза чу-ха остекленели, зубы укоротились, и он медленно завалился на спину.

Три выдвижных когтя, всё же сумевшие проткнуть безрукавную бронекуртку на моём боку, с шелестом покинули слой вспененного алюминия, сонно потянули за собой вязкие красные нити. По рёбрам скользнула волна боли, под бронёй стало влажно.

Выругавшись, я вложил «Молот» в кобуру и торопливо ощупал пробоины. Убедился, что лёгкое не задето, как и артерии, хотя одно из рёбер горело, будто надломленное.

Я опустился на колено. Гоня надвигающуюся панику, вытряхнул из рюкзака аптечку и постарался не морщиться. Зубами стянул перчатки, наполнил ладонь «жидким пластырем» и со стоном протолкнул под броневой нательник снизу.

Прижал гель к ранам, выждал положенные секунды, и с болезненным хрустом отодрал перепачканные кровью пальцы. А затем выпрямился над телом фер Сакаги и сухо сплюнул на мёртвую крысу.

— Это за Прогиба, борф…

В реальность вернулись многочисленные выстрелы ассолтеров. Прогремел взрыв, припорошивший кубическую машину пылью с потолка, ещё один грохнул в отдалении. Тактическая консоль на предплечье Сакаги мерцала россыпями маркеров и неотложных вызовов, так и оставленных без ответа.

Лишённый возможности наблюдать за происходящим снаружи, я мог только гадать. Но если опираться на частоту пальбы, бой там сейчас кипел куда более жестокий, чем четверть часа назад…

Застегнув и накинув рюкзак, я затравленно обернулся к кубу.

И что, байши, делать теперь? Личный *разговор* с Пыльным, это одно. Мольба Песчаного Карпа — совсем иное. И почему, ради Когане Но, джи-там общался со мной не напрямую, а проникновенными записями?! Чтобы я не смог отказать? Чтобы испытывал гнетущее смятение? Чтобы не соблазнился задать лишних глупых вопросов, способных отнять драгоценное время?

Успею я вызвать Киликили через «мицуху»? А если «Садовники» не сдюжат? Что, если дверь в любой момент влетит

внутрь под дуновением управляемого взрыва?

Задрав рукав, я активировал гаппи и изучил пересыпанный чуть раньше код — длиннющий и очень сложный. Причём с несколькими незнакомыми символами, однако же имевшимися на странном клавиатоне куба.

Задумчиво уставившись в тёмный зев ниши (призывно мерцали хромированные зажимы), я облизал сухие губы и крутанул на пальце колечко Аммы. Оно отказалось двигаться, намертво присохнув на коктейле из крови и «жидкого бинта», перепачкавшем обе ладони.

Я встряхнулся всем телом — дурацкая привычка, годами перенимаемая у чу-ха, с которыми Ланс Скичира жил и проворачивал дела. Интересно, как бы поступил Нискирич? А Амма? Сапфир? Зикро? Щуп? Подверни Штанину? Галло Ш'Икитари по прозвищу Перстни? Или даже Ч'айя?

Спасти Тиам…

Обеими руками опершись о пыльную броню вокруг консоли, я прикрыл глаза. В конце концов, если бы джинкина-там выстроил хитроумную ловушку и хотел причинить вред окружающей реальности, в которой существовал, он бы его уже давным-давно причинил. Так? Так… Выходит, я и правда был способен…

Пальцы правой руки начали вводить код раньше, чем я это осознал.

Противоестественно-выпуклые клавиши мягко проседали под подушечками, ответно щёлкая на каждое нажатие. На левом из дисплеев послушно всплывали перепечатываемые символы. Когда оказалась вбита половина, зажёгся правый экран…

Трясущийся, тяжело дышащий, едва живой, он снова снизошёл до личного общения, хотя сейчас мне и казалось, что отнюдь не для похвалы. Ошалело приоткрыв рот, я молча уставился на вспыхнувшее изображение, так и не утопив следующую клавишу…

Морда с почти лысой, в россыпях пятен шкурой занимала весь экран. Дико сверкающие ярко-жёлтые глаза смотрели прямо в камеру. Из пасти, бережно закреплённая, змеилась трубка; нижняя губа дрожала, как в припадке.

Однако же голос оказался крепким — властным, чуть искусственным из-за модулятора на горле. Каким я и запомнил его во время единственного разговора той необычной ночью, когда обрёл Ч'айю.

— Вот что я тебе скажу, молодой Скичира, — решительно пролаял Хадекин фер вис Кри, и презрительно сморщил старческий нос. — Не ст **о** ит этого делать. Совсем не ст **о** ит…

«Ломкая горечь»

Ну что, мои любопытненькие? Куо-куо…

Эх, честно сознаюсь нашим слушателям, Моноспектральной Чапати не очень просто начинать сегодняшний выпуск. И уж тем более как-то привязывать его к прямой работе агентства «Ломкая горечь».

Почему, спросите вы? Почему, Чапати, ты говоришь с нами странными загадками?

Моноспектральная ответит так: сегодня, друзья, вы не услышите новостей или выжимок из напряжённых расследований. Сегодня Чапати сделает… своего рода объявление. Впрочем, скоро поймёте.

Когда я проговорю всё, что собиралась, многие из вас могут удивиться. Воскликнуть: как же так, Чапати?! Тебя же обманули и обвели вокруг хвоста! Неужели ты, одна из самых отважных и принципиальных мицелисток Юдайна-Сити, возрождённая из пламени взрыва, поверила жалким негодяям, с которыми уже не первый год сражаешься на просторах «мицухи»?!

Но поверьте, мои правдолюбивые, Моноспектральная получила информацию из источника, которому можно доверять. Пусть с оглядками, но всё же.

Итак, Бонжур и вы, славные чу-ха, живущие на его благословенной земле! Все вы — а кроме того и обитатели соседних территорий, — хорошо знаете, что с недавних пор на наши улицы пришла мерзкая напасть. Речь о «Кислотных шутах», кочующей казоку с выжженными мозгами и съехавшими представлениями о запретном, злодеяния которой выбиваются даже за рамки извращённой игры, навязанной нам Нискиричем и ему подобными…

Вы хорошо знаете, что «Шуты» жестоки. Что не подчиняются никаким кодексам, и уже успели отнять жизни трёх десятков жителей Бонжура. О том, что выродки делают с жертвами после убийства, мне говорить не хочется…

К чему ты ведёшь, Чапати, встревоженно поинтересуетесь вы?

Что ж, время ответить: в распоряжение агентства «Ломкая горечь» поступила информация, что Нискирич Скичира разбил виртуальную тарелку на столь же виртуальном крыльце «Шутов».

Да-да, Косоглазый объявил ублюдкам-кочевникам настоящую войну. И Моноспектральная искренне надеется, что она будет столь же жёсткой и бескомпромиссной, как и желание старшего Скичиры получить власть над всем районом!

Что Чапати ещё может сказать по этому поводу?

Не буду врать, идеальным развитием событий стало бы взаимное истребление «Шутов» и «Детей», хотя бы на время отчистившее наши улицы от их грязных хвостов. Но этого, разумеется, не произойдёт, и ни смирпы, ни тетроны не помогут осуществиться заветной мечте Чапати…

Но ещё Моноспектральная не может не согласиться, что пока «полосатые рубашки» бездействуют, любая поддержка для простых мирных чу-ха — лучше, чем ничего. Я едва ли поверю, что Нискирич обеспечит Бонжуру полную защиту от «Шутов», хотя сам он её надменно «гарантирует». Но вполне верю, что уже утром мы с вами взглянем на первые трупы выродков, объявленных охотничьей дичью.

Мои чуткие и терпеливые! Мои любимые слушатели и последователи!

Чапати ни в коем случае не призывает вас поощрять или превозносить подачки чёрно-жёлтых. Но почти готова согласиться, что вы, сообщая о любых замеченных «Шутах» напрямую в Нарост — эту прогнившую нору Косоглазого… в общем, возможно, это будет куда полезнее обращений к медлительным тетронам…

Что ж… Чапати предупреждала, что этот выпуск будет непростым…

Хочу ещё раз напомнить всему Бонжуру: Моноспектральная обличала и будет впредь громить и разоблачать казоку за их бесчинства и умение наживаться на чужой боли.

Но также Моноспектральная умеет признавать правду. И если хотя бы отчасти защитить наш район от пожирателей плоти смогут именно преступные кланы, а вовсе не пустословы-правоохранители с поджатыми хвостами при первом запахе палёного, то им стоит помочь…

И вот ещё что.

Нискирич Скичира, если сейчас ты слушаешь Чапати, знай — я вовсе не кланяюсь тебе! Считай это временным перемирием между «Ломкой горечью» и «Детьми заполночи» перед опасной стихией. Делай свою грязную работу, и делай так хорошо, как умеешь. А мы станем молиться Когане Но и Двоепервой Стае, чтобы беда как можно скорее покинула границы Бонжура…

Берегите себя и близких, а Моноспектральная Чапати ещё вернётся сражаться за правду!

Глава 12
НЕ ИМЕЙ ДЕЛ С ДЕМОНОМ

Наверное, удивляться-то было нечему.

Но чтобы сопоставить наличие кулона и появление на экранах консоли самог **о** казоку-хетто «Диктата Колберга» требовались не только время, но и свежая голова. Которую, как бы сказала Сапфир, я определённо оставил в комплеблоке.

Разглядывая обвисшие усы дряхлого старика, управлявшего вторым (если не первым) по мощи кланом всех западных и центральных территорий гнезда, я был способен лишь глупо молчать.

Несколько звенящих секунд молчаливой неподвижности показались безграничными. Затем меня встряхнуло, заставило покрутить головой и даже без «Сачирато» обнаружить пару скрытых камер в углах под потолком.

— Послушай-ка, что я тебе скажу, Ланс, — повторил Диктатион, щурясь в свой объектив. — У меня есть веские основания полагать, что ты готов неразумно вмешаться в весьма важный для меня процесс. И именно поэтому вторгся на принадлежащий мне объект в числе пока не идентифицированных мной воинов… Я где-то ошибся?

Мне пришлось сглотнуть пучок немоты, забивший горло. Прокашляться, облизать иссохшие, перепачканные пылью и кровавыми брызгами губы. И всё же ответить Хадекину фер вис Кри, хоть всё моё существо вопило о самом банальном побеге.

— При всём уважении, господин фер вис Кри, — просипел я, одновременно проклиная себя за умения встревать в *настоящие* неприятности, — но парк «Хари'н'ханси» не имеет ни одного маркера собственности «Диктата»… А бездельники, оборонявшие его, явно не похожи на доблестных криитов, и потому…

Диктатион уставился на меня немигающим взглядом и сонно пошамкал губами.

— Насколько мне известно, ты тоже часто носишь маску и мажешься маслами, чтобы отбить странный запах, не так ли?

Едва ли я считал, что прикрытие собственности одного из трёх сильнейших казоку-хетто гнезда отбросами улиц и попытка жалкого терюнаши элементарно выжить могут быть корректно равноценны. Но замечание почему-то задело.

— Обстоятельства вынудили прибегнуть к услугам местных, не самых надёжных формирований, — вдруг пояснила старая крыса под аккомпанемент пальбы и взрывов снаружи. — Вот что я

тебе скажу, Ланс: ставка была сделана на секретность. Использование малоприметных казоку Ниточки позволяло сохранить обстоятельства без утечки в центральные районы Юдайна-Сити. Во всяком случае, я так считал.

— Однако, где-то прос **ы** палось? — прокомментировал я, даже не успев сообразить, что в разговоре с подобными чу-ха такие замечания могут быть опасно избыточными.

— У меня сильные неприятели, — гортанно пролаял синтезатор на горле Хадекина. — И сейчас они перешли к активным действиям.

Занятно, не так ли? Почти то же самое сказал мне в своё время Господин Киликили, обманчиво близкий за стеклянной стеной эффектного убежища.

— При всём уважении, господин фер вис Кри, — повторил я, торопливо меняя тон. Попытался определить, заметно ли с камер тело Пыльного, лежащее у моих ног, — мы находимся не на территории Колберга. И мне даже в голову не могло прийти, что…

— Ланс, — оборвал меня Хадекин, дёрнув плешивой мордой, — ты хочешь тратить бесценное время на споры о территориальных притязаниях?

Нет, я не хотел. Всё, чего мне сейчас было бы достаточно — так это толкового и вдумчивого пояснения, какого беса тут вообще происходит?!

— Поверьте, господин фер вис Кри, — честно сознался я, косясь на экран, но смотреть стараясь в одну из камер, — у меня не было умысла перебегать дорогу вашей могущественной казоку. — И я решительно не понимаю, что это за устройство… Внутри ведь находится часть кулона, который я в своё время раздобыл по заказу «Жёлтых котелков»?

— Это он, — с неожиданной лёгкостью признал тот. — И я могу пояснить. Но вот, что я тебе скажу: это будет не очень-то просто.

Бой снаружи становился всё жарче. Я слышал визг супрессоров. Два взрыва раздались в опасной близости от кирпичной постройки, повторно осыпав куб, меня и убитого Сакагу тонкой пеленой пыли. Тактическая консоль на левом предплечье Первого Когтя закипала от вызовов.

— Значит, на, скажем так, наших парней снаружи сейчас наседают ваши йодда?

— Предположим, да. — Казоку-хетто на экране мотнул башкой. То ли кивнул, то ли содрогнулся в конвульсии. — И на этот раз, Ланс, в дело вступил отнюдь не уличный сброд. Но вот что я тебе ещё скажу: мне не хотелось бы причинять вред «Дитю

заполночи». Особенно после оказанных Сыну Бонжура знаков внимания, сисадда?

Я раскрыл полы пальто:

— Чёрно-жёлтого жилета на мне нет, господин фер вис Кри. Моя казоку не имеет отношения…

— Твоя личность, Ланс фер Скичира, значит для меня чуть больше возможных конфликтов с Нискиричем… — Хадекин издал протяжный хрип, который с определённой натяжкой можно было назвать усмешкой.

— Пусть Когане Но будет всемилосердна к вам и вашему семейству!

Запахнув пальто, я поклонился, вежливостью маскируя внезапный прилив волнения. Не очень-то уютно ощущать себя объектом интереса сразу нескольких столь внушительных фигур. В этот момент времени мне с неожиданным равнодушием показалось, что я не покину кирпичную коробку живым. Или, как минимум, целым…

Решил сходить и просто поговорить с Шири-Кегаретой и его прислужниками? В компании вооружённых «Садовников»? Да когда, байши, такое вообще бывало, и у кого, позвольте узнать — просто «пойти» и «поговорить» с главой опасного клана под присмотром наёмников?!

При невольных воспоминаниях о Ч'айе под сломанным ребром заныло, но я не мог позволить оборвать нить разговора с престарелым казоку-хетто:

— Могу я узнать, чем обязан такой доброте? Или это тоже часть благодарности за добычу старенького кулона?

— Не только. — Хадекин Кри издал новый протяжный всхлип, который я расшифровать не сумел. — Вот что я тебе скажу, Ланс: мы тут имеем дело с важным хранилищем данных.

Он замолчал, будто дальше я должен был разбираться сам. К слову, разобрался почти сразу и задумчиво уставился в ближайшее оконце металлического куба.

— И что с ним происходит? — уточнил я, снова приникая к бронированному стеклу и наблюдая за сменяющимися волнами зелёного света. Бессмысленность опасений за шкуру и жизнь вдруг сделали разговор лёгким, почти не обременительным. — Речь о неком считывании данных, верно?

— Яри-яри! — влажно чавкнула с экрана старая крыса. — Ты не так глуп, Ланс, как пытаешься казаться…

— Допустим, со всем уважением, господин фер вис Кри, вы действительно каким-то образом узнали о природе кулона… и его содержимого…

Я покосился на Сакагу, испытывая острейшее желание

немедленно связаться с треклятым Карпом. Заручиться поддержкой, свалить вину и столкнуть вожаков лбами, да хоть просто выиграть время, чтобы покинуть вонючий парк развлечений. И почему, байши, джи-там до сих пор не связался со мной?! Бросил всё на самотёк? Излишне доверился Пыльному? Занят более важными вопросами?! Такие сейчас вообще были?!

Что ж, придётся блефовать с жалкими обрывками информации на руках…

Я продолжил вежливо, но уверенно, не выказывая ни капли страха:

— Но, боюсь, вам совершенно неведомо, кто и с какой целью привёл меня сюда. А также вся глубина последствий, способных наступить, если процесс будет завершён…

— Вот что я тебе скажу, Ланс, — грубо оборвал меня Хадекин Кри, ещё ближе приникая к объективу, — ты здесь, чтобы остановить процесс считывания данных. И прислал тебя, с огромной вероятностью, лично Господин Киликили, чу-ха С Шерстью Миллиона Запахов, казоку-хетто «Уроборос-гуми». Я прав?

Мне оставалось только закрыть рот.

Да, Хадекин всё знал. И джинкина-там наверняка знал, что тот знает. Оба они вели странную игру, банальной игральной костью в которой стал беспечный Ланс Скичира, глупец и нарушитель клятв…

Я хотел снова заверить Диктатиона, что высоко ценю его проницательность и информированность. Поклясться в уважении и отсутствии враждебных намерений. Но тут же осознал, что время подметать пыль под лапами древнего вистар давно прошло, а потому:

— Предположим. Но я тут не по своей воле. — Рюкзак послушно соскользнул с плеч, подрагивающие пальцы расстегнули замок только со второй попытки. — Но вот вернуться мне бы хотелось именно по своей. Поэтому нижайше прошу ваших йодда не соваться за этот порог…

Видит Когане Но, и видит Двоепервая Стая — что мне ещё оставалось?!

Вынув брусок «Беспощадного ростка» (о, наследие штурма башни), я с неожиданным спокойствием закрепил детонатор между пальцами, активировал, и осторожно просунул левую руку с взрывчаткой в круглую нишу. Зажимы дрогнули, будто живые, но я контролировал глубину и не позволил датчикам ухватить себя за предплечье.

Кислотно-жёлтые глаза Диктатиона распахнулись, с губ сорвался хрип.

— Устройство защищено извне, верно? — безэмоционально поинтересовался я, снова задирая голову к камере наблюдения. — Но что-то подсказывает мне, что взрыв изнутри может его… немного повредить, сисадда? Наверняка даже с половиной этого чудесного парка, о посещении которого я мечтал всю сознательную жизнь…

Пасть Хадекина приоткрылась, рыхлый язык мелькнул и тяжело втянулся обратно.

— Послушай, что я тебе скажу, Ланс… — осторожно сказал он, но синтетический тон голоса всё ещё оставался весьма давящим. — Ты совершаешь ошибку.

— О, мне часто так говорят.

— Поверь, мой мальчик, я тебе не лгу!

— О, а так мне говорили ещё чаще.

Фер вис Кри подёргал носом, будто собирался чихнуть. Его взгляд казался пронизывающим и одновременно отсутствующим, будто расфокусированным.

— Этот кулон… его часть, если быть точнее — фазокубитный юнму, Ланс, — чуть тише произнёс Хадекин, на чьё изображение мне теперь приходилось смотреть совсем уж искоса. — Но тебе, полагаю, это и так стало известно. Дешифровка, Ланс, длится уже 309 часов, и почти завершена. И вот что я скажу: она напрямую связана с информацией, которая лично тебе будет очень, очень интересна…

— А, действительно! — я нервно хохотнул и покривился в камеру. — Именно об этом меня и спрашивали трое смельчаков, похитивших среди ночи от любимой лапшичной и оттащивших на допрос посреди засранной безнорыми парковки. Твои же ребята, верно? Давай, старик, пришло время поговорить начистоту!

Возможно, мне стоило успокоиться. Возможно, ещё разок попробовать дистанционный «низкий писк», с помощью которого я мог бы приказать старцу отдать нужные приказы, чтобы спокойно покинуть «Хари’н’ханси». Но усталость вдруг столкнулась со злостью, дав смесь покрепче эля и паймы, взболтанных один к одному.

— В их задачи входило лишь узнать, как много тебе удалось раскопать об истинной функции кулона, — торопливо ответил Хадекин.

Мне могло показаться, но стрельба снаружи стихла, и лишь где-то вдали изредка стрекотала пара ассолтеров. Ох, Прикус, прости, этой ночью счастливый бесхвостый талисман не сработал…

— Значит, это всё же были твои уродцы?

— Мои.

— Ты использовал очень странные методы, Диктатион, — я оскалился, бросив невольный взгляд на скрюченные в предсмертной агонии лапы фер Сакаги. — Это с твоих слов они грозили мне *«неприятными способами извлечения информации»*? Обычно такое кончается чьей-то смертью…

— Вынужден согласиться, юноша. — Фер вис Кри снова удивил меня лёгкостью признания. — Но вот что я тебе скажу: слово хетто, никто тебя убивать не планировал.

— Было бы достаточно простого разговора за кружкой чинги, — выдавил я сквозь зубы. Кисть начинала затекать, и я подвигал ей, чтобы ненароком не уронить взведённый «Росток» в глубины куба. — Или кувшинчиком паймы.

— Нам могли помешать, — равнодушно отрезал Кри.

— Нам и помешали! — почти крикнул я в воздух. — Так что изменилось кроме того, что вокруг меня снова свистели фанга?!

— Судя по тому, что у твоих ног лежит один из ближайших приближённых Данава фер Шири-Кегареты, — снова усмехнулся Хадекин, — смерть случайных участников событий не входит в число смущающих факторов?

Я нахмурился, вдруг осознавая его правоту. Камеры послушно считали замешательство, и глава «Диктата» продолжил. Размеренно, без нажима, всё тем же отстранённо-синтезированным голосом:

— Вот что я скажу, парень: хватит кровопролития. Не делай того, о чём опрометчиво задумался. Выходи наружу и мои парни — даю тебе ещё одно слово казоку-хетто, — не тронут. Более того, Ланс, они доставят тебя в Пузыри, и тогда я смогу тебе многое рассказать. О том, что творится… за границами светового круга. О тенях и призраках, которыми небезосновательно пугают детей…

— Прямо сейчас? — хмыкнул я.

И одновременно вспомнил меткое (кто бы знал?!) предположение Нискирича, что труп на колёсиках пытается переманить меня в свою стаю…

— Нет, конечно, — смиренно покивал старый чу-ха. — У тебя будет масса времени, чтобы прийти в себя, и ещё дюжину раз рискнуть жизнью… — А через миг его голос завибрировал властной волной: — Конечно, сейчас, дурачина! Чем раньше ты узнаешь правду, тем меньше циновок будет испачкано кровью!

Признаться начистоту, я едва не выдернул руку. Клятва вожака, пусть даже данная без свидетелей, стоила тысячи моих собственных обещаний. Однако пальцы лишь крепче сжали «Росток», а подбородок вздёрнулся с откровенным вызовом.

— Мне почему-то кажется, что ты просто тянешь время! —

Ох, до чего же мне хотелось сказать это твёрдо и уверенно, но в конце фразы пара струн в голосе всё же дрогнули. — Может, потому что я здесь по личной просьбе конкурирующего хетто, с которым ты никак не можешь поделить центральные районы Юдайна-Сити?!

Сложно сказать, откуда взялась дерзость таким тоном реагировать на щедрые предложения самого Кри. Чуть позже я задумался и решил, что её спровоцировала безысходность, в душных объятиях которой Лансу Скичире довелось смириться, что следующим утром Ч'айя уже не дождётся своего «защитника»…

— Вот что я тебе скажу, — ещё тише произнёс Хадекин, покачивая головой, — ты запутался. И всё не так, как кажется. Повторюсь ещё раз, Ланс, информация на юнму в этом дешифраторе тебя очень заинтересует.

— Ну, давай, брось мне кость! — Свободной рукой высвободив флягу из внутреннего кармана, я неловко открутил крышку и добротно приложился. — О чём же она? О переделе Бонжура? О восстании в Такакхане, способном смести власть вистар и Смиренных Прислужников? А может, она о…

— Она о твоей расе, — запросто ответил Хадекин фер вис Кри. Сказал совсем негромко, но заставил меня мгновенно заткнуться. — Она о людях, Ланс. О *человечестве*, если угодно. Ты ведь чувствуешь, что эти почти незнакомые слова находят в твоей душе странный отклик?

Я всхлипнул. Попробовал рассмеяться, но не смог. Прочистил горло, но не нашёл слов. Хотел презрительно сплюнуть, но в который раз только перепачкал щетину на подбородке.

Прекрасно! Виртуальная дрянь в глубинах Мицелиума твердит мне о спасении Тиама. Столетний чу-ха, чьи боевики, судя по всему, всё-таки подавили сопротивление «Добродетельных Садовников», тоже решил зайти с коронных фишек.

Пришло время вновь ощутить себя на поле для игры в моннго. Но на этот раз не полководцем, собирающим комбинацию для атак и их отражений, а фишкой. Простенькой, едва ли устойчивой фишкой, вокруг которой забабахали очень непростую схему…

— Я должен попросить прощения, Ланс, — вдруг сказал Хадекин, внимательно наблюдая за моей позой. — Нельзя было допускать, чтобы ты переметнулся к «Уроборос-гуми». Какие рычаги давления он использовал после твоего сегодняшнего похищения?

— Он меня не похищал, — удивился я, не успев вовремя

захлопнуть рот.

— Вот как? — Казалось, такой ответ застиг хетто «Диктата» врасплох. — Что ж… значит, в ход пошёл обман. Ты ведь понимаешь, что Господин Киликили мог бы заставить тебя силой? Но не стал, рассчитывая приобрести игрушку, которой сможет и дальше управлять… Манипуляциями, ложью и преднамеренным запутыванием…

На этот раз я не стал реагировать, хотя очень хотелось. Прямо очень. Впрочем, старик считал мои эмоции и с неподвижного лица:

— Ты имеешь право знать, что Хадекин фер вис Кри совершил ошибку и почти опоздал… Оттого мне отрадно видеть, что ты ещё не всецело в лапах лживого Карпа… О, Всемилосердная Когане Но, как мне тебя убедить?

Наверное, часть меня была готова сдаться. Поверить Кри, заручиться его обещанием и покинуть парк в сопровождении новых конвоиров. Но другая часть — та самая, что лезла под фанга, напивалась с малознакомыми крысами и помогала Нискиричу в его тёмных делишках, — она всё ещё хотела скалить клыки.

— Придумай, уважаемый Диктатион, — без всякого уважения бросил я в угол, где крепилась камера. — Иначе сюда войдут твои йодда… сколько их? Сотня? Больше? Не важно… Так вот, когда они войдут, ты сможешь убеждать только те ошмётки Ланса Скичиры, что останутся после взрыва «Ростка». Как думаешь, у тебя получится? А ещё, уважаемый Диктатион, тебе предстоит столкнуться с *такими* последствиями моей смерти, что ты даже не помышля…

— Ты говоришь про зашифрованные пакеты с посеянной по всему Мицелиуму тайной об истинном происхождении Господина Киликили, — металлическим голосом уточнил чу-ха, заставив меня почти до крови прикусить губу. — О защищённых ячейках, готовых вскрыться после твоей кончины?

Я замолчал, твёрдо решив в этой жизни больше не произносить ни слова. Никому и никогда. Потому что в этом не было никакого смысла, а окружающие меня хвостатые ублюдки в девяноста процентах случаев знали куда больше, чем им полагалось.

Вероятно, реакция тоже не укрылась от старика, потому что Диктатион на экране снова издал подобие смеха, безжалостно искажённого системами консоли куба. Верхний свет замерцал, а на улице стало пугающе тихо.

— Это очень хороший план, Ланс, — признал Хадекин, кивнув так тяжело, словно голова его стала гранитной. — И

поэтому я ещё раз клянусь, что мои парни не собирались убивать тебя той ночью на парковке. Пойми, пунчи, гнездо не готово к открытию этой тайны. А ты нужен мне.

Последнее я расслышал едва ли, будто сквозь толстое одеяло на голове.

— Ты схватил Зикро?! — с жаром догадался я, и задумчиво уставился на половинчатый код Господина Киликили, всё ещё мерцающий на соседнем экране.

Мысли упорядочились, стали спокойнее и легче.

Поразившись собственной глупости, я ногтем вскрыл клейкую полоску вдоль «Ростка», как можно надёжнее припечатал его в считанных сантиметрах от кольцевидных зажимов, и вынул онемевшую руку. Понадёжнее зажав пусковую часть в пальцах, показал в камеру, и отступил в дальний угол, чтобы избежать попадания сквозь дверь.

— Старый ублюдок, — выпалил я, не отводя глаз от изображения дряхлого хетто, — ты схватил моего друга?!

— Кого?! — с секундной заминкой переспросил Хадекин. — Ты про своего бритоголового приятеля? Ланс, вот что я тебе скажу: подумай, за каким *уем мне сдался тот несчастный мицели-слибу?

Общее непонимание происходящего стало таким острым, что мне захотелось прямо сейчас взорвать «Росток». Просто чтобы *рраз!* — и больше нет странных вопросов без ответов, туманных намёков, игр словами и жонглирования доводами.

Если Хадекин не лгал и в самом деле плевать хотел на Зикро, то откуда он знает о резервной «болтушке» и рассованной по всей «мицухе» записи разговора с джинкина-там?

Откуда знает, что Господина Киликили не существует в нашей привычной реальности?

И почему — если знает, — продолжает играть с ним в передел Юдайна-Сити по правилам, установленным за столетия даже до своего рождения? По правилам улиц и всего гнезда, ценным лишь для *настоящих живых*? Да при этом не чурается открыто обвинять джи-там во лжи и двуличии!

Байши, да ведь через крохотные камеры в углах за мной наблюдал буквально-таки эталонный чу-ха… или?

Когда через секунду я открыл рот, из него вылился поток весьма грязной брани. Он не относился напрямую ни к Хадекину фер вис Кри, ни к Данаву Шири-Кегарете, ни к окружившим (наверняка) постройку криитам. Он адресовался обстоятельствам, судьбе и противоречивой удаче, заманившей меня в парк «Хари'н'ханси».

А затем я усмехнулся, глядя на экран, а не в чёрный глазок

объектива:

— Ты и есть Песчаный Карп, верно? Не знаю, зачем и почему, но это тоже ты. Именно поэтому в начале рейда ты общался записями… — Я с пониманием покивал и глотнул ещё паймы. — Ну и зачем? Ради чего представление? Там, снаружи, вообще был бой? Или парни палили в небо да потешались над жалким пересравшимся терюнаши?! Давай, сученыш, имей смелость признать, что я тебя раскусил!

— Песчаный Карп? — проскрежетал Хадекин, не дрогнув ни единым мускулом. — Ты думаешь, что я — Шири-Кегарета, Господин Киликили? Вот что я тебе скажу, Ланс Скичира — давай-ка без оскорблений.

Я хохотнул, поражаясь его необъяснимой упёртости, замешанной на недоступных моему разуму вычислениях. Покачал головой, решившись на финальный ультиматум, после которого «Росток» распустит свои трепетно-жаркие лепестки…

И вдруг почти выронил флягу.

Неужели такое было возможно?

— Ты тоже, — прошептал я. Вплотную придвинулся к экрану и всмотрелся в безжизненные глаза престарелой крысы, будто видел впервые, и только теперь видел *по-настоящему*. — Да ведь ты тоже джинкина-там…

Из динамиков консоли вырвался смех. Жуткий, скрежещущий, совершенно не вяжущийся с почти неподвижной мордой Хадекина фер вис Кри, его обвисшими усами и жёлтыми глазами, уставившимися в вечность и забвение.

— Джинкина-там не существует, — произнёс мой собеседник сквозь гуляющее по комнате эхо странного хохота. — Это миф. Выдумка, сисадда?

Сжав губы, я только покачал головой и медленно приподнял детонатор.

— Ладно! — тут же выкрикнул Диктатион, и на этот раз его голос уже не казался столь синтезированным. — Ладно, Ланс. Даже тот, кто спотыкается о собственный хвост, при должном старании способен перепрыгнуть через угли… Я снова отдаю должное твоей проницательности.

Я не мог поверить.

Вместо того, чтобы обдумывать услышанное, постарался занять себя мелкими, откровенно бесполезными делами — старательно закрутил и спрятал в карман полегчавшую флягу; проверил запоры на двери; обошёл вокруг куба и убедился, что дополнительных входов в комнату нет; задумчиво перебрал ячейки гаппи, так и не решившись выбрать ни одного профиля.

Байши, байши, байши… Снова вынув флягу, я почти

прикончил её содержимое, и только после этого вернулся на прежнее место перед консолью.

— Ты принял верное решение, Ланс, — сказал Хадекин, терпеливо наблюдающий за моими метаниями. Голос его будто бы прочистился.

— Я ещё ничего не решил!

Засучив левый рукав пальто, я сжал детонатор в другой руке и поднёс обнажённое предплечье к нише, в которой притаился «Росток». Блестящие в глубине кольца казались капканом, готовым безжалостно схлопнуться на моей шкуре. Словно силок — старинный силок-куранпу, из которого не вырваться ни одному зверю пустыни.

Но я ещё не был готов.

Спросил тихо и подавленно, обращаясь к странному клавиатону с незнакомыми символами на выпуклых кнопках:

— Ты что же, его «брат»?

— Не самый применимый термин, Ланс. — Теперь, когда существо, притворявшееся хетто второй по величине казоку гнезда, избавилось от нарочитых речевых оборотов, его голос и тон становились всё более… живыми? — Мы предпочитаем оценивать это системной множественностью допустимых для автономии личностей.

Я невесело скривился.

— Выходит, ты его отражение?

— Больше подойдёт сравнение с расслоением, пунчи.

— Значит, — задумчиво пробормотал я, изучая резервную «болтушку» на правом запястье, — если я выдам личность Ширi-Кегареты всему Юдайна-Сити, я выдам и тебя? Грохну двух виртуальных тварей одним ударом?

Он рассмеялся. На этот раз без имитации горловых модуляторов, а чисто, почти заразительно. Чем, сука, ещё сильнее напомнил мне разговор в «Слюдяном мосту»…

— Нас очень нелегко «грохнуть», юноша, — спокойно ответил Диктатион.

Изображение трухлявой марионетки на экране не исчезло, но теперь у джи-там не было нужды имитировать её физиологические реакции.

— Навредить можно, да. Навредить можно любому. Но ликвидировать? Теперь, когда карты на столе, я повторюсь ещё раз — если уничтожишь себя и дешифратор, оборвёшь дело всей моей жизни. Не *нашей*, Ланс. Не *его*. А лично моей.

— И в чём же заключается это дело? — я поднял слезящиеся от пыли глаза, мечтая вернуться в прошлое и никогда не пускать в свою нору Подверни Штанину, опечаленного пропажей сына…

— Спасти мир, — произнёс Хадекин (или как бы там он себя ни называл). — Существующий, привычный. А ещё его завтрашний день.

Я засмеялся, ощущая горькие симптомы подступающей истерики. За стенами кирпичного здания продолжали властвовать ночь и тишина, обманчивые в своей миролюбивости. Как там сказал спятивший Зикро? *«Не имей дел с демоном»*? А если тот меняет личины и не оставляет выбора?

— Серьёзно?! — ещё задыхаясь от нервного смеха, уточнил я. — А ведь Карп говорил то же самое, слово в слово!

— Тот, кто именует себя Князем-Из-Грязи, действует исключительно в личных интересах, Ланс, — просто ответил Кри, даже интонациями не пытаясь сделать так, чтобы я поверил. — Которые по ряду причин не совпадают ни с моими, ни с твоими. Не говоря уже об интересах одной юной дамы, сейчас заточённой в стенах твоего роскошного кондоминиума.

При упоминании Ч'айи меня будто окатили из ведра, причём не ледяной водой, а очень холодными булыжниками. Если бы слова и мысли оставляли следы, лицо Ланса Скичиры в этот миг превратилось бы в месиво.

На положенные места встали ещё несколько фрагментов головоломки. Подарок Диктатиона. Попытка перехватить кулон. Искренние мольбы, подкреплённые внушёнными мыслями о необходимости спасения Тиама…

Я медленно вынул руку из ниши, «Росток» снимать всё-таки не спеша. Пожалел, что пайма кончилась, но сразу же и обрадовался этому обстоятельству. Вспомнил Ч'айю, её запах и нежность кожи, её улыбку и гневный прищур, завиток морщинки на лбу… её ненасытность и неприкосновенность.

— Сейчас ты выйдешь из хранилища, Ланс, — мягко приказал Хадекин фер вис Кри, или то, что осталось от него в бронированном медицинском куполе на колёсах. — Позволишь моим крысам убедиться, что дешифратор в безопасности. А затем я без спешки и лукавства расскажу тебе тайну твоего рождения. А ещё о роли сущности, известной нам всем под именем Песчаного Карпа, ведь она принимала в упомянутом процессе самое непосредственное участие.